

№ 9
2012

КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НИВА

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕВ

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Б. М. КАНАПЬЯНОВ**
(г. Алматы), **Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ**, (г. Астана), **А. Ю. КУРЛЕНЯ**
(г. Петропавловск), **Р. Ю. МАХАТАДЗЕ** (г. Караганда),
Ю. Д. ПОМИНОВ (г. Павлодар), **В. И. РЫЖКОВ** (г. Караганда),
Т. И. СЫЗДЫКОВ (г. Кокшетау), **А. Ю. ТАРАКОВ** (г. Астана),
И. Б. ТЕТЕРИНА (г. Астана), **В. В. ШУПЕЙКИН** (г. Алматы),
Л. Ю. ЮРКОВА (г. Усть-Каменогорск).

В номере:

Наш общий дом

Н. Курпякова. Медаль Пушкина — казахстанскому поэту 3
С. Жагипаров. «Здесь всё для сердца мило...» 92
Р. Бикмухаметова. Все мы — дети Земли 109

Проза

Д. Досжан. Человек песков — Абориген. *Повесть (продолжение)* ... 4
Т. Куштивская. Имеющий глаза да видит 35
Л. Розин. Ошарашунг. *Роман* 36
С. Назарова. Сюрпризы теорий; Такой-сякой «Кама-сутра».
Рассказы 63

Поэзия

А. Козырев. «Я вспоминаю золотистый свет...». *Стихи* 26
В. Василенко. «Там, на семи ветрах, любви воздвигнут храм...».
Стихи 59
О. Кувшинникова. «Жалеть не станем ни о чём...». *Стихи* 76

© «Нива», 2012, Астана

Культура. Общество. Личность

Г. Кабышулы. Писатель, публицист, борец 81

Документальная проза

И. Стругова. Архипелаг Гудлак (*продолжение*) 111

Занимательное языкознание

В. Киянский. Евразии лик в общих звуках. *Казахско-русский ассоциативный словарь (продолжение)* 135

Критика и литературоведение

Дополнительный урок

В. Еремеева. Художник многоцветного слова 151

С. Мамедов. Стирая пространство времени 164

Искусство

Д. Бекова. Ваятель многоликой эпохи 167

История без купюр

Ю. Попов. Лев Гумилёв: карагандинский срок 170

Из почты «НИВЬ»

Р. Кирибаева. Ждём новых встреч 177

В семейном кругу

Ю. Попов. Городской базар; Колхозный мёд. *Рассказы* 179

Приключения. Детектив. Фантастика

Н. Шмигалёв. Почти как три богатыря.

Волшебно-приключенческая сказка (окончание) 190

Сатира и юмор

Б. Ахмедиев. Школа с уклоном 207

На первой и четвёртой страницах обложки: из работ Каната Нурбатурова.

К сведению читателей

В июне 2012 года сайты нашего журнала **www.niva-kz.narod.ru** и **www.niva.ucoz.kz** посетили 3000 читателей из 29 стран: 1380 из них — жители Казахстана, 880 — россияне. Остальные представляют Бельгию (201), Германию (119), Украину (106), США (71), Исландию, Белоруссию, Польшу, Францию, Португалию, Киргизию, Эстонию, Болгарию, Израиль, Китай, Великобританию, Финляндию, Узбекистан, Азербайджан, Армению, Южную Корею, Чехию, Турцию, Канаду, Латвию, Молдавию, Грузию, Австрию.

Наталья КУРПЯКОВА

5 июля в Астане известному казахстанскому поэту, главному редактору республиканского литературно-художественного и общественно-политического журнала «Нива» Владимиру Гундареву вручена Медаль Пушкина, учреждённая указом Президента России 9 мая 1999 года в ознаменование 200-летия со дня рождения великого русского поэта.

– Владимир Гундарев награждён за большой вклад в развитие культурных связей России и Казахстана, сохранение и популяризацию русского языка и культуры за рубежом, – сказал, вручая государственную награду Российской Федерации, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в РК Михаил Бочарников. – От всей души поздравляю вас и желаю дальнейших творческих успехов.

Церемония награждения прошла в тёплой неформальной обстановке в Российском посольстве, куда пришли представители государственных и общественных структур, журналисты, друзья и коллеги Владимира Романовича. Звучали поздравления и стихи. «За внешним обликом почтенного мэтра словесности скрываются страстное сердце и душа человека, который неравнодушно относится к жизни и передаёт своё видение мира в творчестве», – добавил после официальной части выступления Михаил Бочарников, а в подтверждение сказанного процитировал строки стихотворца:

За благоразумием внешним
Скрываю я то, что объят
Пьянящим цветением вешним
Души нестареющий сад.

– Медаль Пушкина для русского поэта, в какой-то степени наследника пушкинских классических гуманистических традиций – это самая высокая награда, с которой не сравнится и Нобелевская премия, – говорил в ответном слове Владимир Гундарев. – Всё-таки Нобель – это разрушитель, изобретатель динамита, а Пушкин – творец, созидатель.

Созидание и творчество стали основой жизни и для Владимира Гундарева, автора многих поэтических книг, публицистических произведений. В конце 1990 года он основал журнал «Нива», который за два десятилетия стал авторитетным изданием, получившим признание и в республике, и за рубежом. Здесь публикуются произведения авторов из Казахстана, России, стран СНГ, ближнего и дальнего зарубежья.

Фото Игоря БУРГАНДИНОВА.

Дукенбай ДОСЖАН

Человек песков – Абориген

Повесть

(Продолжение. Начало в № 8 за 2012 год)

Перевод с казахского **Максултана КЕНЕСБАЕВА**

В то время май закончился, и началась июньская жара. Постоянно выпивая жижу горького супа, чтобы живот не затвердел, он, как синяя лягушка, исхудал, стал жилистым, без грамма жира. Что делать? Сюда повернёшь – бык может подохнуть, туда повернёшь – арба сломается. Стоит ему в жаркий день выпить чашку чёрного чая, как тут же начинает болеть живот; прослышав, что суп из мяса худого барана полезен для желудка, он попробовал его, так два дня бегал в пески, не давая покоя ногам. Оказывается, если желудок не переваривает пищу, то силы начинают покидать человека. Глаза его впали в глазницы, морщины углубились, лицо похудело.

– Схожу к Ергенбаю, покажусь ему, надо бы до осени хорошенько полечить и живот, и поясницу. Может, поправлюсь.

Так рассуждал он и не заметил, как тяжело заболел и свалился с ног. Он не боялся, что умрёт, опасался, что с его смертью отломится ещё одна ветка от ещё одного казахского корня, что шёл от деда к сыну.

Чего только не видели казахи в своей истории. Говорят, что когда-то китайский богдыхан решил: «Во что бы то ни стало надо уничтожить казахов, населяющих такую огромную территорию. Убить всех казахов, чтобы они исчезли с лица земли как единая нация».

Дав калмыцким контайши китайские пушки, наняв из Европы шведских, английских инженеров, он исподтишка направил калмыцкие и джунгарские войска против мирных казахов, занимавшихся пастьбой скота на огромных степных просторах. Калмыцкие и джунгарские войска напали на мирные казахские аулы как голодные волки; проще говоря, эту войну можно назвать истреблением мирного народа, у которого не было такого современного оружия, как у джунгар. Истреблением, похожим на истребление овец. Это были тяжкие годы, годы бедствий, страданий и слёз. В этих кровопролитных битвах из общего количества казахов погибло две трети.

В то время в каждой ложбине можно было увидеть головы казахских мужчин, а женщины, проданные на чужбину в рабство, с плачем покидали родную землю.

В начале XVIII века калмыцкие контайчи под предлогом завоевания тучных бескрайних пастбищ замыслили стереть казахов с лица западных степей. А следом за калмыками под тем предлогом, что «казахи поднялись против России», царская власть отправила против мирных казахских аулов уездов Иргиза, Тургая, Каркары свои карательные войска. У них были дальнобойные пушки, поливающие свинцовым дождём пулемёты. Тысячи солдат вооружились винтовками с нарезными стволами, а это позволяло пуле улетать далеко и точно поражать цель. Многочисленные войска окружили плотным кольцом население трёх волостей Иргизского уезда. Полковник Разик писал в своей тетради: «Мы остановили повстанцев только тогда, когда взяли их в перекрёстный огонь пулемётов, винтовок и пушек. Они вынужденно отступили, когда все окрестные холмы были завалены трупами казахов. Убитых и тяжелораненых насчитывались тысячи...». А на Каркара-джайляу, что находится в Семиречье, царские каратели привязывали казахов к стволам пушек и разрывали на части, когда же

у них кончались патроны, закалывали казахов штыками винтовок. По сведениям из романа Ауэзова «Лихая година», посвящённого событиям 1916 года в Каркаре, казахов было убито до 40 тысяч человек. Во время голода 1931-1933 годов умерло свыше полутора миллионов казахов. В 1936-1938 годах во времена сталинских репрессий по уничтожению «врагов народа» было убито более 66 тысяч человек. В период Великой Отечественной войны более 550 тысяч казахских солдат в далёкой стороне от Казахстана в сражениях с войсками гитлеровской Германии по освобождению территории Советского Союза от оккупантов во имя победы над нацизмом под огнём пушек и пулемётов, под бомбами и снарядами погибали юными, полными сил. После всех этих бедствий и трудностей, происходивших в течение полувека, численность казахского народа до сих пор не достигла показателей до Октябрьского переворота.

Да, наш герой, лёжа в больнице областного центра, не боится, что лечение не пойдёт на пользу, и он умрёт; нет, он страшится другого, что прервёт священную нить, передающуюся от прадеда к деду, от деда к внуку. Переживал, что умрёт, не донеся до сына завет своего отца. Неизвестно, сколько он сидел на солнцепёке, как вдруг сзади раздался пронзительный голос, окликающий его по имени. Оказывается, его искала медсестра.

– Куда вы пропали? Врач в гневе и говорит: если вы будете бродить, где захочется, он отправит вас в психлечебницу, и вы станете смотреть на мир сквозь решётки окна. От злости он стучит кулаком по столу... Пойдёмте скорее!

Сказав это, медсестра, не дав и слова молвить, подхватила его под мышки и потянула к больничной двери. Из-за быстрой ходьбы заныли бока и почки, отчего ко рту подкатила жёлчь и застыла комком. Он не выдержал и по дороге сплюнул на пол. Медсестра очень была недовольна этим.

Эх, как не хотят понять люди, что для него, привыкшего вольно жить на обширных просторах песков, вот этот узкий двор больницы, вот эта маленькая палата кажутся тюрьмой. Встанешь – продолговатый, сядешь – как сугроб; не сможешь лёжа свободно протянуть ноги, не можешь от души рыгнуть, когда хочется, нельзя ни громко разговаривать, ни от души посмеяться; попробуй только сказать, что пропитанная водой рисовая каша и овсяной суп – это не еда, а чёрт знает что.

Абориген устало вошёл в небольшую комнату и лёг на одну из пяти кроватей. И тут же к нему подошёл хромоногий больной и заревел от злости:

– Ты куда лёг, скотина? Это моя кровать!

Только сейчас он понял, что, будучи в расстроенном состоянии, по ошибке забрёл в чужую палату. И поняв, тут же постарался поскорее уйти, чтоб не связываться с этим типом. Пришёл в свою маленькую палату. Здесь его встретил дежурный врач со злобным, недовольным лицом, похожим на ангела смерти – Азраила.

– Вы что, – выдавил он посиневшими губами, – во время обхода болтаетесь где попало, лекарства, говорят, выбрасываете в туалет, ночью будите остальных больных, выкрикивая во сне «кайт, кайт! Шайт, шайт!». Плюс ко всему говорите, что сердце у вас болит и в чай крошите кусочки хлеба! Это что за наглость, что за беспорядок! Не знаю, что и делать с вами.

Так, ругаясь, врач положил Аборигена в постель. Поднял ему рубашку, скрестил руки, пощупал живот, бока, измерил кровяное давление, открыв глаза, посмотрел на зрачки. Уже выходя из палаты, добавил:

– У вас денег, наверное, много, поехали бы в столицу и полечились бы в платной клинике, может, вам не идёт на пользу больничный хлеб и белая перина

постели... – Остановившись перед дверью и заметив длинные, худые ноги чабана, высунувшиеся из-под одеяла, удивился их невзрачному виду. – И как он только ещё не умер, – удивлённо проговорил он. Когда же его глаза встретились со взглядом Аборигена, он почувствовал себя неудобно, как будто был в чём-то виноват перед этим несчастным чабаном. Не дай Аллах чувствовать такое! Втянув голову в плечи, он торопливо, словно убегая от опасности, быстро вышел из палаты и захлопнул дверь.

Как тяжело чувствовать себя одиноким, чужим в этом огромном мире, полном жизни и движения. Абориген долго лежал, уставившись в потолок. Бедный отец говорил: «Если и не увижу ничего хорошего в этой жизни, то, Иншалла, увижу в потустороннем мире». Он всю жизнь провёл за пастьбой скота. И эта мечта, и эта вера поддерживали его в самые трудные моменты его нелёгкой, полной мучений жизни. И ни разу он так и не покинул пределы холмов Абылуйгена.

Наш герой верил, что интересное и счастливое детство заключается в том, чтобы пастись овец, отделять ягнят и тем самым помогать отцу в его тяжёлой работе. В школе он постоянно получал только тройки и, учась посредственно, звёзд с неба не хватая, получил аттестат зрелости. Вначале он думал, что чабаны неплохо живут, раз пасут многочисленные стада, и надеялся на хорошее вознаграждение за свой труд. Но в первый же месяц он понял, насколько трудна их работа.

В знойные дни он жарился под раскалённым солнцем, да так, что из-под кепки обильно текли струйки пота, а через хлопчатобумажную одежду проступали солёные пятна. Сидя верхом на худой, обессиленной кляче, он продолжал жить вдали от людей на бескрайних просторах песков. Вначале он позабыл симпатичную одноклассницу, которую провожал в столицу на учёбу, её игривый серебристый смех, так приятно звучавший для слуха, потом позабыл и гул синеватых вагонов поездов, увозивших в далёкую столицу красивых, молодых, полных огня и задора аульных красавиц.

Однажды в июле он пас овец на вершине холма Абылуйгена. Он слез с коня, выпил кислого молока и немного задремал. Вдруг до его слуха донёсся звонкий смех одноклассницы, он поднял голову. Протерев глаза, посмотрел по сторонам... ему показалось, что он заметил стройную девушку в красном платье, которая шагала в горячем желтоватом мареве. Он встал и, суетясь, быстро побежал. На откосе поскользнулся и полетел вверх тормашками. Поднявшись и успокоив дыхание, стал пристально смотреть на горизонт. И нигде не обнаружил ни девушки в красном платье, ни её больших чёрных глаз. Вытаращив глаза и беспокойно озираясь по сторонам, он не увидел ничего, кроме жёлтого марева да песчаных холмов.

Тогда он лёг ничком и, взяв в руки горячий песок, заплакал горькими слезами. О боже! – подумал он. – Оказывается, я потерял не только девушку в красном платье, но и юность, потерял свою заветную мечту, а как она была хороша! Как легко мечталось в те далёкие теперь годы юношества, когда кровь бурлила в жилах и жизнь казалась такой прекрасной! Куда, о боже, подевались грёзы и фантазии, на крыльях каких птиц исчезли из глаз?.. Разве об этом мечтал он! Разве думал, что когда-нибудь будет лежать вот так на песке и вдали от людей слушать надрывное завывание ветра? Он понял, что потерял не только девушку в красном платье. Он потерял главное – надежду на лучшую долю, на лучшие дни. Говорят, у русских есть одна мудрая пословица: «Если ты потерял деньги, ты ничего не потерял, если друзей – то потерял половину, но если ты потерял надежду – то потерял всё!». И лишь сейчас его сердце пронзила горестная мысль – он потерял надежду, а значит – всё. Потерял всё! Остался ни с чем...

Тормоша за плечи, от дум его отвлѣк сосед, лежавший рядом на кровати. «К тебе пришли», – сказал он.

Абориген продолжал бы растерянно сидеть, ведь не так легко прийти в себя после полѣта фантазии, но тут открылась дверь, и в палату вошёл старик Калтак с маленьким морщинистым личиком и небольшой козлиной бородѣной. Абориген очень обрадовался. Да и как не обрадоваться – прошло уже больше месяца, как он лежит на этой постели, а к нему не пришѣл ни один человек и не спросил: «Ау, как твоѣ здоровье? Поправляйся, дорогой».

Сколько раз дома к нему в гости приезжал толстый, упитанный, как жирный бык, Ергенбай на тарахтевшем трѣхколѣсном мотоцикле.

«Ой, Абеке, мы же родственники, дорогой мой человек, в наши дни щедрый господин не тот, кто даёт, а тот, кто получает. Ради Аллаха, дай мне барана на пропитание моей бедной семьи». Продолжая говорить, он укладывал в коляску жирного барана и, довольный, уезжал восвояси.

Абориген ничего не жалел для этого человека: «Ой, как тяжело ему приходится, бедолаге, жить в райцентре, глотать пыль. Пусть берѣт. Думаю, не забудет родственный долг».

А его сосед по пастьбе овец чабан Есенбай такой жадный, такой хитрый, такой расчѣтливый – только увидит его, как тут же торопится к нему, радостно протягивая руку:

– Ау, Абориген, мой ровесник-курдас, истари считается, что помощь соседу гораздо дороже далеко живущих родственников. Ведь если ненароком заболит голова и прихватит сердце, рядом всегда окажется сосед. Выручай, дорогой мой, с утра башка трещит, у тебя случаем не осталось от вчерашних гостей чего-нибудь подлечиться? – с лисьими ухватками и ужимками, мягко стеля словами, хитрец Есенбай выпивал, жрал мясо и уходил довольный, поглаживая набитое пузо.

«Ахау, лунолика моя, где же видел я тебя, ты же моѣ сердце разбила, жестокая моя», – так притворно напевая, Есенбай якобы в шутку щипал за ляжку его жену... Эй, да я и позабыл про его равнодушные к женщинам, – спохватился Абориген – он же, сытый кот, может, и сейчас обхаживает мою луноликую жену, а?! Приезжает каждый вечер и поѣт свои завлекательные песенки, скотина! Ревность, как серая кошка, вонзила когти в его сердце, и ему стало плохо от этих чѣрных мыслей... Да ладно, Бог с ней, с этой безосновательной ревностью. Главное в другом. Где, спрашивается, его сосед Есенбай, в обычные дни весѣлый и беспечный? Почему не приедет хотя бы один раз и не поинтересуется его здоровьем? А? А где же толстый, как бочка, Ергенбай, так часто приезжавший в гости, чтобы что-нибудь увезти с собой, приговаривая: «Щедр тот господин, который не даёт, а который берѣт». Что-то быстро он забыл про родственный долг! Ведь могли же они привезти хотя бы лепѣшку из тандыра и спросить о его здоровье, это же не так трудно: на денѣк вырваться в областной центр в эту больницу. Э-э, я понял вас, мои дорогие земляки, ох как хорошо я вас понял! Вы, оказывается, думаете только о себе, живѣте на солнечной стороне, купаясь в лучах солнца, довольные собой, расчѣтливые и хитрые. Что вам моя боль и мои страдания! Вы же так ловко пользовались мною, все вместе не стоите одного бедняги чабана Калтака, который самый бедный из вас, самый одинокий из вас, живущий тем, что пасѣт частных овец. Ах вы, мои голосистые соловьи, мои голубки, мои сладкоречивые родичи и соседи!

– Идите сюда, дядюшка, – Абориген тепло и радушно пригласил тщедушного старика к себе на койку. Не смог сказать тому «Калтак» – это бы звучало как унижение. Суетясь, усадил аксакала на постель, сам расположился рядом. Калтекен, несмотря на свой маленький рост, жидкую бородѣнку, бедную жизнь, был

человеком весьма упрямым и щепетильным, в случае чего, если чем недоволен, он бы не поздоровался и с самим акимом области. Пригладив седую бородку, Калтак сунул руку в карман, достал табакерку с нюхательным табаком, открыл крышку, с удовольствием понюхал, потом закрыл и положил обратно в карман. Абориген думал – вот сейчас старик чихнёт, однако нет, не чихнул, а участливо спросил: «Как ты? Ты, я вижу, совсем похудел, вон глаза впали в глазницы. Видать, не пошла тебе на пользу рисовая каша государства. Разве это еда?».

«Как в родных местах?» – спросил Абориген, наклонившись к аксакалу, что неказистым обрубок дерева сидел рядом, а на самом деле он хотел спросить о своём доме, оставшемся одиноким в песках. Упрямый старик неторопливо огляделся по сторонам, почмокал губами и только тогда сказал:

– Я 15 дней пас твоих овец в этой бескрайней бесплодной пустыне. Что за гиблое место, собаку привяжи – сбежит. С востока нагрязнула песчаная буря, если бы не твоя жена, которая днём и ночью откидывает лопатой песок, то он бы совсем засыпал твой маленький дом по самую крышу. Колодец твой высох, теперь приходится питьевую воду доставлять на вездеходе издалека. Чиновники совсем растерялись, бедные... Ты, наверное, не слыхал, что небольшую часть отары Есенбай завалило песчаной лавиной, ведь это он спорил с тобой за пастбища с солнечной стороны, так всё это оказалось напрасным, пропал тяжкий труд бедняги.

В это время в палату вошла дежурный врач. Увидев старика в верхней одежде без халата, сидевшего на койке, подняла крик и выгнала его. Следом за ним поплёлся и Абориген. Пройдя по узким коридорам, спустившись вниз по каменной лестнице, вышел во двор. Прошёл к привычной деревянной скамейке, где уже сидел Калтак, и расположился рядом.

«Скажите, отец, кто сейчас помогает пасти овец, – с нетерпением спросил он, – как жене одной бороться с песчаными бурями и кто будет пасти овец, как ей выдержать всё это?..».

«Когда я собрался ехать сюда, чтобы навестить тебя, то Мамырайхан сказал, что придумает что-нибудь... Ау, оказывается, я забываю тебя спросить: у тебя что за болезнь, что я скажу людям? Есенбай, твой одногодок, болтает всякое, якобы Абориген заболел проказой и сидит за железной решёткой под охраной вместе с другими больными в лечебнице недалеко от областного центра. Говорит всякую чушь без всякого зазрения совести, подлец».

Аборигену стало плохо, когда он услышал такие слова, будто кто-то навалил ему на грудь огромную льдину – так холодно стало на душе; у сплетника рот кривой, в наше время на роток не накинешь платок. На всех и платков не хватит!

Проказа – опасная болезнь, которая вот уже более двух тысяч лет никак не излечивается и стала настоящим бичом для человечества. Вначале она отравляет кровь. Хорошо хоть не передаётся по наследству. В наши дни в устье Сырдарьи, где она впадает в Аральское море, находится отдельный лепрозорий для больных проказой. Их около двухсот человек. Они выращивают овощи, пасут скот и живут по-своему тихой, уединённой жизнью. Им запрещено общаться с другими жителями тех мест. Этим больным врачи лечат препаратом, изобретённым английским учёным-медиком. Он называется сульфитрон и останавливает развитие болезни, делает человека незаразным. А всё-таки заболевший этим страшным недугом человек не может от него избавиться, живёт своей жизнью, даже обзаводится семьёй, имеет детей. Удивительно, но факт: от больных лепрой родителей рождается здоровый ребёнок. Однако родившегося младенца тут же отнимают у больных родителей – только тогда малыш может расти в безопасности. В наши дни в этом лепрозории нет ни одного молодого человека. Самое

удивительное – ни один учёный мира так и не смог выяснить причину возникновения этой опасной болезни.

Отец Аборигена в своё время говорил: проказа рождается там, где великая река впадает в море, образуя обширное русло. Где встречаются солёные воды моря и пресная вода реки, там поднимаются пары воды, рождается ветер и идёт дыхание вод.

Второе: эта болезнь возникает и от постоянного употребления в пищу рыбы. И если запивать её молоком, то болезнь неминуема.

Так говорил отец. И разве не удивительно то, что учёные всего мира, не найдя причину возникновения проказы, всё же нашли действенное лекарство, останавливающее дальнейшее развитие болезни.

... Аксакал Калтак вынул из-за пазухи пачку газет, перехваченных резинкой. Раскрыл пачку и, вытащив оттуда банкноту в двести тенге, протянул Аборигену со словами: «На, возьми, купишь себе айран или молоко. Всё равно у меня деньги не задерживаются, у меня дырявый карман. Как только сяду в поезд и доеду до районного центра, предо мной появится Мамырайхан, у него почти всегда одно и то же: давай сходим в ресторан, перекусим, – и плакали мои денежки; после этого стоит только сесть мне в автобус «спичечный коробок» и добраться до аула, как аульные пьяницы пристанут: «Дядюшка, дай нам гостинец». После чего я вообще останусь без единой монетки. Правильно говорят, что холостой мужчина – всё равно что мешок с рваным дном. Что ни положишь – всё проваливается в эту дыру».

Аборигену интересно было смотреть на старика, когда тот рассказывал про свои горести. Кадык смешно двигался, глаза блестели, бородёнка дрожала. Так не хотелось отпускать его. Неожиданно раздался голос медсестры, прозвучавший на весь двор. Испуганно вскочив, Абориген сказал аксакалу: «Пусть будет вами доволен Аллах. – И попросил дрожащим голосом: – Я буду всю жизнь перед вами в долгу, отец, только прошу – будьте опорой для моей семьи, пока я не выйду из больницы. Прошу, будьте осторожны с Есенбаем. Он такой изворотливый, рукам волю даёт».

Калтак, моргая глазами, ничего не понял.

– Он же, гад, не пропускает ни одной миловидной женщины, – пояснил Абориген.

Кажется, до Калтака только сейчас дошло, что тот имел в виду.

– Брось, не хватало мне на старости лет охранять честь женщин, – буркнул он недовольно.

Абориген растерянно замолчал, не зная что ответить, слова не шли в голову. Да и что он мог сказать: что ревнует свою жену и от ревности места не находит, или сказать, что в те времена, когда был здоров, сосед, чабан Есенбай, частенько приезжал к ним домой под разными пустячными предложениями, что было весьма подозрительно.

Он пробормотал что-то. Всё поглядывал на старика умоляющими глазами, а тот делал вид, что ничего не понимает. Пришло время расставания. Он дошёл аксакала до ворот больницы и долго стоял на пронизывающем ветру.

Ночью он не мог заснуть, переворачиваясь с боку на бок. В голову приходили всякие мысли.

Вроде дверь была закрытой. Как она прошла мимо охранника – неизвестно, но в окне показалась жена с лицом, похожим на свежеиспечённый хлеб в тандыре, с округлыми щеками. Открыла форточку окна и раз – очутилась в палате. Оказывается, и такое чудо бывает! Подошла и села на край кровати. Он хотел было встать, но жена, приложив указательный палец к губам, сделала предупреждающий знак, как бы говоря: «Тихо, молчи, лежи смирно». Делать нечего, он повиновался.

– Эй, жена, – сказал он приглушённо, – я не буду тебя спрашивать, как ты проникла через форточку, скажи лучше прямо, не увильывая от правды: с тех пор как я болею, никто не прикасался к тебе, не поднимал подол твоего платья, никто не марал мою постель, скажи...

– Откуда мне знать, – сказала жена со вспыхнувшим лицом, опустив голову вниз, – сам знаешь, в песках водится множество ящериц, козодоев, камышовых котов. И ночью от жары, когда глубоко спишь, не знаешь, какая из этих тварей может забраться в нижнее бельё. Пустыня и ночью горячая, очень горячая, не знаешь, где душе приткнуться.

– Ау, золотце моё, ты в своём уме, я ведь не спрашиваю тебя о трудностях жизни в песках, как ты? Ты не совершила грех?

– Я целый день держу лопату в руках, откидываю песок от дома, всю ночь достаю воду из колодца и утоляю жажду овец, а тут ещё малые дети постоянно просят хлеба – это ещё одна напасть. А ты лежишь себе в прохладной палате, завернувшись в белую простыню, и спишь себе вволю, я же, бедная, не знаю ни сна ни отдыха. Иногда плачу от злости на свою злосчастную судьбу, – сказала она и, хлюпая носом, заплакала. С ресницы упала горячая слеза.

В окно лился полный свет луны. Аборигену стало очень жаль свою жену, сердце защемило от жалости. А что если посадить её к себе на колени и погладить рукой по волосам? И опять не смог этого сделать, так как раньше никогда этого не делал. И не заметил, как изо рта вылетели грубые, подозрительные слова.

– На зимовку никто из мужчин не заезжал, пока я был в больнице? В наши дни хоть и не найдётся человека, который бы помог чабану, но всегда есть мужчины, охочие до чабанских жён. Читаю книгу ли, смотрю кино ли по телевизору, всё одно – шустрые, ловкие мужчины так и валят на постель чабанских жён. Я не переживаю, что у меня могут украсть скот или вещи, старый сундук, десятка два овец; я горько плачу и переживаю, чтобы эти двуногие волки не вонзили свои зубы в самое дорогое мне – честь жены. Я тут постоянно вижу нехорошие сны.

– Если бы не пришёл аксакал Калтак, то было бы очень тяжело и безвыходно. Слава Аллаху.

Услышав эти слова, Абориген от души порадовался. Взяв руку жены, обнял и поцеловал её в округлые, уже начавшие увядать щёки. И надо же... только сейчас он понял. Он думал, что его жена спрыгнула из окна к нему в палату и села на кровать – в действительности же это оказался всего лишь портрет жены. Вчера он, будучи в городе, подошёл к художнику и попросил его нарисовать портрет жены с маленькой фотографии. Принёс в палату и положил под подушку. А теперь достав, глядя на неё, разговаривал с нею как с живой. Было очень странно, что он целовал нарисованный портрет жены. Если бы не ночь, то днём точно бы над ним от души посмеялись. Он испуганно посмотрел по сторонам, будто ему на лицо плеснули холодной водой. Он тут же спрятал портрет жены под подушку. Заговорил сам с собой, тихо, приглушённо.

«Тьфу, тьфу! Наверное, меня ударил проклятый джинн. В наши дни только тот человек угоден Аллаху, который читает намаз, в ком есть человечность, тот, кто даёт милостыню. Завтра утром, пожалуй, дам несколько тенге в качестве милостыни старухе-уборщице».

В это переходное время только тот счастлив, кто делает человеку добро, а не тот, кто это добро получает. Пусть у каждого из нас в душе написанное большими буквами понятие «я» вместится во внутренний мир человека. Хорошо, если наше «я» не будет стремиться ставить себя выше других, проявлять своё высокомерие, а наоборот наш внешний вид, наши поступки, дела, убеждения будут отличаться своей своеобразностью, своей индивидуальностью, скромностью –

вот это радость, вот это удовольствие. Пусть внутренний свет человечности будет сиять на наших лицах. И пусть наше внутреннее зло не выходит наружу. Если говорят, что в здоровом теле здоровый дух, то он бы сказал следующее: у кого в душе есть сильный, добрый свет, у того лицо мягкое, доброе, и он человечен и скромен. Тогда само собой получается, что приземистый и тщедушный Калтак более счастлив, чем он, потому что тот, приехав издалека, спросил о его здоровье, тем самым поднял его настроение. Он хоть и маленько, но сеет вокруг себя семена добра, милосердия, человечности. Ругаясь со всеми докторами, съезжаясь, как каракурт, на которого брызнули водой, глядя на всех с подозрением, видя только подвох ото всех, поистине несчастлив наш герой. Он, бедолага, ревнует свою жену ко всем мужчинам, бьёт себя по лбу в тишине ночи, не зная как она там в песках. Как ведёт себя, не влез ли проклятый шайтан в её душу, не попутал ли бес, и не совершила ли она грех? Оказывается, самое страшное в этой жизни – неизвестность, когда ты доверяешь близкому человеку и не доверяешь, а всё оттого, что нет никакой информации. Ай, Абориген, если будешь так мучаться, то истомишься душой, падёшь духом.

Пришла медсестра, зажгла свет и сделала ему укол. Спросила:

– Вы чего сидите как напуганный, видели плохой сон?

Абориген что-то пробормотал под нос. Руками провёл по выбритой бритвой продолговатой голове. Холодно улыбаясь, засмеялся. На дежурную сестру эта беспричинная холодная улыбка, этот идиотический смех подействовали ужасающе, она с испугом выбежала из палаты и, войдя в ординаторскую, тут же схватила телефонную трубку и стала звонить дежурному врачу.

«Да-да, опять тот самый Абориген... имя-то какое несерьёзное... ночью, открыв форточку окна, хотел вылезти наружу... не даёт покоя больным... говоря откровенно, он не похож на человека здорового, в своём уме. Вытирает руки об мой халат, подмигивает и смеётся идиотским смехом».

Услышав такое, высокорослый врач потерял терпение, схватил фонендоскоп и поспешил в палату. Уложив строптивного больного в постель, приступил к осмотру. Спросил:

– У вас в семье ни у кого не было отравлений от еды или боязни покойников?

Наш герой пробормотал:

– Откуда мне знать?

– Снятся ли вам сны, слышите ли во сне громкое блеяние овец?

– Откуда знать?

– Может, присоединитесь к нервным больным: у них жизнь по сравнению с нашей гораздо лучше – и еда вкуснее, и обслуживание, и лечение – всё лучше. После того как в той больнице вылечился сын народного депутата, там совсем стало хорошо.

Пристально глядя на Аборигена, дежурный врач, склонив голову к плечу, глубоко задумался. Глава города плачется, что не хватает койкомест в психиатрической больнице. С каждым годом увеличивается количество психбольных в три-четыре раза, а класть их некуда. Положение катастрофическое.

– Хорошо, если этой власти не нужен больной чабан, то я готов лежать в вашей психушке, – покорно согласился Абориген.

– Тогда напишите заявление на имя главного врача, только ни в коем случае не упоминайте, что это я предложил.

Дежурный врач вышел из палаты с довольным видом. Тем временем поднялись другие больные, покашливая, стали умываться. Аборигена одолели тяжкие думы: тогда что получается? Неужели и вправду его поволокут в психбольницу? Надо было, дурню, не слушать этого врача, кивая головой в знак согласия, а

выразить протест. Казахов губит смирение, стоит только ему войти в характер, как червь впивается в спинной мозг, тогда всё будет высасывать дух, как пиявка кровь, и пока не высосет, не перестанет. Разве дух его не иссяк, когда он прошёл перед множеством врачей, а теперь лежит в этой больнице и не знает что делать. Лежит, как главный гость, вот что ужасно.

Ау, дорогие, как протекает моя болезнь?.. Что же это такое, что свалило меня с ног? – ведь мог бы спросить, а то он сейчас что живой, что живой труп – одно и то же. А теперь как будто мало было им пичкать меня горькими микстурами, делать болочные уколы, заставлять есть безвкусную овсяную кашу, так хотя ещё потихоньку спровадить подальше от себя, чтобы духу моего здесь не было. И такое насилие бывает, оказывается! Вот это проклятое смирение и довело до такого положения, когда на голову хоть солярку выльют, а слова не скажешь. Говорят, если человек попадёт в ту больницу, где суровая охрана, железные засовы, железные решётки, то всё – пиши пропало, кончен его дух; всю жизнь будут говорить про него, что лечился в психбольнице, и всякий здоровый человек будет относиться к нему с подозрением: «А в своём ли ты уме, дорогой мой?».

Абориген сел на кровати и стал кулаком бить себя по лбу, в отчаянии бормоча: «Ой, Боже, что со мной, что за напасть?! Хватит с меня вашей овсяной каши, хватит меня обмывать тёплой водой и спереди и сзади, как мою посуду. Уйду в пески, освободите!».

Услышав это, остальные больные застыли в недоумении.

«Земляки меня посчитали конченным человеком, уравнили с мёртвым, скот мой пересчитали и забрали. Моя жена и дети, плача, остались одни в далёких песках. Освободите меня, рядом живущие!».

«Ау, Абориген, ведь только вчера приходил чабан Калтак, спрашивая о твоём здоровье. Он же сказал, что овцы на месте, что всё спокойно и всё в порядке, если не считать засыпанную песком кошару».

«Я никому не верю, и нашим «многоуважаемым» активистам, они только рождаются, как их тут же окунают в казан жижи, отчего они всю жизнь лгут. У Калтака же лишь слова утешения, он как разведчик, посланный выяснить моё состояние, только и всего».

«Ты маленько потерпи, вот придёт главврач, он и скажет что делать», – участливо посоветовал один из пожилых больных, призывая к спокойствию.

«Перед рассветом я видел плохой сон: моя жена, про которую я думал, что она отгребает песок от дома, вдруг явилась мне, соскользнув с месяца и стуча по окну, с плачем звала к себе. В песках камышовый кот, чёрные клещи не дают покоя, мешок муки, который мы брали в начале лета, кончается... Хватит мне здесь лежать, развалившись, поглощая пищу здоровых и принимая уколы больных... Если обращусь к Ергенбаю, нашему врачу, то выздоровею».

«Эй, вы что здесь галдите, как стая галок, осенью собравшихся на вершине дерева?» – сказав это, главный врач в действительности вошёл в палату. Лицо у него было хмурое, голос властный. Позади высокорослый дежурный врач, лечащий врач, медсёстры, в общем, целая группа, все внимательно слушают главврача.

– Квартира маленькая, всю ночь плакал внук, не давая выспаться, мне сейчас самому нехорошо, – признался главврач, садясь на стул. Положив Аборигена навзничь на постель, надавил на живот, на рёбра, измерил кровяное давление, пощупал пульс, перелистал историю болезни, толщиной в приличную книгу.

– Удивляюсь, – сказал он по-русски и покачал головой, – гемоглобин низкий, билерубин выше нормы, резус фактор отрицательный, с такими анализами другой давно бы умер, а этот каким-то чудом держится.

Высокорослый врач заикнулся было про психбольницу, но главврач изменился в лице и с гневом остановил его.

– Как вам не стыдно, – поморщился он. – Уж не забыли ли вы клятву Гипократа?

На этом всё и закончилось, весь врачебный синклит вышел из палаты.

Однако чудо продолжалось – Абориген постепенно пошёл на поправку, на его лице заиграл румянец. Появился неплохой аппетит. Двести тенге, которые ему дал Калтак, вручил старухе уборщице, чтобы она купила на базаре верблюжьего шубата. Открыв крышку посуды, в которую был налит шубат, долго нюхал ароматный запах. На лице появилось удовлетворение. «Здесь чувствуется запах песчаной колючки – зизифоры душистой, верблюдица паслась в песках», – сказал он себе и затосковал по родным местам. В столовой взял пиалы, ковшик, немного взболтнув содержимое, налил больным по пиале пенистого шубата. Оставшийся на посуде шубат вытер указательным пальцем и облизал. Пустую деревянную чашу взял в руки перед собой и, закрыв глаза, долго нюхал воздух, идущий из чаши. И заплакал – так ему было тоскливо. Долго смотрел в окно на далёкий горизонт. Как будто хотел что-то узнать у этого мира... как будто кого-то искал, сильно истосковавшись, искал что-то дорогое.

С тех пор он резко изменился. Больше не говорил ни об овцах, ни о своей жизни в песках, ни о жене. В воскресенье утром он встал, оделся, подошёл к дежурному врачу и попросил разрешения сходить в находящийся поблизости гастроном – купить чего-нибудь молочного; положив деревянную чашу в сумку, спустился вниз и, держась прямо, вышел за ворота на улицу.

3

«Я услышу слова благодарности и получу благословение от тяжелобольных, не поднимающихся с постели, если к чаю принесу молока и творога, чтобы больные могли вволю поесть», – с такой надеждой Абориген и отправился в магазин.

В руках у него была стеклянная банка, которую он по пути выпросил у старухи уборщицы, на ногах – старенькие ботинки одного больного, на плечах – невзрачный чужой пиджак, брюки же были собственными. Дул пронизывающий ветер. Аборигену стало холодно, так как ветер обдал его с головы до ног. На тротуаре валялся карагач, видимо, машина свалила, врезавшись в него, или специально повалили дорожные службы. Обойдя его, Абориген хотел было продолжить путь, но, подумав, вернулся назад. Поставив банку на асфальт, поплевав на ладони, он начал толкать дерево, намереваясь убрать его с дороги. Толкал-толкал, весь взмок, но не смог сдвинуть ствол. Устав, он прекратил это бесполезное занятие.

Внутри магазина продовольственных товаров было просторно, но людей было много и все жадно стремились к продавцу, как овцы рвутся пить воды в жаркий день из лотка. Очередь стояла плотной массой, попробуй только пройти вперёд – вытолкнут враз как щенка.

«Дай посмотрю, что там продают», – подумал Абориген и вытянул было шею, чуть подавшись вперёд. Тут же толстая, рыхлая женщина, похожая на бурдюк кумыса, заорала громким голосом пуще, чем если бы ей наступили на ногу.

– Эй, ты, морщинистый, неразумный! Где твоя совесть? Где твоя очередь? Куда прёшь, скотина? – заорала она на весь магазин. Абориген вначале сильно растерялся, не зная что сказать.

– У тебя нет стыда! – вопила женщина с неистовой злобой.

– Ай, терпение, терпение. Стыд у меня есть, я хочу узнать вначале, что продают, а в очередь встану потом, – объяснил он миролюбиво по-русски, призывая к разуму, прося вникнуть в его положение. Женщина же не переставала ругаться.

– Вот такие, как ты, вместо того чтобы пасти скот, болтаются в городе, не давая проходу, не знают что делать, скоты, ишь как загорел, весь лоб в морщинах, бездельник!

– Ау, я, кажется, не трогал вас.

– Эй ты, что ты за человек, забыл, что ли, совесть и стыд дома?

– Ау, наверное, нет ничего плохого в том, чтобы спросить, что там продают?

От злости у него поднялось давление, кровь прилила к голове, сам он затрясся от гнева и как всегда, когда его душил сильный гнев, он не нашёлся, что вразумительно ответить, что сказать. Он не захотел руганью отвечать на истеричные крики злой, недовольной женщины... что-то пробормотал... что-то сказал невнятное, непонятное... Это кто-то услышал, кто-то нет, но никто не понял, о чём он бормотал. В конце концов, весь красный, похожий на общипанного петуха, вышел из очереди. Такого унижения, такого оскорбления он ещё ни разу до сих пор не слышал ни от кого. Ему было так плохо, что он готов был провалиться в какую-нибудь дыру в земле, если бы она была.

Ой, и это называется жизнью, когда за какую-то мелочь, которая ничего не стоит, он слышал столько обидных слов, до костей аж пробрали её злобные слова: скотина, морщинистый, неразумный, загорелый бездельник. Только сейчас он понял, почему люди не радуются, не смеются; почему не доживают до семидесяти-восемидесяти лет не боля и шагая по земле с гордо поднятой головой, здоровые и сильные – потому что не пускают друг друга, мешая дожить до преклонных лет, обижая друг друга, ненавидя друг друга, доводя друг друга до стрессового состояния. Готовы вцепиться друг в друга зубами, как цепные собаки. Он понял, что для человека враг не приходит откуда-то. Он рядом с тобой, возможно, живёт в одном доме, под одной крышей.

С такими неприятными мыслями он отошёл подальше и вытер испарину со лба. Поправив воротник, еле шагая, он пошёл дальше. Возле входа в другой магазин стояла ещё одна толпа. Помня печальный опыт, Абориген молча встал в очередь. Подошёл усатый здоровенный парень: «А, оказывается, здесь продают творог, мне это и нужно», – сказал он, поглаживая усы и встав за Аборигеном. Посмотрев на него исподлобья, Абориген окинул его взглядом, пытаясь определить, какой он национальности и где он мог его видеть. Усы у него были пышные, да и одежда хорошая.

– Я вышел с тренировки весь потный, – пояснил он, – теперь, наверное, простыну.

Абориген заинтересованно спросил:

– Кем работаешь?

– Я мастер спорта! Сейчас готовлюсь к большим соревнованиям. Я мастер спорта по штанге! Если еда не будет калорийной, то не стоит и принимать участие в соревнованиях. Ай, это правительство всё пустило на самотёк: сам знаешь, что делать, но какому чабану нужна демократия – это всё равно, что собаке железо. Вместо того чтобы пасти овец и увеличивать производство мяса, масла и других молочных продуктов, они разбрелись кто куда, увиливая от своего предназначения. Ай, у начальства нет глаз!

– Ау, братишка, не говори так. Ты думаешь, легко пасти овец в мороз и в жару? Что за слова? Ночью у чабана нет спокойного сна, днём нет покоя ушам от блеянья овец. Он вытеснен в безводные, бестравные места на край песков. Если не веришь, пойдём со мной в Кызылкумы, и попаси баранов, тогда поймёшь, как я прав.

– Ты посмотри на него, я сам не раз видел чабанов, которые, отогнав овец на пастбище, спали дома до обеда. Собственных баранов больше двухсот. Едят свежее мясо, пьют густой айран.

– Ты что, с Луны свалился? Как чабан будет кормить своих овец, если не может найти травы для отары большого хозяйства? Как будет поить водой овец в пустыне? ...Вот я чабан. Я еле кормлю десяток своих барашков, давая им засохший хлеб и отруби. В песках очень мало травы, где бы скот мог пастьись, в колодцах нет воды, корова умирает от клеща, мы не живём, мы выживаем.

– Не верю, не верю! Чабаны вначале едят свежее жирное мясо, а посиневший тощак отправляют в город.

Стоявшие в очереди зашумели, загалдели: в наши дни у животноводов нет совести, в молоко добавляют воду, айран сгущают порошком, скотину, предназначенную на убой, пасут на верблюжьих колючках, чтобы повесить вес сдаваемой туши, а мясо от этого имеет неприятный привкус.

Дождавшись своей очереди, Абориген купил три литра молока и творога. Увидев мелко искрошенный творог, спортсмен громко закричал, как будто его ужалил каракурт:

– Ай, дорогие мои! Как я буду поднимать 300 килограмм железа после такого синеватого, сухого творога? Скажите, что это за еда для спортсмена, мастера спорта? Ай, я бы ничего не сказал, если бы всех работников сельского хозяйства взяли по списку и заперли в тёмную камеру. Чабаны и пастухи – все бродят перед университетами, говоря, что хотят выучить детей, а у самих карманы полны денег. Может, и ты приехал сюда, чтобы устроить сына или дочь на учёбу, а? – выпалил штангист, напирая на Аборигена. Абориген разозлился. Гнев обуял его:

– Таких, как ты, бездельников, зря поедающих хлеб, надо заключать в тюрьму! Ты поднимаешь штангу только для себя, чтобы увеличить свою физическую силу. Если ты не будешь поднимать железо, мир, что ли, изменится от этого, бездельник?

– Эй, что ты болтаешь, а! Скотина! Я поднимаю штангу для авторитета своей страны, народа, через штангу поднимаю её престиж, славу. А вот ты паёшь овец для своей выгоды, только и всего!

– На тебе выгоду! На тебе железяку, что ты поднимаешь! – выкрикнул Абориген и накинулся на здоровяка. Ударил руками, банка полетела на пол и разбилась.

Могучий верзила-штангист двумя ударами огромного кулака свалил с ног маленького, жилистого, худого Аборигена. Отступил в сторону, полагая, что с этим наглецом всё кончено. И надо же, этот хилак и дохляк вытер окровавленное лицо и поднялся с пола. Тогда штангист опять свалил его мощным ударом кулака в челюсть. Творог, только что купленный штангистом, рассыпался по полу. Он наклонился, чтобы собрать творог, как вдруг под ухом зашумело от удара, обернувшись, спортсмен не поверил своим глазам: этот хилак сумел опять подняться и ударить его по уху! И пытается ударить ещё раз. О, Боже, что за чудо! И хотя с разбитых губ капает кровь, он яростно кричит: «Умру на твоих руках! Умру на твоих руках!.. Проклятая городская паразитная шпана!». Схватив обеими руками его за воротник, штангист соединил руки и со всей силы нанёс удар.

«Ай, – подумал он, – будь у тебя хоть семь душ, но на этот раз ты точно конченный человек», – и отступил назад. Но опять не поверил своим глазам, когда увидел Аборигена, поднимающегося с пола.

– Хватайте его, хватайте его! – закричал он в ужасе. Абориген же, не зная, что с ним, живой он или мёртвый в этом мире, ничего не помнил. В памяти остался только, как рёв быка, панический голос штангиста: «Да хватайте же его! Хватайте!». И ещё он помнит, как, шатаясь, поднялся с пола, как будто его вытолкнула вверх скрытая пружина внутри тела. Дальше всё было как в тумане. Ему казалось, что солнце вроде уже не светит так тепло, как прежде, что оно вроде склонилось к вечеру, вроде какие-то люди, подняв, посадили его в машину.

Абориген пришёл в себя только в милицейской машине с зарешеченными окнами. Увидел, что лежит на полу машины во весь рост: кто-то в хромовых сапогах сидит у его изголовья и не обращает на него никакого внимания. Кости ломало от боли, словно их поместили в ступу и долго били пестиком. То ли месяц, то ли год назад он болел и искал хорошего лекаря по всему Казахстану.

Кто-то поднял его за подмышки и помог выбраться из машины с красной полосой, вот тогда его сердце забилося от радости, он подумал, что это тёплые, ласковые руки народного целителя. Рослый мужчина в сером мундире провёл его через длинный коридор и ввёл в большую комнату. И, ни слова не говоря, снял с Аборигена кожаный ремень, отчего брюки свалились до колен, пришлось подтянуть их и держать руками:

«Ай-ай, это что за насилие? Пришло время принимать лекарства, у вас нет прав заключать невинного человека в тёмную камеру!» – возмутился Абориген, но его некому было слушать. Милиционер, который привёл его сюда, не сказал ни слова и вышел, захлопнув дверь.

Абориген же вскочил и, придерживая брюки одной рукой, заходил по комнате. Голова болела.

«Куда подевался этот подлец с пудовыми кулаками, поднимающий тяжёлую штангу? – говорил он себе, – негодяй, знает не больше тупого быка, хоть и человек. Живя в уютной благоустроенной городской квартире, питаюсь жирным мясом, с утра до вечера поднимая в своё удовольствие тяжёлую штангу, он, конечно же, доволен своей жизнью. Ещё и упрекает кого-то, будто делает какое-то полезное обществу дело. Будто если не будет поднимать тяжести, то мир развалится на части! Оказывается, по его словам, наша обязанность состоит в том, чтобы мы, сами живя впроголодь, отправляли спортсменам жирное мясо, густой айран, масло и творог. Это мы-то, переносящие все тяготы жизни в раскалённых песках, с таким тяжким трудом пасущие овец на безводных землях. Ой, до чего же доходит тупость людская!».

И вот, стаяв в душе, упав духом, он заметил в окно, что солнце значительно опустилось и свет его начал меркнуть. Через некоторое время открылась дверь, вошёл тот самый милиционер, подняв его, привёл в следующую комнату. Видимо, это был кабинет следователя. Хозяин кабинета – с горбинкой на носу, с пожелтевшим лицом, сидевший за длинным столом, заваленным бумагами, бегло улыбнулся. В полутёмном углу сидел, опустив голову, штангист. Абориген посмотрел на него с подозрением, сердце замерло в нехорошем предчувствии. Горбоносый, взяв ручку и подвинув к себе листок бумаги, начал допрос.

Следователь: Кто из вас начал драку в магазине?

Абориген: Я не помню отчего и как началась драка. Однако потерпевший – я, это могут подтвердить свидетели. У меня выбит зуб, разлито молоко, разбита банка. Да Бог с ними, раны заживут, меня потрясло другое: он обозвал чабанов хитрецами, бездельниками, дармоедами.

Следователь: Говоришь, что лечишься в больнице, тогда зачем ходил в гастроном?

Абориген: Мне разрешил врач. Стало неумоготу есть больничную кашу, и я решил что-нибудь купить съестное, молоко для чая, вот и пришёл в магазин. И надо же, очередь начала орать и отзывать плохо о чабанах, ставших похожими на шакалов, втиснувшихся в середину отары, отчего бедные овцы с испугом разбегаются в разные стороны. Вот эти слова для меня ещё хуже, чем просто ругань. Да какое право они имеют, не зная чабанской жизни, так плохо говорить о нас? А ведь ещё требуют – давай мясо, давай молоко, давай шерсть. Вот это и взбесило меня.

Следователь: Я позвонил и узнал, что ты действительно болен. Но за нарушение общественного порядка ты должен заплатить штраф.

Абориген: Пусть штраф платит штангист!

Штангист: Вот этот дохляк, подбежав ко мне, пнул ногой в живот.

Абориген: Он сказал, что чабаны хуже скота.

Следователь: А ну-ка прекратите!

Абориген гневно подумал: «То, что говорит этот следователь – игра. Вот я сижу весь избитый, потеряв зуб, наверняка получив сотрясение мозга, а вот у штангиста, избившего меня, всё в порядке, права всё-таки поговорка, гласящая, что кинутая палка обязательно попадёт в беднягу. Пойдёшь в степь – избьют, пойдёшь в город – тоже избьют! Давно, говорят, мой предок, не выдержав притеснений бая Байтугеля, ушёл в Коканд. Выбрал жену из узбечек и стал дехканином, взяв в руки кетмень. Дед же после того как у него отобрали единственного коня и единственную корову, обзвав кулаком, обиделся и сказал: «Что же это такое? Мы же слышали, что власть на стороне бедняков, что она хочет процветания беднякам, а тут наоборот забирают всю живность».

Крича во весь голос, что справных хозяев-средняков уравнили с бедняками, он уехал из тех мест. Отец сорок лет пас колхозных овец, получил единственную медаль, перед смертью только раз его похвалили в районной газете. Отец сегодняшнего Мамырайхана, заявив моему отцу: «Обмывай хвалебную статью в газете», – притащил с собой из районного центра целую ораву активистов, и они целую неделю пировали в песках, охотясь на фазанов и съев шашлык из мяса двух нежных полугодовалых ягнят. Сам же я только два года назад стал досыта питаться, и у меня появился честно нажитый десяток овец. Как говорят, куда ни ступишь – везде беда, как тяжело переносить эту проклятую болезнь, что как жадная пиявка присосалась к телу. Как будто этого мало, ещё и схватился с этим безумцем штангистом, потерял зуб, это как ещё один удар кулака упавшему человеку. Ай, и чего это я переживаю! Где бы я ни был, хоть в тюрьме, государство везде даст жидкую бесплатную похлёбку, буду лежать на железной кровати. Тогда пусть идёт всё прахом, буду лежать как хан!».

Штангист размышлял: «Я опоздаю на вечернюю тренировку. Ай, собака, и зачем я только сцепился с этим дохляком, похожим на дворняжку? Эти чабаны используют общественный скот как частную собственность, сосут молоко коз как козодои, живут в отдалённых местах, кормясь скотом, и становятся такими же дикими, как их скот. У них душа находится не в теле, а в оставшемся скоте. Обычно, когда я бью два раза своими железными кулаками, то любая, даже самая крепкая шпана валится замертво, если и не замертво, то только на другой день еле приходит в себя, благодаря Аллаха, что осталась в живых. Этому же всё равно, только наглет. Если хочешь их победить, надо отобрать у них скот, если лишатся скота – лишатся боевого запала – будут говорить смиренно, тихо, с опаской, и в конце концов у них кончится боевой дух. И они сдадутся на милость победителя. Лишь бы был жив и здоров мой отец-начальник, уж он-то вытащит

меня из любой беды, а всё же тяжело сознавать, что не исполнится обещание, данное вертлявой девушке, похожей на обезьяну, что встретится вечером с ней. И на тренировку опоздаю, и денег в кармане останется мало. Как же буду танцевать с той вертихвосткой? Сильно разбил пальцы ног, ударив по чему-то твёрдому, и в драке этот дохляк вцепился зубами в указательный палец. Придётся, шайтан его поberi, перевязывать рану».

Следователь, помрачнев, кашлянул в кулак: «Надо что-то предпринять. Но что? Повернёшь сюда – бык сдохнет, повернёшь туда – арба сломается. Я же знаю, что у дохляка чабана в кармане нет ни одной монеты. Его запри хоть на семь дней в тёмном карцере, не найдёшь пользы и на семь тыинов, только один убыток государству. А вот отец штангиста – глава городской администрации. И если он узнает, что я задержал его избалованного сынка, допрашивал и требовал уплаты штрафа, то мне явно не поздоровится, жди беды. Кто я и кто он? Я же хотел пойти к нему на приём и попросить квартиру, а тут буду виноватый и вполне могу лишиться работы. Что я? Даже такие известные, знаменитые депутаты Гдлян и Иванов страстно искали правды и справедливости, и что в конце концов нашли? Да ничего, только ушли в забвение и не отыскали дорогу домой. Где правда?.. Где правда? – кричали аульские дети, и им мудро отвечал старик Калтак: «Правда находится в кармане богатого человека, в шляпе нашего важного управляющего». И вот важный, гордо ступающий управляющий, когда его сняли с поста, горько заплакал, теребя и разрывая свою бархатную кепку и горестно крича: «Я не нашёл правды. Где она, где она?». И какую же правду он ищет? Нет, пока всё хорошо, поступлю-ка я умно: не буду болтать лишнего, а возьму да и, поругав этих глупцов, выгоню их из кабинета».

Абориген: Слышь, ты случаем не младший брат Мамырайхану? Я это вижу по твоему лицу. Я слышал, что ты женился на корейской девушке и живёшь в городе. Короче говоря: мы же родственники, если ты мужчина, то разберись, пожалуйста, в этом деле, кто прав, кто виноват, и приложи все силы, чтобы виновный оплатил сполна и выбитый зуб, и поруганную честь. Так и сделай, дорогой мой!

– Остановись! – заорал следователь и ударил по столу кулаком, – сгною в тюрьме! ... Ты, несчастный чабан, дерёшься на улице с кем попало, нарушаешь общественный порядок, отнимаешь у меня драгоценное время, за всё это ответишь перед судом, скотина! ... Эй, братишка, ты подпиши этот протокол, да и иди себе, свободен, до каких пор будешь учить культуре вот таких дураков, приехавших из аула? Культура им не нужна и во сне не снится. Слышишь, что говорит глупец: хочет сделать меня своим родственником, спрашивая о моих предках до седьмого колена. Подальше, подальше от меня!

Услышав такие речи, наш чабан страшно удивился и пал духом. Подумал растерянно: я, наверное, сошёл с ума, понадеявшись на этого следователя, думая, что в его лице найду правду и справедливость, что с лихвой верну и выбитый зуб, и избиеение этим хулиганом-штангистом. Я если и не дурак, то наверняка глупец. Давно наш великий предок аль-Фараби написал: «Бывает город с добрыми, вежливыми людьми. Они всегда говорят, вначале посмотрев на настроение собеседника, никогда не перебивают без надобности, если кто-то обидел кого-то без вины, то, найдя виновного, перед всеми людьми доказывают его вину и только после этого наказывают. Отдают плату слабым. У этих людей, созданных из добра и милосердия, видны сердца через рубашку, места, где они ходят, похожи на райский благоухающий сад». Наш герой думал, что областной центр – это один из городов добра и милосердия. Что здесь не смотрят на национальность, живут по правде и справедливости, кто прав делами и словами, тот всегда в почёте и уважении, здесь давно уничтожены и насилие, и воровство, и

проституция. В действительности, оказывается, человека труда могут за высказанную правду и кулаком избить, и обругать всякими словами, и кровь пустить из носа.

Один больной, лежащий с ним в одной палате, при поездке в город был обворован, ему разрезали карман и утащили кошелек с деньгами; во дворе областной больницы был один киоск, продавец киоска – толстая женщина, если с ней поговорить тонко и осторожно, то она за деньги на одну ночь найдёт вам молодую девушку – об этом он не раз слышал от больных. Ой, что за мир! Эта власть не хочет, чтобы люди жили правильно, наказывая за несправедливые дела и исправляя оступившихся. Или не хватило сил, и уставшее правительство махнуло на всё рукой, так и не добившись правды, не достигнув её дна? А что если написать про всё насилие, учинённое надо мной в этом городе, и пойти к большим начальникам за правдой; однако где у меня и бумага, и перо? ... Я лежу в больнице, и если главный врач узнает, что я брожу вне пределов больницы, да ещё дерусь в магазине, то он точно придёт в ярость и отправит меня в психбольницу. Нет, лучше я побыстрее уйду домой. Пусть моя душа станет милостивее совести, вижу, что я хоть и десять лет буду жаловаться, но так и не смогу добиться возмещения за выбитый зуб.

С такими мыслями Абориген поднялся со стула, стряхнув пыль с брюк и сжав в руках кепку. Только сейчас заметил, что штангиста и след простыл, когда исчез – неизвестно. Переминаясь с ноги на ногу, вяло и нерешительно сказал:

– Младший брат Мамырайхана, у меня нет денег, чтобы заплатить штраф. Я устал, и перед тобой стоит только тень слабого человека. Если выйду на улицу, то не найду больницы, если есть место, то я хотел бы поспать. У меня болят виски, голова кружится.

– Уйди, уйди! – крикнул тот с яростью. «Наверное, я попал в идиотское положение, – подумал следователь, – как теперь выбраться из этого тупика? Если сейчас возбудить дело, составив протокол и отправив этого чабана в тёмную камеру, то не поздоровится от лечащего врача. Он же сразу скажет: «Ты что делаешь? Огромного, сильного, с железными кулаками штангиста отпускаешь на свободу, а тихого, слабого, чуть не умирающего чабана задерживаешь. Это что за насилие, что за беззаконие!».

Зазвонил телефон. Подняв трубку, следователь приложил её к уху. Раздался холодный, повелительный голос, будто обдавший ушатом холодной воды. Следователь тут же внутренне подтянулся. «Да-да, некий спортсмен опоздал на тренировку, да, у него оторвана пуговица... Да, я понимаю!.. да, боремся с хулиганами!.. Да, стало больше наркоманов, больше пьяниц на улицах города!.. Конечно, удалим из города, чтоб духу их не было», – заверил он, извиваясь, как змея, перед собеседником, рабски поддакивая и утверждая, что всячески борется с антиобщественными элементами. Достав из кармана платок, вытер пот со лба, посмотрел на Аборигена злыми глазами. И, положив трубку, всё не мог успокоиться. Быстро поднялся и, оставив на месте свою тень, отошёл в угол кабинета и сел на стул. Внимательно посмотрел на свою тень. Взглянув на себя глазами постороннего, возненавидел самого себя.

«И разве это жизнь? – сказал он про себя. – До каких пор я буду унижаться перед каждым начальником? Почему не ищу справедливости? Ведь можно же было обвинить вот этого спортсмена-штангиста в избиении простого человека труда, возбудить уголовное дело, составив протокол. Однако стоило узнать, что он сын главы города – и всё, весь дух вышел. Стал мягким, дряблым, как шар, из которого выпустили воздух. Сразу стал подхалимом. Виновного признал невиновным и отпустил на волю, а вот простого беднягу-чабана обвинил.

И тут опять зазвонил телефон.

– Дорогой мой, – услышал следователь властный голос, – ты что это безоб-
разничаешь? Посадил, понимаешь, мастера спорта в зарешеченную машину,
как какого-то преступника. А он отстаивает честь народа! А?!

Следователь растерялся.

– Второй раз не делай так. А не то можешь распрощаться со звёздочкой на
погонах!

Следователь разозлился. «Попробуй после этого построить демократичес-
кое, правовое государство! Виновного нельзя признать виновным, преступника
– преступником, а оступишься – лишишься звёздочки на погонах». Слово «звёз-
дочка» ударило по нервам – как камень по гире. Ведь все его думы были как раз
про звёздочки. Непростой ценой они ему достались. Ради них он оставил родные
места и приехал сюда, скитался по квартирам: кто поймёт его мучения, кто при-
мет их во внимание? В гневе он ударил по столу кулаком.

Сидевший за столом его двойник, его тень, спутник по жизни испугался и,
поднявшись, мгновенно исчез. Сам же он заходил по кабинету крупными шага-
ми, как медведь в клетке. Бросил взгляд на бедолагу чабана, сидевшего возле
двери. И тут вся ярость обрушилась на этого простака, на этого дохляка, как
будто все беды пришли от него.

– А ну-ка исчезни, быстро!

Вначале Абориген не понял, в чём дело.

– Что, не будете брать штраф?

– И штраф тебе, и заявление тебе! Исчезни отсюда, чтоб духу твоего не
было!

Абориген тут же выскользнул за дверь. При выходе на лестнице он заша-
тался и, чтобы не упасть, схватился за перила. Только сейчас почувствовал спаз-
мы в желудке. Вспомнил, что с утра ещё ничего не ел. В голове шумело, перед
глазами всё плыло как в тумане. Лёгким не хватало воздуха. Через некоторое
время он почувствовал себя лучше, перешёл улицу и очутился в скверике. Гул
машин начал потихоньку стихать в ушах. Медленно добрёл до деревянной ска-
мьи и сел.

Сквозь листья деревьев просвечивали красные блики заходящего солнца.
И что у него за привычка: стоит только увидеть закат солнца, как в голову при-
ходят всякие мысли. Что я сделал? Кому сделал добро, кого обогрел теплом души?
Стоит только задать один вопрос, как тут же возникает с десятков вопросов и
каждый из них требует ответа, тербя душу, как расчёска, продирающаяся сквозь
густые волосы. Ему захотелось спрятать лицо в ладонях и горько заплакать.

Через некоторое время поднялся с места. У одного из прохожих спросил,
где находится областная больница, и, сев в автобус, долго ехал. В сумерках доб-
рался, наконец, до знакомого здания. На воротах дворник-старик сообщил ему
плохие новости, мол, тебя ищут по всем моргам, по всем больницам, звонят по
телефону с утра до вечера.

Осторожно, боязливо он прокрался на второй этаж и вошёл в свою палату.
«Кажется, никто не заметил, как я пришёл», – с облегчением подумал он, ложась
в постель, и тут на тебе – его обступили больные, как будто увидели дикаря.

– Куда ты пропал?

– Говорят, ты перед магазином обругал представителя власти и порвал ему
воротник.

– Если узнает главный врач, то тебе не поздоровится.

– А что ему ещё делать?

– Он скажет, нам не нужны боксёры, а нужны больные, и, дав пинка под
зад, выгонит из больницы.

– Разве и не вылечившегося больного можно выгонять из больницы?

У Аборигена поднялось давление, затошнило, вскочив с места, он побежал к умывальнику. Открылась дверь, вошла уборщица, попросила отдать её посуду, которую она дала ему утром. Абориген, не зная что сказать, растерялся. Когда он выходил из больницы, то правда, у него в руках была не то стеклянная банка, не то деревянная чаша. Он же стоял в очереди в продовольственном магазине, голову припекло солнцем, схватился со спортсменом-штангистом, ругался, потом, не выдержав, в гневе порвал ему воротник. И он не знает, где сейчас её посуда.

– Тётушка, я потерял вашу посуду, взамен куплю вам другую, – виноватым тоном произнёс он.

Посмотрев на горящие красным огнём глаза, на бледное, измождённое лицо больного, испугавшись его лихорадочного вида, напоминавшего психически больного, старуха, ни слова не говоря, повернулась и выскочила из палаты.

Абориген подошёл к постели и, почувствовав, как опять заболел желудок, скорчился и лёг на кровать. Как сквозь туман ему послышалось, что рядом стоявший больной что-то ему сказал, назвав по имени, но он ничего не понял; вроде, подошла медсестра, но он и её не видел. Слышал только возле уха громкое бление овец и порывы свистящего ветра.

Абориген, лёжа на белой простыне, глубоко задумался. Глаза закрыты, а мечты витают и витают: будто он пасёт каракулевых овец, они морозостойчивы, терпеливы к жажде. На севере мелкий скот находится в кошарах целых шесть месяцев, расходов на них очень много. Всё деньги: и вода, и корм. На юге же овцы находятся все 12 месяцев на пастбищах. На берегах великой реки нет уже тех пышных, сочных лугов, что были раньше. С тех пор как исчезла вода, всё пришло в упадок, и овцы, и лошади ушли в пески. В тёплых помещениях остались только коровы. В тех местах, где раньше не ступала нога человека, на барханах меньше стало саксаула. Люди в поисках дров не оставили ничего, даже ни одной тонкой былинки, будто срезали волосы острой бритвой. В те годы, когда в песках выпадает мало дождей, не растёт трава рогач, заячья кость, в русле реки мало воды – это настоящая катастрофа.

В наши дни овечий надел давно стал похож на оставшееся имущество у раскулаченного бая. Овцы лишены хороших пастбищ и загнаны в пески. Богатые почвы присвоили земледельцы, а что осталось от них, там другие виды животных. Только и видишь в голой степи, как бедные овцы бегают, лишь частично утолив жажду привозной водой, и ищут чего-нибудь поесть – хоть рогач, хоть колючку. И всё блеют, блеют. И слыша их бление, хочется заткнуть уши пальцами и бежать куда глаза глядят.

Подняв голову, Абориген сунул руку под подушку. Достал блокнот. Тот немного потрепался, пропах маслом. Поплевав на указательный палец, стал листать блокнот. Здесь было всё хорошо записано: в 1984 году по республике было 36,5 миллионов овец; это означает, что с них стригут каждый год 107,9 тысяч тонн немытой шерсти, 58,8 тысяч тонн очищенной шерсти, живой вес составляет 360,8 тысяч тонн мяса. С южных хозяйств каждый год берётся 2,5 миллиона каракулевых шкурок, однако мы очень снизили качество каракулевых овцематок, давая им лекарства, произведённые из крови кобылы, отчего шкурки с этих овцематок стали неприглядными и утратили высокое качество. В последнее время, спохватившись, перестали применять это лекарство. В 1990 году количество овец снизилось до 29 миллионов голов. Если внимательно присмотреться к цифрам, то получается, что каждый год количество овец по республике уменьшалось на 1 миллион голов. Почему так? Это не такая проблема, чтобы ломать сильно голову. Она очевидна и лежит прямо на поверхности. Это нехватка хороших пастбищ для овец, которые с каждым годом всё уменьшаются и

уменьшаются. Это распахиwanie плодородных земель, где раньше было много воды и богатых пастбищ. На оставшихся землях пасутся стада коров.

На земли, где много водится каракуртов и клещей и нет зелёной травы, отогнаны каракулевые овцы. И вот за этими неугомонными животными, как тень, ходит около одного миллиона казахов, терпя нужду и трудности, ища питьевую воду и корм, страдая и мучаясь, плача и терпеливо перенося все беды кочевой жизни.

В горле у Аборигена стало сухо, перед глазами поплыл туман. Он выпил стакан виноградного сока, принесённого медсестрой, на лбу выступил пот, и чем дальше он перелистывал блокнот, тем сильнее чувствовал тяжесть на душе. Ещё в прежние времена, когда он ездил в столицу на съезд животноводов, зашёл в Министерство сельского хозяйства, разговаривал со специалистами. И вот что они поведали: по республике на каждую овцу в среднем расходится 50 рублей – это плата за один год по расходам на корм, воду, расходы по кочёвке и по ремонту кошар. В конце года при подсчёте дохода от мяса и шерсти каждая овца приносит 61 рубль. Если от этой суммы отнять 50 рублей, то останется 11. Чистая прибыль от овцы составляет 11 рублей!

Это же великопепное достижение, сродни подъёму на вершину высокой горы! Посудите сами. Пасты скот в невероятных условиях, на безводных и пустынных землях, куда завозится сено, на жаре и ветру, не дать уменьшиться поголовью, наоборот, дать от каждой овцы по 11 рублей чистой прибыли – это поистине прекрасный результат. Абориген тогда испытал от этой цифры большое чувство радости, словно альпинист, вскарабкавшийся на самый пик высокой горы, это мощная позитивная энергия, идущая прямо в сердце. Но потом с каждым годом стала повышаться себестоимость каракулевых овец, и нет силы, которая уменьшила бы её в соответствии с возможностями хозяйства. Затем всех аульчан стали убеждать в необходимости перейти на аренду. «Что ж, посмотрим, станем как все, чем я хуже других», – сказал тогда себе Абориген и, взяв в руки блокнот, подсчитал все годовые расходы по кормам, по сену, по воде, машине, расходы по перевозке, и получился у него очень небольшой доход, который и доходом-то нельзя назвать. Не то что шиковать, даже поесть-то вволю не удастся.

«О, оказывается, того, что я заработаю непосильным трудом, весь в поту, мучаясь и страдая, не хватит, чтобы прокормить жену и детей, как же я буду арендатором, как выживу?» – изумился он и мрачно уставился на землю. О Боже, что за жизнь, что за времена!

Опять перелистал блокнот, не слушая слов рядом находившихся людей, будто читая Коран, стал говорить шёпотом:

«Зачем обозревать далёкое, достаточно переместиться в свою кошару: вот где цифры, вот где живые головы! В отаре было тогда семьсот овец, каждый год в среднем с одной овцы настригалось три килограмма шерсти. На отару это выходило 200 килограммов чистой шерсти, каждый килограмм шерсти продавался по 15 рублей. С одного килограмма шерсти получалась ткань на два костюма. От семисот овцематок в год в среднем рождалась тысяча ягнят; каждый ягнёнок в четырёхмесячном возрасте весит 20 килограммов. Так, килограмм мяса по цене 2 рубля – тогда с одного ягнёнка берётся 40 рублей. Эти 40 умножить на тысячу ягнят – получается сумма в 40 тысяч рублей чистой прибыли. От мяса и шерсти овец выходит семьдесят одна тысяча пятьсот рублей.

А каковы были заработки? Старший чабан, его помощник и сакманщик получали в месяц по 100 рублей, – с каждой овцы приходилось около пятидесяти копеек. Троице за год начислялось по три тысячи шестьсот рублей зарплаты. В конце года, если положить на одну чашу весов все расходы по отаре, а чистую

прибыль на другую чашу, то выходило дополнительно ещё семь тысяч рублей. Бедняга-чабан, который весь год пас овец в невыносимых условиях, получал на руки свою долю, иногда больше, иногда – меньше. В среднем в пределах семи тысяч рублей.

Не лучше положение и сейчас. Годовой доход чабана составляет 10 тысяч тенге. А в казну государства поступает чистой прибыли 60-70 тысяч тенге. Соотношение 10 – 70! Разве это справедливо? Бедолага-чабан остаётся обманутым.

Закон рынка гласит: надо меньше расходовать и больше получать дохода. Веление нового времени: работай много и думай, ищи пути как разбогатеть. Разбогатеешь тут, как же. Из-за низкой зарплаты никто не хочет идти к чабану в помощники, приходится ему одному тянуть свою лямку. Приводит он вечером отару с пастьбы, падает от усталости на войлочную кошму, и чуть подремав, идёт сторожить овец на всю ночь; жена в это время смотрит за домом. Когда человек рано встаёт и поздно ложится, плетясь целый день за баранами как тень, он становится манкуртом, ни о чём до конца не думающим, ничем не интересующимся, не радующимся и не горящим.

Оказывается, он много лет не видел на скатерти ни овощей, ни фруктов. Ел испечённый хлеб, набивал живот сурпой с мелко нарезанным тестом, да ещё благодарил судьбу за эту пищу, удовлетворяясь такой жизнью. Помнится, ещё в конце неудавшейся перестройки, когда он впервые сильно заболел, то велел жене открыть старинный сундук. В поисках денег он перевернул всё и еле нашёл двести рублей. Тупо смотря на купюры и осматривая их со всех сторон, вдруг завопил:

– Где мои сотенные бумажки, которые я получил в конце года в качестве доплаты?

– Ты что, с ума сошёл, дорогой мой? – обиделась жена. – Ведь ты же сам сказал мне, что сотенные и полусотенные бумажки будут менять на мелкие деньги и, положив все деньги в торбу, сел на коня и увёз их в райцентр. Через три дня вернулся, повесив голову, крупные деньги обменял на мелкие, часть истратил, на часть похмелился и привёз совсем немного.

Услышав это, Абориген замолчал, как будто ему в рот затолкали песок. Хотя сделал грозный вид, но про себя вспомнил свою вину и, вспомнив, сразу же сбавил тон и притих. Да, его поездка для обмена денег была явно неудачной. Оказывается, была создана комиссия по приёму крупных купюр от людей. Председателем комиссии стал Мамырайхан. Он, как только увидел Аборигена, стал его ехидно задевать, обзывая «бай-еке», увидев шесть тысяч рублей, вытащенные из торбы, счёл, что этого слишком много, стал выпрашивать: «Где взял? Сколько времени собирал? Мы не сможем такие деньги обменять на мелкие в течение двух дней. На это у нас нет возможности», – в конце концов заявил он, отбиваясь от Аборигена. В общем, только половину всех денег удалось обменять на мелкие в указанный срок. Остальные купюры временно остались у комиссии, мол, посмотрим, проверим, напишем наверх. Словом, положили дело в долгий ящик. Мамырайхан выпросил немало рублей, сказав: «Мне не везёт в карты, оставь немного для игры». Ещё взяли с него значительную сумму для проведения сороковин Амантура. Устав от хождений, Абориген купил три бутылки водки курдасу-одногодку Есенбаю, крепко выпил сам, обругал председателя комиссии и приехал домой похожим на чучело, набитое соломой и сидящее на коне. Жена еле признала мужа. Да, всё прошло, и это была жизнь, и это было в прошлом.

– Ергенбаю, который сделал обрезание сыну, ты дал триста рублей, сказав, что это за то, что руки у него умелые; обмывал целую неделю хвалебную статью о тебе в газете. На это ушло семьсот рублей, сколько я говорила тебе, мол, хватит, перестань, ты наоборот, расщедрившись, всё требовал нести водку... Хомут

бедности так и не свалился с моей шеи, кому пойду и расскажу про своё горе, про свою бедную, бесприютную жизнь? – с горечью сказала жена и стала протяжно голосить.

– Хватит, не заводись, плохая примета! После этой поездки, дай Аллах вернуться здоровым, даю слово, буду копить деньги и беречь каждую монетку.

Он не забыл, как в тот момент зарыдала жена, дав волю слезам. Звук её голоса раздирал душу, как стук молотка, бьющего по жести.

– Ай, я смотрела за твоим еле тлевшим очагом, ухаживала за твоими детьми и очень долго не ездила к своей родне. Давно уже не была в городе. Перед женитьбой мы только один раз были в кино, и то на середине сеанса ты захрипел, уронив голову на грудь. От стыда я была готова провалиться сквозь землю.

– Ай, не кричи истошным голосом и не зови беду. Вот увидишь – поправлюсь – начну жизнь по-новому. Одну тебя как султаншу в шелка и бархат, будешь искриться как лисица, вывалившаяся в снегу.

– Не верю и не хочу верить! Наверное, вместе с тобой и я исчезну, не выдержав этой безрадостной жизни.

– Ай-ай, сколько тебе говорить – не поднимай голос на мужчину!

В последнее время у него истрепались нервы, от всякой мелочи разгорался гнев. От незначительного слова закипала злость, и глаза смотрели враждебно. Вот и тогда – ударил бы её чем попало, спасибо, что Бог сохранил, снаружи вбежал чернявый сынишка, и на душе сразу полегчало. Отчего – он и сам не знает, но очень любит этого смугловатого малыша. Так любит, что позволяет ему взбираться на голову, таскать за волосы, кричать в ухо, не проявляя при этом ни малейшего недовольства; сидеть как верблюд, смиренно и тихо. Может, он подспудно тосковал по своему детству, которое осталось давно позади, а может, хотел подарить тёплое, ласковое детство вот этому неугомонному карапузу, в возмещение за своё – безрадостное, незавидное. Как бы то ни было, стоит только ему увидеть непоседливого мальчугана, как тут же утихает гнев и на суровом лице появляется добрая, ласковая улыбка.

Мужчине на голову счастье садится только три раза. Первый раз: когда он заканчивает школу и вступает на жизненный путь самостоятельно, полный энергии, молодой и здоровый. Второй раз: когда в твоём доме за дастарханом собираются твои друзья и вы, весело переговариваясь, делитесь своими впечатлениями. В третий раз: когда в соответствии со своими способностями получаешь соответствующую должность или работу. И если из этих трёх хоть одно счастье сядет тебе на голову – никогда ты не будешь зависеть от других людей и никогда не будешь испытывать стеснения в средствах. Нашему герою не село на голову первое счастье, когда он был полон сил и энергии, да и как оно сядет, если он с утра до вечера ходил за овцами то под палящими лучами солнца, то в пронизывающий мороз. Счастье – оно тоже знает, кому сесть на голову в молодые годы, за кем пойти, как верная собака; он не искал должности или работы в соответствии со своими способностями, не заходил ни к кому, никого не просил, чего скрывать, он и сам толком не знал, к чему его тянет и к чему у него есть склонности. Не было у него и друзей, которые сидели бы у него дома за столом. После получения аттестата зрелости его ровесники и одноклассники разбежались в разные стороны. Одни уехали в города, другие устроились на разных работах. Он же, став похожим на воробья, ищущего корм на солончаковом такыре, пошёл пасти овец в пески и исчез там как мираж. Когда-то мудрые старцы говорили, что счастье похоже на караван – вечно ищет своего хозяина и никак не может его найти. Но если найдёт, то богат и счастлив будет тот человек!

В Кызылкумах он пас овец, в больнице же, лёжа на белой простыне, от нечего делать продолжал вспоминать горести и тяготы прошлых лет, снова и

снова подсчитывать расходы за год по съеденным кормам, сену и привозной воде. Каждый привоз цистерны воды стоил аж двадцать рублей, скважина давала воды всё меньше; каждая тонна кормов стоила 155 рублей, тонна доставленного сена, которое вначале привозят из Сары-Арки, а затем грузят на машины, обходилась в 75 рублей, два раза полученное сено и корма больно ударили по карману и он так обеднел, что, нечего скрывать, чуть не стал нищим.

«О Боже, да что это такое? – невольно возмутился Абориген. – Неужели у властей нет глаз, нет желания? Неужели раздевая бедного чабана, еле сводящего в песках концы с концами, догола, власть останется в выигрыше? Или, может, у него остались какие-то долги, перешедшие от его прадедов и дедов, что когда-то они не выплатили?». За 12 месяцев упорной тяжёлой работы, без выходных и отпусков, он получал чуть больше десяти тысяч рублей. Грех скрывать, он выделял деньги и потерпевшим от Семипалатинского ядерного полигона, и в фонд помощи детям-сиротам, и пострадавшим от землетрясения в Армении, и другим фондам, и другим людям. И вот когда он раздавал всё, а причитающаяся ему сумма выплаты значительно уменьшалась, с него сдирали и другие расходы: по погребению родственников, на молитвы джаназы, на выплату долгов, которые должны государству всякие сынки всяких мошенников, на окончание одного трудного дела, в фонд районного общества ветеранов и инвалидов, в общем, откусывая кусочками, как откусывают пирог, главбух в конце года выдавал ему на руки жалкие остатки в виде двух-трёх тысяч рублей, говоря в оправдание: «Я перечислил в такой-то фонд, помог такому-то, выручил такого-то». Абориген же приходил сюда с надеждой, вот получу большую сумму денег, вот обрадуются мои дети и жена, как мне будет хорошо, как им будет хорошо. Когда же он выходил от главбуха, как общипанная курица, смятенный, с растерянным лицом, то видевшие его люди сочувствовали. «Ай, хитрый, бессовестный бухгалтер, – досадовали они, – вместо того чтобы грабить так чабана и возмещать все расходы с бедолаги, который трудится в поте лица в хозяйстве, надрываясь как кляча, – лучше бы прекратил эти поборы. Какую дыру Чернобыльской катастрофы закроют эти несчастные 60-70 рублей, взятые из его зарплаты, как заполнят пересыхающее Аральское море?». Но что делать? Как ворона, голодающая на дереве, так и он, покричав, поговорив, отведя душу, возвращался домой не солоно хлебавши.

Что может сделать Абориген? С поникшими плечами, тяжело перебирая ногами, похожий на мокрого суслика, выгнанного из норы водой, он тогда подошёл к коню, привязанному к столбу. Отвязал поводья. Взнуздal удила. Сел на коня, достал из голенища сапога сыромятную камчу и давай хлестать тощую клячу, которую, бей не бей, не заставишь скакать галопом. Всё же поскакал с ветерком, обжигающим рот, который так и звенит, словно рожок! И крича: «Ограбили! Ограбили!» – помчался по улице. Его раскатистый голос, как гул грома, слышен был далеко вокруг, повсюду залаяли собаки.

Очнувшись и оглядевшись вокруг, понял – больница, белые стены вокруг. Переворачиваясь с боку на бок в постели и так и не заснув, он резко встал, похожий на проснувшегося ребёнка, увидевшего плохой сон. Не подумав, что врачи могут удивиться и даже возмутиться. От резкого движения на пол упали и тетрадь в клетку со всеми записями, и обгрызенный карандаш. Сам он стал походить на человека, потерявшего разум. Громкий голос эхом прокатился по комнате.

– Ограбили! ...Ограбили!

Больные с удивлением смотрят на него. Наш герой не знает боязни, не обращает ни на кого внимания.

– Ограбили! Ограбили! Ограбили!

Окончание в следующем номере.

Андрей КОЗЫРЕВ

“Я вспоминаю золотистый свет...”

Ожидание весны

Весна приходит не по расписанью,
А позже, словно школьник на урок.
Лежит сегодня снег на крышах зданий
И на асфальте городских дорог.

Но всё-таки, следя за снегопадом,
Недолго мне осталось тосковать:
Весна, как воин, спряталась в засаде,
Чтоб зиму на заре атаковать.

И верю я: наступит время скоро,
Когда, устав от войн, тревог, атак,
Зима весне пошлёт парламентёров
И выбросит метели белый флаг.

Андрей КОЗЫРЕВ

живёт и работает в г. Омске. Автор поэтических сборников «Небо над городом» (2008 г.), «Мелодия для луны с оркестром» (2009 г.), «Терпенье корней» (2010 г.). Имеет поэтические публикации в журналах «День и ночь» (Красноярск), «Голоса Сибири» (Кемерово), «Литературный Омск», «Литературный меридиан» (г. Арсеньев), альманахах «Складчина», «Точка зрения» (Омск), «Мой любимый город» (Москва), «Загадки души» (Рязань), «Гарские ворота» (Омск), омских журналах «Пилигрим», «Омская Муза», «Виктория», «Иртыш-Омь», коллективных сборниках «Откровение», «И дуют ветры с реки Тишины», «Родина... Память... Победа...», газетах «Литературная газета» (Москва), «Омский университет», «Литературный Дом», «Пульс». Главный редактор литературно-художественного альманаха «Точка зрения». Руководитель литературной студии «Магнит». Председатель литературного клуба-кафе «Менестрель». Член жюри Всероссийской литературной Интернет-премии им. А. Кутилова.

Лауреат областной литературной премии им. Ф.М. Достоевского (2009 г.), областного конкурса им. П. Васильева (2009 г.). Призёр городского поэтического конкурса «Омские мотивы» (2009 г.). Лауреат литературного фестиваля «Откровение» (2006 и 2008 г.), всероссийского конкурса «Юность. Наука. Культура» в г. Обнинске (2003 г.), Второго всероссийского кутиловского фестиваля (Омск, 2011 г.).

Я нашёл себе труд — этот город
Изучать, как словарь незнакомый,
Погружаясь в глубокие споры
У дверей мирно спящего дома.

Алфавита дорожного строй,
Фразы улиц, домов запятые,
Многоточие после России —
И пробел между мной и землёй...

Кто живёт здесь? Не знает сосед...
Отчуждение выжгло до донца
Всем сердца лишь за несколько лет
В этой третьей квартире от Солнца!

Земляничная поляна

Мне было от рожденья восемь лет,
Когда большими детскими глазами
Я видел яркий, золотистый свет,
Зелёный луг, украшенный цветами,

Шмелей, лесные травы без конца,
Цвет красных ягод, солнечные блики,
Улыбку мамы, ясный взгляд отца
И чувствовал вкус спелой земляники...

Я шёл с отцом по узкой тропке вдаль...
Но незаметно пролетели годы,
И взрослой жизни опыт и печаль
Меня отгородили от природы.

Вспоминанья навевают грусть,
Но в сердце всё же теплится надежда:
Когда-нибудь я в детство вновь вернусь,
В нём буду чист и радостен, как прежде...

Я вспоминаю золотистый свет,
Вкус земляники — и невольно плачу...
А на поляне светлых детских лет
Какой-то «новый русский» строит дачу.

Инструкция для яблони

Будь стойкой! Поверь, ты всегда права!
Расти от лесов вдали!
Я знаю: в тебе до сих пор жива
Вся память моей земли!

Не бойся стоять в летний зной в пыли
И под дождём не грусти!
Пей соки великой твоей земли
И корни в неё пусти!

Поверь, ты живёшь на земле не зря!
Ты выдержишь с ветром бой,
Чтоб хмелем и радостью пахла заря
Над вечной твоей землёй,

Чтоб солнце дало тебе в жаркий день
На пальце каплю воды,
И чтобы в корзинах земных людей
Алели твои плоды!

Дрожит шершавый осенний воздух,
Как будто рыбина на блесне.
Как пуговицы, к небу
Пришиты звёзды, —
Я их могу расстегнуть... во сне!

В трамвае старом я еду долго..
А небо тучей прикрыло зевок,
И ветер вьётся,
Как стружка, тонкий,
Над серой сеткой ночных дорог.

Но тише... Скоро огни погаснут,
И в сердце снова войдёт тишина.
А в небе, знаю,
Как в чёрном чае,
Лимонной долькой плывёт луна.

И время идёт, как трамвай мой, с громом
В своё депо... Пассажиры ждут,
Когда трамвай
Повернёт к их дому,
Но знаю я: сменился маршрут.

Ты знаешь? Ты помнишь? Мы видели это:
Как в тигле, волшебные плавилась звёзды,
по кругу летели над нами планеты,
и свеж был надземный разреженный воздух...

И мир на глазах у нас снова рождался,
сверкающий, трепетный, чистый, огромный,
и тот, кто вращал небеса, нас касался
руками своими, неведомый, тёмный.

Как было всё это? Хотелось и нам бы
веками так жить, среди звёздного света...
Но после зажглись в планетарии лампы
и вышли мы, выбросив в мусор билеты.

Америка Любви

Тебя я, как Америку, открыл.
Я долго плыл на корабле сквозь бури,
Глядел вперёд, смиряя в сердце пыл,
И вот — увидел землю средь лазури!

Горой над морем возвышалась Ревность,
Текла Разлука горькою рекой,
И выжженная солнцем Повседневность
Пустынею ложилась под ногой.

Я знаю географию Любви:
На север от неё — река Разлуки,
На западе — страна житейской Скуки,
На юге — царство Спеси-на-Крови.

В тебе растёт и ширится закат,
Лежат поля, работают крестьяне,
Бегут гонцы, цветёт весенний сад,
Воюют царства и идут восстанья.

Тысячелетья на земле твоей
Кипела жизнь, не находя предела,
Зачем же я, чтоб после мир возделать,
Топчу Любовь копытами коней?

Америка любви светла, огромна,
в ней много солнца, счастья и огня.
И на конкисте этой, непреклонный,
я покорил тебя... А ты — меня!

Любовь, любовь, любовь... Как мне понять её?
 Как предсказать все радости и муки?
 Иду на ежедневное Распятие,
 когда тебе распахиваю руки.

Любовь темна... Но в этом — благодать её,
 что не нужны ей праздничные краски.
 Иду на ежедневное Распятие...
 И каждой ночью ожидаю Пасхи.

Волк

*Идёт охота на волков, идёт охота...
 В. Высоцкий*

Бегу я по траве в конце большого дня.
 Идёт, идёт в лесу облава на меня.

Я ранен. Но сейчас уже мне всё равно.
 И логово моё разрушено давно.

Повсюду мельтешат кровавые флажки,
 Изрешетили воздух ружьями враги.

Волк волку человек! Я не могу забыть,
 Что нынче жить с людьми —
 по-человечьи выть!

Молчание...

Огнём пальнул в меня злодей.
 Но может волк порою укрощать людей!

Но легче жизнь прожить,
 чем поле пробежать,
 Где алые флажки кругом горят опять...

А небеса легки, и горек запах трав...
 Волчата! Где вы? Где?...
 Огонь!.. Закат кровав...

К земле припасть. И свет
 вдохнуть большим глотком.
 И раны облизать шершавым языком.

И что есть сил завить под залпами огня:
 «Волчата! Надо жить!
 Не мстите за меня!..»

Бомж

Дыша невыносимым перегаром,
Он на помойке роется в поту,
Чтоб отыскать среди битой стеклотары
Разбитую прекрасную мечту.

Казалось, жизнь ещё не начиналась,
И много было в сердце свежих сил...
Но, потеряв раскаянье и жалость,
Он сердце, как котёнка, утопил.

Как лампочка, душа перегорела —
Таков был чувств безудержных накал!
И раскрошилась мысль кусками мела —
Он ими в детстве небо рисовал.

Пропахли мысли городской гарью...
Обычный бомж, обиженный судьбой,
«Имеет право» быть «дрожащей тварью»,
Но не имеет права быть собой.

А жизнь проходит глухо, безрассудно,
И для него в земном теченье дней
Быть и не быть одновременно — трудно...
Но выбрать «быть» во много раз трудней.

Мне счастьем стала страшная беда,
вина, которой нету тяжелее:
чем больше я сгораю от стыда,
тем людям, что вокруг меня, теплее...

Ночь на озере

Небо черно, словно шкурка крота,
звёзды подобны росинкам на шёрстке.
Озеро тихо. Кругом — темнота,
только в воде звёзд рассыпана горстка.

Слышно, как где-то протяжно и тонко
песню последнюю спел соловей.
Ветер, как мягкая лапа котёнка,
нежно касается кожи моей...

Глеет луна закоптелым огарком,
веет покоем от стынущих вод...
Грудью малиновки, алой и яркой,
солнце над озером завтра блеснёт!

Переулки памяти

Переулки памяти, переулки слова...
В старом Омске я сейчас прохожу вас снова.

Улицы здесь длинные, словно поцелуи!
Стружкой выются ветра золотые струи.

Вот трамвай промчался вдаль по рельсам с громом...
Вот мой мир – приветливый, солнечный, огромный.

И огромен над землёй купол небосклона...
Солнце бьётся бабочкой у зари в ладонях!

И покрыто снова зданье городское
золотой и чистой солнечной пыльюю...

И опять блуждаю долго налегке
я в весне сибирской, словно шмель в цветке.

Я весенним вечером обрываю строчки:
на карандаше моём распустились почки.

Голоса вещей

Вчера я видел сон, – возможно, вещий.
Я задремал за письменным столом,
и мне приснилось, что простые вещи
беседуют на языке своём.

Расставшись на блестящем циферблате,
две стрелки на часах тоскуют врозь
и шепчут: «Мы ни в чём не виноваты,
но разошлись надолго и всерьёз».

А зеркало, ослепшее от пыли,
направив в пустоту незрячий взгляд,
вздыхает тихо: «Обо мне забыли!
Куда мои хозяева глядят?»

А карандаш – моей руки опора,
надёжная, как посох, – говорит:
«Устал я от трудов твоих и споров!
Скажи, когда мне отдых предстоит?»

Магнитофон кассетой подавился
и что-то неразборчиво мычит..
Какой мне странный сон вчера приснился!
Кто мне его сегодня объяснит?

Казалось, вещи смотрят с укоризной,
тяжёлую испытывая грусть..
Пусть всё смешалось на столе, как в жизни —
исправить беспорядок я ленюсь!

Воспоминание о небе

В те дни, когда не загорались звёзды
и ангелы Землёй играли в мяч,
ножи травы не разрубали воздух,
когда не мог звучать ни смех, ни плач
и не было зимы, весны и лета,
ни холода, ни влаги, ни тепла, —
на бесконечном ясном Божьем свете
Любовь уже была!

Любовь была. Она росой слетала
с небес. Ей улыбалась высота.
Она плыла на облаке, сияла,
нетленна, благородна и чиста.
Она поила корни, ветви, травы,
под землю уходила на века,
чтоб возродиться вновь в листве дубравы
иль в венчике душистого цветка.

И я любил. Я был в живом потоке,
текущем меж блистающих светил;
в нём ты жила, в нём жили даже строки,
что я тебе сегодня посвятил.
И мы с тобой в порыве к идеалу
сгорали, непреклонные, дотла,
чтобы сказать: мы жили. Мы дышали.
Была любовь. И ненависть была.

И жизнь текла. Душа не виновата,
что время обмануло нас хитро́.
Сжимали мои руки меч солдата,
плуг пахаря, крест, ладанку, перо.

И каждый раз, когда, слепой и грубый,
сжигаемый немолкнувшим огнём,
я целовал твои живые губы,
я вспоминал о чём-то неземном.
И, если в этой жизни через годы
устану я от суеты земной, —
в твою любовь войду я, словно в воду,
и пусть она сомкнётся надо мной!

Цикл хокку

Сердце разбилось,
Как старая чашка.
Это к счастью!

Смятый бумажный цветок.
Мох на расколоте пне...
Ряд завершит седина.

Куст сирени,
Зачем ты цветёшь в глуши?
Тебя никто не видит...

Весна ушла,
Не спросив разрешения
Ни у кого...

Песок вытекает сквозь пальцы.
Слеза вытекает сквозь ресницы.
Жизнь вытекает сквозь сердце...

Я Солнце прибил бы
гвоздями к вечернему небу —
закат, не кончайся!

Ночь зимняя в поле.
Скукожился месяц на небе —
дружок, ты продрог?

Цветы поклонились,
когда я по саду прошёл —
что, спутали с кем-то?..

Каждый год приносит какие-то открытия, большие и маленькие. Таким открытием стала для меня книга известного боннского поэта Лидии Розин „Ошарашунг“. Увлекательно написанная книга, которую я прочитала не отрываясь. Автор обладает замечательным литературным дарованием, зорким зрением и памятью (как тут не вспомнить библейское „имеющий глаза да видит“) и, благодаря этому, в её прозе есть и глубина, и свой взгляд на то, что произошло с Россией в XX веке.

В книге Лидии Розин изображается и осмысливается история страны на примере жизни нескольких семей, и написано это проникновенно и убедительно. И поэтому её проза должна занять своё законное место в ряду талантливой литературы о советской и постсоветской жизни российских немцев, вернувшихся в девяностые годы XX века на родину предков — в Германию.

Название романа „Ошарашунг“ — от немецкого слова *Ueberraschung*, то есть неожиданность. Такая неожиданность, которая ошарашивает. Соединение немецкого окончания «ung» с основой русского глагола «ошарашивать» и привело к созданию нового слова „ошарашунг“. И, как пишет Лидия Розин, после возвращения на родину „новая жизнь началась у меня с поиска рукописей, работы, друзей, родственников, смысла жизни, самой себя — моего „я“. И на каждом шагу меня здесь ожидали сплошные „ошарашунги“. Чаще всего Лидия Розин сосредоточена на главном для неё — на своих душевных переживаниях. Но при этом часто выходит из привычного состояния самоуглубления, словно открывается миру — и тогда её проза закипает радостью, бурлит, светится любовью, яростно огорчается — словом, эмоции выходят наружу. Трещину, которая прошла через сердце поэта, трещину, расколовшую наше Отечество и безжалостно отсекающую наш нынешний день от дня вчерашнего, писатель Лидия Розин чувствует особенно остро.

Она видит мир через слово, ощущая его на ощупь нервными окончаниями русского языка. Мне посчастливилось изредка прикасаться к творческим тайнам Лидии Розин. Многие главы этой книги я уже читала в первом, втором и третьем вариантах. Могу поклясться: её проза — результат огромной и сверхтребовательной к себе работы писателя. Она, как и всё её творчество, порой соткана из противоречий, и при этом — сама цельность. Может быть, в этом секрет притягательности её прозы и обаяния её личности.

Повести „Шпионка из позапрошлого“ присущи лёгкость, художественная памятьливость на давно пережитое, без фальши и тенденциозности. Мягким юмором и метафоричностью напоминает она раннюю прозу Бунина. Вечное наше: смех сквозь слёзы. Потребность в осмыслении духовной жизни была, есть и остаётся у современного читателя. Он выбирает литературу, которой доверяет и сопереживает. Книга прозы Лидии Розин своей искренностью и исповедальной интонацией словно восстанавливает „распавшуюся связь времён“.

В книге четыре раздела, в которых тематически сгруппированы роман (первая часть), повесть, рассказ и стихи. Порой кажется, что эти стихи не были рассчитаны на читательский успех и, скорее всего, писались как некий лирический дневник. Они органично входят в структуру её романной прозы.

Имя Лидии Розин в поэтическом мире в дополнительных рекомендациях не нуждается. Её стихи широко представлены. Ей принадлежит несколько поэтических книг и множество публикаций в русскоязычных газетах Германии и в антологиях поэзии. Однако немногим было известно, что она пишет прозу. Прозу, которая словно „затягивает“ тебя в свою ритмику и словесную вязь — и ты охотно следуешь за автором то в Сибирь, то в Казахстан, то в Германию...

Лидия Розин впервые выпускает книгу прозы. И хочется надеяться, что читатель поймёт и полюбит прозу настоящего писателя Лидии Розин.

Татьяна КУШТЕВСКАЯ,

кинодраматург, прозаик, член Союза писателей Германии (VS),
лауреат премии имени Ф.Тютчева (Мюнхен, золотая медаль, 2003 г.).

Лидия РОЗИН

Îøàðàøóíã

Роман

*Переходы, перегрузки...
Долгий путь домой...
Римма Казакова*

*Есть только миг между прошлым и будущим...
Леонид Дербенёв
(из кинофильма „Земля Санникова“)*

Последние дни настоящего

Суббота, до отъезда осталось ещё три дня...

Суббота. Моя последняя суббота в этом городе, в этой стране. Я люблю Алма-Ату, горы, тополя, сады. Довольно часто я улетаю отсюда, но всегда возвращалась. И радовалась, когда прилетала обратно. Но сейчас я уезжаю куда-то в Неведомое. Не знаю, куда попаду, чем буду заниматься, кто или что меня там ждёт, да и ждут ли вообще... Если честно, в данный момент это меня меньше всего волнует, потому что уезжаю я отсюда.

Здесь мне всё знакомо до боли, до смеха, до дальше некуда... Настоящего у меня нет — безысходность, тупик. Но тут остаётся моё прошлое, с которым прощаюсь каждый день, вот уже скоро месяц. Хочу запомнить и увезти с собой в памяти всё, что дорого мне с детства.

Детство моё делится на три периода: первый — таёжный, второй — горный и третий — улица Вишнёвая.

Через три дня я навсегда покину этот город, этот мир... Как тогда, в пятьдесят шестом, — из моего первого детства, куда потом возвращалась только во сне или в воспоминаниях.

Сегодня, с утра пораньше, мы с соседкой тётёй Варей решили посетить кладбище — гору Теней. Проститься с теми, кого уже нет с нами. С живыми уже простилась почти со всеми.

Кладбище сельское находится на горе, в саду. Посёлок наш совсем недавно к городу присоединили, окружную дорогу провели. Кладбище за чертой города оказалось, поэтому так и осталось сельским.

Вверху, на горе, красотища! Дышится легко, пахнет разнотравьем и луговыми цветами. А город отсюда воспринимается как на картине у сюрреалистов: дома словно плывут в сине-сиренево-оранжево-розовом дыму, по иностранному — „смог“ называется. Алма-Ата как бы в котле лежит, горами с трёх сторон окружена, потому, естественно, не проветривается. Сверху „красоту“ эту отчётливо видно: город отсюда сквозь радужную пелену призрачным кажется. Слова из песен вспоминаются: „Сиреневый туман...“ и „Синий туман, синий туман, так похож на обман...“.

Внизу, в городе, люди живут: работают, суетятся, гадость по имени „смог“ вдыхают, причём каждый день, каждую минуту, каждую секунду, — пока не умрут. А тут, наверху, на кладбище, воздух изумительный — чистый и прохладный. Но, чтобы такой привилегией постоянно пользоваться, надо, как минимум, мир этот покинуть. Правда, вон там, ещё выше, вплоть до самой обсерватории, тоже хорошо дышится. И дорога отличная вверх ведёт, но туда не всем можно, поскольку там расположены правительственные дачи. Недалече отсюда шлагбаум сооружён с постом охранным. Проезд туда только для избранных... народом.

Посёлок наш (теперь городская окраина) лежит на холме между кладбищем и городом, у самого подножья гор. Здесь начинаются яблоневые сады, в которых вызревает наша гордость — знаменитый алма-атинский апорт. По части свежего воздуха мы вроде всегда перед городом преимущество имели, но во всём остальном — село как село. „Хорошо в селе родном, пахнет сеном и...“. Теперь, может, и улицы заасфальтируют — в черте города чай живём. Но для меня это уже не суть важно, потому что уезжаю отсюда навсегда. Три дня я ещё как-нибудь по колдобинам похожу, не развалюсь. Кто знает, может, дорог таких на свете более нигде не встретишь. Во всяком случае, так уверяет Наталья, соседки-на гостя из Германии.

Ну да ладно, пошли с могилками прощаться. Давно я тут не была. Как разрослось кладбище-то, целый микрорайон вырос. И чего людям не живётся? Много новых памятников с вовсе незнакомыми именами.

Тётя Варя объясняет мне, как тут ориентироваться (она, как правило, присутствует на всех похоронах), и оставляет меня — уходит в другую сторону, к могилам её родителей. А я брожу от памятника к памятнику, читаю надписи. Если знакомые попадаются, в воспоминания погружаюсь. На этом кладбище лежат останки моих пяти родных тётушек и трёх их супругов (две другие не были замужем). Из памяти всплывают их лица и голоса. Замечательные были тётушки. Тётя Эмма, например, не имела детей, но в вопросах воспитания считала себя профессором и всегда давала маме моей (у которой нас было аж девять) ценные указания, как надо нас воспитывать. Тётя Эмма была сверхчистой, дома у неё всё было стерильно. На нас, племянников, она смотрела брезгливо, как на разносчиков заразы, и когда мы приходили к ней в гости, она, прежде чем запустить в дом, выносила на улицу тазик с водой. Хорошо даже, что у неё не было детей, а то бы у них с Теодором вся полочка на мыло уходила, и не смогли бы они при всей своей бережливости состояния такого сколотить. Теодор тут же, рядышком, в одной оградке с тётёй покоится, как и задумано было, — ведь прожили они душа в душу тридцать девять лет. Они были неразлучной парой, у них не было детей, но зато (или потому) водились деньги. Сколько помню, мы всегда

были у них в долгу. Тётя Эмма, смертельно больная уже, изо всех сил противилась Богу душу отдать — всё переживала, как *армер Тео* один, без неё, жить-то будет, ведь она его ни на один день одного не оставляла. А *бедному Теодору* в самом деле сделалось страшно после ухода Эммочки, и он через двадцать дней взял в жёны вдову тётю Агату с целой кучей детей-внуков. Этим поступком дядя Тео впал в немилость у родственников. Его вторая жена вскоре тоже умерла, потом он женился на Агатиной родной сестре Берте, которую через пару годков тоже похоронил, а уж потом и сам как-то незаметно угас и... вернулся к Эммочке... навечно...

Я с трудом отыскала могилу маминой старшей сестры — тётки Оли (старой). Она была первой переселенкой на *гору Теней* из нашей большой родни. Можно сказать, пионеркой. В моей памяти она оставалась очень старой, хотя ей и шестидесяти не было, когда она нас покинула. С этой тёткой связаны мои самые ранние воспоминания из моего Первого (Таёжного) детства. Старая Ольга много лет жила с нами, она мужественно *жертвовала* своим личным счастьем, дабы помочь сестре (моей маме) и её огромному семейству выжить. У Ольги и их младшей сестры Эммы были такие же ярко-рыжие волосы и васильковые глаза, как у мамы, но все они были абсолютно разными. Мама была доброй, ласковой и очень тихой женщиной, в то время как сёстры её были строгими и властными, и невероятно громкоголосыми. Они гордо, словно знамя советское, несли на плечах свои красноволосые головы, в которых гнездились великое множество нравочений и полезных советов для спасения неразумных, никчёмных, трудновоспитуемых племянников.

Иду дальше... Вот другая тётя — папина сестра Адина, маленькая такая, симпатичная тётушка. Про неё говорили, что она ведьма и у неё есть „чёрная книга“, по которой она колдует. Мне она нравилась. Адина никогда не была замужем, но зато она лучше всех знала, как правильной обращаться с мужьями, и всегда охотно делилась этим своим знанием с сёстрами и племянницами. У тётки Адины был острый язык, и она чуть было не поплатилась своей жизнью за него ещё в начале Второй мировой войны, когда немцы заняли Украину, а советские власти не успели своих собственных немцев, в том числе и моих тётушек, своевременно упрятать в Сибирь. Вот тогда тётя Адина одному фашистскому офицеру на чистом немецком сказала какую-то непозволительную дерзость. Тот решил, что она еврейка, и приказал расстрелять её. Адину спасли только в последнюю минуту и вместо расстрела отправили в Германию. Ну а в Сибирь она с другими попала уже потом, после войны, когда их вернули назад, на родину. А из Сибири после 56-го она вместе с другими родственниками переехала в Казахстан, где уже к тому времени обосновалась наша семья.

Ненадолго задерживаюсь у могилы ещё одной тётки Оли (новой) — сестры отца. Вспоминаю, какая она была статная и красивая. Вообще, все три папины сёстры — Адина, Ольга и Зидония — были настоящими красавицами: чернобровые, кареглазые шатенки. Мы их немножко больше любили, потому что жили они подальше, реже навещали нас и вовсе не пытались нас перевоспитывать.

Попрощавшись с могилами родственников, иду дальше, к учителям.

Вот и могила нашего учителя-физика, незабвенного Константина Ивановича, по прозвищу Кеша, которого мы, его первые ученики, очень любили, а потому и к физике относились с уважением. И вовсе не случайно многие из его учеников стали инженерами и техниками.

А тут памятник славной Ольги Александровны Рерих, „*учителки*“ немецкого. Какая прелесть была эта Ольга Александровна! Помню её самый первый урок в пятом классе. Она полчаса добросовестно пыталась возбудить в наших юных сердцах любовь к немецкому языку, но тщетно, мы её не слушали. И тогда она

посреди урока разрешила нам десять минут делать, что пожелаем: разговаривать, ходить, хоть на голове стоять. Это нам очень понравилось, и мы минуты две пошумели, но потом быстро успокоились, и урок завершился успешно для фрау Рерих. Ольга Александровна была небольшого росточка, со спины её можно было за школьницу принять. Однажды шестиклассник Ванька Пыресин так и сделал — принял её за одноклассницу Румянцеву, у которой было пальто такого же цвета, и у всей школы на виду огрел Ольгу Александровну сзади портфелем по голове... Что было! Пыресина не выгнали из школы тогда только потому, что Ольга Александровна немкой была. Уроки немецкого языка никто не любил, но мы все дружно любили доводить фрау Рерих, потому что она, когда начинала сердиться, выглядела очень смешно и симпатично. А вообще-то мы её уважали за то, что она на нас никогда директрисе не жаловалась. Немецкий язык меня лично в ту пору мало интересовал, поскольку он мне дома надоел (мама по-русски не говорила). Ольге Александровне я обязана своей любовью к её знаменитым родственникам: художнику и философу Николаю Рериху и сыну его Святославу.

А здесь похоронен наш самый первый учитель Прохор Александрович. Я училась у него со второго по четвёртый. Помню, каким он был молодым и красивым, но в последние годы своей не такой уж долгой жизни (52 года) он страшно пил и умер, как говорят, *под забором*. Но, что замечательно, могилка его ухожена. Некоторых людей, бывает, после смерти уважают больше, чем при жизни. В последние годы жизни он вызывал во мне жалость, а теперь я за него рада... Какие красивые флоксы украшают могилу.

О, а вот и место, где покоится прах химички нашей Ларисы Степановны! Я даже не знала, что она умерла. Не удивительно, что никто из нашего класса не заметил её отсутствия в этом мире, иначе на последней встрече обмолвились бы. Она так и не смогла привить нам не то чтобы любви или уважения к её предмету — даже самого элементарного любопытства к химии не пробудила. Из её учеников ни единого химика не вышло. Спасибо вам, Лариса Степановна, что и я химиком не стала, а то при моих способностях я бы такое нахимичила, что вам бы из-за меня тут неуютно было.

Я ещё долго брожу по кладбищу, встречаю могилы моих бывших одноклассников, подруг и друзей детства... Мне становится не по себе: сказывается жара или я просто уже устала. Настоящее вдруг уходит в тень, а прошлое оживает: воспоминания потоком обрушиваются на меня. Откуда-то из небытия всплывают картины детства: лица, голоса, звуки, запахи и яркие краски. Эпизоды из моей жизни сменяют один другой так стремительно, что не успеваю за ними. Меня со всех сторон обступает, то стихая, то усиливаясь, странное эхо; его шлейф закручивается спиралью вокруг меня. Чувствую, как кружится голова и учащённо бьётся сердце. Я опускаюсь на скамейку у роскошного памятника из красного гранита и пытаюсь успокоиться.

... Каково же было моё удивление, когда, открыв глаза, я обнаружила, что сижу у могилы моей подруги детства, Дивы Беккер, погибшей в авиакатастрофе 8 июля 1980-го. Вот кого не могу представить мёртвой. Хоть убейте, не могу. Памятник, видать, совсем недавно поставили, он ещё своей первозданной чистотой сияет. Долго смотрю на фотографию. Подруга детства улыбается мне откуда-то издалека своей бесподобной, одной только ей, Диве Беккер, присущей улыбкой, и как бы говорит: „Ну что, дорогая, ты всё маешься, смысл жизни ищешь? А я вот уже нашла его. А ключик твой от Тайны твоей здесь, у меня“.

Я встряхиваю головой, чтобы вернуться в реальный мир. Ещё раз с любопытством осматриваю памятник и замечаю, что круглая фотография Дивы расположена в центре треугольника. Внизу, под фотографией, стоят даты рождения и смерти, а между ними вместо чёрточки — знак бесконечности выгравирован. Ба-а-а!

У этого памятника меня и находит соседка. Она напоминает, что пора возвращаться, что у них опять сегодня вечером гости ожидаются, приглашает и меня заскочить „на чаёк“. Я не отказываюсь, но и не обещаю, что обязательно буду. С одной стороны, мне полезно ещё раз пообщаться с Натальей, гостьей из Германии, но, с другой стороны, — пить самогонку, даже такую, самую *расчислейшую*, как у тёти Вари, нет никаких сил. Соседка со мной разговаривает, я слышу её голос, но реагирую заторможенно: меня всё ещё не отпускают воспоминания о встрече с прошлым: с давно ушедшими людьми, с моим вторым детством, далёким, тёплым, в котором я себя обнаружила летом 56-го года.

Дива Беккер была первой, кого я встретила на новом месте. Мне всё в ней нравилось: её необычное имя, светлые волосы, голубые глаза, веснушки. Она никогда не унывала, всегда что-нибудь придумывала такое, до чего никто бы не додумался. Дива любила читать книжки, но не такие, как я, а настоящие, взрослые — романы про любовь. Она рассказывала мне про Консуэлло, а я рассказала ей про моих любимых цыган. Однажды я рассказала Диве про мою Тайну. Ключ от моей Тайны пропал из тайника, и я никогда уже не узнаю дорогу к Истине, которая открывалась этим ключом. Об этом тайнике знала только Дива Беккер, а её уже давно нет в живых. Но не попади я сегодня сюда, на гору Теней, вряд ли бы я вспомнила обо всём этом.

Я редко бываю на этой горе. С живыми одноклассниками и то уже целый век не встречалась, а тут месяц тому назад, уже наверняка зная, что уеду, мне вздумалось собрать их всех на проводы. Четверть века минуло с того *торжественного* момента, когда прозвучал последний звонок и мы с большой радостью разбежались в разные стороны. Как же, перед нами были все дороги открыты, мы были молоды, самоуверенны и... наивны. А нас встречала самая что ни на есть настоящая жизнь: суровая, продажная, жестокая. Вот тут только и начиналась школа жизни, а до этого — было детство, игра. И неудивительно, что многие из нас не выдерживали и уходили.

— Слышь, Тинушка, — как бы издали прозвучал голос соседки, — а ведь уедешь ты в среду и мы, может быть, с тобой больше не увидимся. Даже если ты когда-нибудь, через много лет, вернёшься сюда, — в гости приедешь, соседка твоя, тётя Варя, уже тут, на горе, поселится. Но я думаю, что ты не вернёшься... Наблюдала за тобой сегодня. Ты прощалась навсегда. Помню, как отец твой, уезжая, молча кивал каждому двору, каждому дереву, — навсегда прощался.

Ты вот, дорогуша, сидела на скамейке у могилы Дивы Беккер... уже нездешняя какая-то, далёкая, как с другой планеты... Знаешь, я помню, как вы с ней всегда первого сентября ко мне за астрами прибегали. Вы были такие, как бы поточнее-то выразиться, такие... не такие, как другие дети, а вроде ярче других, звонче. Вы сами-то как цветочки были. Нет, это другие детки как цветочки, а вы... каждая из вас — букет. Дивка, та хитрее тебя была, обижала тебя часто, но она не со зла, поверь: она любила тебя, но ещё пуще — всегда побеждать любила, чтобы все ею восхищались, и ты — в первую очередь. А тебе ничего не нужно было, ты и тогда уже всё в облаках витала. А Дива, она земная была... Помнишь ещё, когда чуть подросли, обе-то вы как безумные в Олега Карелина влюблены были и бегали каждая по отдельности ко мне со своими страданиями?

— Тётя Варь, что-то ты путаешь, старая стала, в Олега я была влюблена, а Дива страдала по Володьке Шкуропату, Валерке Соколову и Ринату Тухватуллину.

— Ну ты меня уж не обижай, что стара стала, так от этого куды денешься, а вот с памятью у меня всё ещё, дай Бог каждому, — полный порядок. Положим, она тебе не открылась, потому что ты её опередила в своём признании. Можешь себе такое представить?

— Я, тётъ Варь, вот о чём думала, когда у памятника сидела. Не могу Диву неживой себе представить, не укладывается в голове. А кто памятник ей такой роскошный поставил? Как мне помнится, родственников у неё не осталось, а мужа её бывшие, что один, что другой — забулдыги-алкоголики. А может, это отец её, тот кавказец (Дива его Дон Спермадонор называла...) или сын? Тётя Варя, помнишь Дивинога Олежку? Интересно, что с ним стало? Может, это он маме такой памятник отгрохал? Он уже взросленький мальчик — ему сейчас где-то под тридцать должно быть... Последний раз я видела его, когда ему года три было. Точно. Ох и красивым ребёночком он был! Помнишь? Оранжевые кудри, а глазища-то! Глазища! В жизни своей никогда больше таких красивых детей не видала. Ах, Дива, Дива! Какая ужасная судьба. Сестра её Тамила всю жизнь в коляске сидела. В то утро они должны были вместе лететь в Симферополь, к отцу, но Тамиле стало плохо, и её увезли на „скорой“ в больницу, потому она не попала на этот самолёт и... осталась в живых. Так мне кто-то рассказывал. Правда это?

— Ты, девонька, всё где-то по свету моталась, многого не знаешь, а я тебе такое расскажу! Приходи вечерком, поболтаем. Я тебе одно очень странное письмо покажу и фотку. Я его с полгода назад получила. Письмо, ежели по штемпелю судить, из Москвы отослано, но, сдаётся мне, заграничное оно. И ещё... кое-что мне показать тебе надобно. Тебе будет интересно почитать. А сыночек её и вправду в детстве таким лапочкой был, а умница какой. После того как Дива на Север укатила с этим то ли лётчиком, то ли подводником, мальчик у Валериных родителей так и жил (он тогда уже в школу ходил, ему лет восемь было). Потом, после катастрофы, его Дивин дядя, Лазарь Семёныч, усыновил и забрал в Москву. Там Олежка школу с медалью, говорят, закончил и в университет поступил. Да, вот ещё, давеча в городе на базаре Никитичну, свекровь Дивину, встретила. Так она мне и рассказала, что внучок, Олежка то бишь, таперича тоже у Германии живёт. Он студентом на каникулах где-то на юге Казахстана в стройотряде работал, там и женился — на немочке... Никитична сказывала, что окрутила девка его, голову заморочила, ребёночка родила, ну и... А он ради неё даже университет бросил, в деревню жить переехал. А прошлой осенью они укатили в Германию. Но он бабушку не забывает, посылку вот к Пасхе прислал... таблетки разноцветные — яйца красить, ну и гостинцы разные. Мелочь, а приятно. Много ли старухе одинокой надобно-то для счастья. Всего-то, чтобы кто-нибудь хоть редко о себе словом добрым либо каким знаком внимания напомнил...

Домой с погоста мы решаем спуститься другой дорогой, через микрорайон. Путь этот сквозь грязные дворы скучных шлакобетонных пятиэтажек несколько короче и мимо магазина проходит. Может, что-нибудь из продуктов „выкинули“ — так двух зайцев убьём. Однако в магазине нам не повезло, и мы с пустыми руками возвращаемся домой.

Много лет назад на месте этого серого несимпатичного микрорайона был роскошный старый сад, в котором я и мои друзья провели несколько счастливых лет. Здесь протекал третий период моего детства. Сад был живой: он состоял из таинственных звуков, приятных запахов, невероятных красок, здесь до самой ночи не смолкал детский гомон. А когда родители растаскивали нас по домам, сад становился серьёзным и торжественным.

Улица наша, Вишнёвая, тогда только начинала застраиваться в отдалении от посёлка, за совхозным полем, и примыкала к саду. А вот тут проходила берёзовая аллея, ведущая в посёлок. Помню, какая красота открывалась, когда на рассвете посмотришь наверх: разноцветное небо покоится на величественной короне Зайлийского Алатау; снежные пирамиды гор играют первыми лучами солнца. День медленно „сходит вниз“, открывая взгляду вначале синие горы с голубыми тянь-шаньскими елями, затем далёкие тёмно-зелёные сады, потом уже наш старый сад и, наконец, берёзовую аллею и нашу улицу...

Раньше я любила просыпаться рано-рано, чтобы увидеть своими глазами чудо рождения красоты и зарядиться хорошим настроением на весь день. А сегодня посмотришь вверх, и взгляд, едва оторвавшись от неба, тупо упирается в бельмо на горизонте — микрорайон „Казахфильм“, падает вниз и разбивается вдребезги о гранитный памятник на перекрёстке. Камень этот лежит тут, как и сто лет назад, и вода под него не течёт, и машины его объезжают. Эту гранитную глыбу вынесло селевым потоком из ущелья ещё в начале двадцатого века. Камни поменьше увезли, а этот не тронули. Пусть люди, кто не знает, воображают, как ему удалось перепрыгнуть через микрорайон и развалиться тут как ни в чём не бывало на перепутье. Когда-то тут быстрая речушка с гор сбегала. Звонкая речка, прыгая по камушкам, играючи пересекала сад, а тут, перед камнем, останавливалась, раскидывала руки и обнимала камень, а на той стороне смыкала их вновь и весело бежала дальше вниз. Вода в речке была чистая-чистая и очень холодная... Куда она исчезла? Даже намёка не осталось...

Сад вырубил... лет двадцать назад. Ровные улицы из серых бетонных коробок поползли от Вишнёвой вверх. Поле слева тоже застроили, правда, несколько позже. Для проведения строительных работ надо было снести лежащие на пути либо нашу улицу, либо берёзовую аллею... Вырубил берёзы и... снесли верхнюю часть Вишнёвой. От неё осталось только десятка два дворов: зелёный островочек, взятый городом в кольцо. От посёлка нашего мы оказались тоже городом отрезаны, так что теперь не относились ни к селу, ни к городу.

Мы подходим к нашей улице...

Когда-то давно, вернувшись домой из командировки и впервые взглянув на горы сквозь бетонную призму микрорайона, я написала стихотворение, строчки из которого непроизвольно возникли в памяти:

Здесь было от деревьев тесно,
Сад выглядел таинственно и дико.
А вот на этом самом месте
Стояли тополь с тополичой.

Сад был заброшен, был ничей,
На радость детям из деревни.
Сюда к нам мчался с гор ручей,
И лишь для нас цвели деревья.

И на гастроли прилетали
К нам даже соловьи весной.
Тогда здесь тени оживали,
И всё влюблялось под луною.

С рассветом тени исчезали.
Заутреннюю пели птички...
И бриллиантами сверкали
Росы слезинки на ромашках.

В ручей смотрелась плакса-ива,
И клён кокетничал с берёзой...
И необузданно-красиво
Пылаа кустарник дикой розы.

Всё превращалось тут в игру
Реальности с воображеньем.
А летом, в самую жару,
Здесь солнце укрошалось тенью...

Когда-то, много лет назад,
Мир прост был и добрее вроде.
Заброшенный и дикий сад
Нам открывал любовь к природе.

А вот теперь: „Снимите шляпы“, —
Сказать хотят немые пни.
Здесь Красота жила когда-то,
Когда-то были мы детьми...

Где сад дышал, на этом месте
Стоят дома в порядке строгом.
Как памятник о нашем детстве
Лежит лишь камень у дороги.

Но... вширь и ввысь дома растут.
Расчётливо и деловито
Здесь люди без волшебств живут
И поклоняясь культу быта.

А в прошлом к нам спускался вниз
С небесных ледников ручей,
Мир был другим, был соткан из
Цветов, деревьев и детей.

Я прочла это стихотворение, сама удивляясь, что помню его наизусть. Тётя Варя обняла меня и заплакала:

— Правдиво как ты написала! Спасибо тебе, роднуля, душу ты мне растревожила стихами своими... воспоминания разбудила... А я стишата твои детские храню, в папочку собрала и никому, как ты велела, не показывала. Хочешь в папочку-то заглянуть? Там помимо твоих виршей ещё и Дивины стихи есть. Да ты, похоже, и не ведала, что она тоже писала. А ещё она мне на сохранение пачку писем оставила. Это её переписка с Олегом Карелиным. После его гибели эти письма вернул ей брат Олега. Дива вскоре замуж вышла и накануне свадьбы принесла эту стопочку мне на сохранение. Ты хоть и часто приезжала, но всегда не надолго. Я понимала, что у тебя не было времени поговорить со мной. Спасибо хоть здороваться не забывала да про дела спросить... А Дива долго рядышком жила, она только после второго замужества укатила на Север, мы с ней чаще общались.

Я обнимаю соседку в знак того, что я её люблю и чтобы понапрасну не обижалась, но не нахожу нужных слов. Так в обнимку молча мы идём до самого дома.

Оставшись одна, я упала на кушетку совершенно обессиленная. Пыталась освободиться от воспоминаний, но они и не собирались отпустить и всё настойчивей напирали на меня. Потом я перестала сопротивляться памяти, и мне сделалось вдруг легко-легко.

Взгляд в прошлое. Детство первое, таёжное

Цыганёнок Алёшка. Большая Тайна

... Я перестала сопротивляться памяти, и мне сделалось вдруг легко-легко.

Я увидела себя семилетней девочкой в далёком сибирском селе Листвянка Кемеровской области, где я провела своё первое детство.

Было лето 1956 года — время очередного большого переезда российских немцев. Многие семьи уже покинули наш таёжный край и теперь писали письма из Средней Азии и Казахстана и звали односельчан, на все лады красноречиво расхваливая климат, природу и людей. В письмах описывалось только всё положительное. Это мы сейчас понимаем, что тогда по-другому люди просто не могли писать. И они не лгали, нет — им просто не хотелось опять принудительным путём возвращаться в Сибирь. Ведь письма писали не дети, а взрослые, которые ещё не забыли своего последнего переселения из Поволжья в сентябре 1941-го — в телячьих вагонах.

Мы, послевоенные сибирские дети, были только детьми, но детьми врагов планеты — немцами, фашистиками. В селе, правда, жили ещё семьи „врагов народа“ — „кулаки“ и „подкулачники“, „расхитители“ и „космополиты“, какие-то староверы и раскольники, бывшие попы и прочие „вредители“. Сложно было нам, детям, понять, кто есть кто, а объяснить толком никто не мог или не хотел, но, скорее всего, боялись.

Мы радовались отъезду, но было жаль терять друзей. Родителям нашим как-то удавалось отгородить детей от проблем, о которых они молчали и обсуждали их только в отсутствие детей и по-немецки. У взрослых были свои тайны, они нас от чего-то оберегали, ничего не рассказывая нам. Взрослые немцы все были крайне неразговорчивы. Немцы, одним словом. Но ведь и у нас, детей, тоже могли быть свои, детские тайны.

И вспомнилась мне моя Большая Тайна, которую я привезла с собой из моего самого раннего детства. Теперь об этой Тайне можно уже всем рассказать, потому что сейчас это никому вреда не принесёт, но тогда... Тайна появилась у меня летом 1955 года.

До исторического переезда в Казахстан оставался ещё целый год. За нашим селом на опушке леса цыгане каждый год разбивали свой лагерь. В этом году здесь остановился уже знакомый односельчанам по прошлым годам цыганский табор. У меня там друг был — цыганёнок Алёшка. Настоящий, хороший друг. Со мной в детстве всякие чудеса происходили. Я как бы сельской знаменитостью была: то ли ангелом, который спустился с неба сухим в грозу, по словам одних, то ли чертёнком, как уверяли другие. И те, и другие божились и клялись, что это именно так. Кто хотел, тот и верил. Я и сама частенько рассказывала бабушкам стареньким, сидящим на завалинках, всякие истории, которые либо придумывала, либо вычитывала в книжках, сейчас уже не помню. Некоторые мои знакомые или родственники, в том числе и братья, называли меня врушей, а большинство людей — фантазёркой, но я сама была твёрдо уверена в том, что говорю только правду, и сильно обижалась, когда мне не верили.

Читать я научилась очень рано — в три года, и ещё до школы слыла чуть ли не самым начитанным человеком во всей деревне. Ну, может, не совсем во всей, а только в её немецкой части и среди неумевших читать по-русски.

Наше село было разделено речкой на две части. По ту сторону жили русские и все остальные, кто были не немцы. Между мальчишками верхнего и нижнего села проходили частые драки. И это было в порядке вещей. Но были и исключения, когда дружба была сильнее ненависти. Один из моих братьев, Артур, дружил с самым отъявленным хулиганом Борькой Архиповым, и что только взрослые с обеих сторон ни делали, их невозможно было разъединить. Мама плакала, говорила, что эта дружба до добра не доведёт. Мать Бориса была того же мнения, только у неё во всём был виноват „этот фашистик“ (её муж погиб на войне).

Но вернёмся ко мне любимой — маленькой нахалке, рассказывающей бабушкам сказки. Я очень любила читать и воображать, и, должно быть, у меня иногда стирались границы реального и придуманного мира. Это я сейчас так думаю. В то время меня иногда силой отрывали от книжек (чтобы не ослепла) и выгоняли на улицу. Но предупреждали, чтобы не вздумала опять потеряться (как тогда!). И я выходила на улицу немножко прогуляться, но исключительно из уважения к старшим. Мне и в голову не приходило потеряться (как тогда), тем более что я ещё очень хорошо помнила, чем это для меня обернулось. Но об этом я расскажу позже.

Мы жили на самой окраине, и я обычно уходила не в село, а в направлении леса, потому что там было красиво. Я очень любила смотреть на облака и придумывать себе свои собственные сказки Пушкина или стихи, или басни... И не удивительно, что, заглядываясь на небо, могла споткнуться и угодить в лужу. Как бы то ни было, но у взрослых — родителей, братьев и тёток — всегда имелся повод ругать меня или наказывать. Радости от того, что я много читаю, родители отнюдь не испытывали, потому что по опыту знали, как опасно быть грамотным (в 1937 году на Украине, где родители жили до переезда в Саратовскую область — в Автономную Немецкую Республику Поволжья, однажды ночью забрали всю сельскую интеллигенцию. Среди них были два брата отца и муж его сестры, а также мамин брат).

В общем, родители были уверены, что чтение до добра не доведёт, но они надеялись, что когда я пойду в школу, у меня охота учиться отпадёт сама собой, потому что до меня у них уже было семеро *по лавкам*, и все, как один, школу ненавидели. То же происходило и с соседскими детьми, так что какая-то надежда у моих ближайших предков всё ещё оставалась. Их гораздо больше волновало, что меня абсолютно не интересует то, что должна знать и уметь каждая нормальная девочка. Вышивать, вязать, шить, стирать, убираться в доме и во дворе — всё это мне было чуждо. Я даже в куклы играть не хотела. Да какие там куклы в то время были?

Разгуливая однажды, как обычно, ногами по земле, а глазами — по небу, я уткнулась во что-то и чуть было не упала. Передо мной стоял незнакомый мальчик, который меня также не заметил, потому что с нежностью разглядывал свои ладошки. Мальчик протянул ручки ко мне и чуть приоткрыл ладони: боже, какое чудо! Это была бабочка необыкновенной красоты. Он хотел мне её подарить, но я уговорила его отпустить её. Бабочка спорхнула с ладошки и, сделав несколько взмахов, опустилась на цветок. Мы подошли осторожно, но она опять поднялась и отлетела ещё чуть-чуть дальше. Мы следовали за ней и не заметили, как ушли далеко от села. Лишь когда стали надвигаться сумерки, решили вернуться. Тут только я догадалась спросить мальчика, кто он такой. Он сказал, что его зовут Алёшка-цыган, что он из табора и что про меня он всё знает, потому что я — ангел, который однажды... спустился с неба сухим в грозу... Алёшка попросил меня рассказать, как я вообще попала на небо.

— Ведь братья потеряли тебя в лесу, — сказал он, — тебя тогда всей деревней искали, даже к нам в табор приходили. Ох, и страшная гроза в тот день была, я боялся, что небо разбилось. Тебе там, наверху, что ли, не было страшно?

Это был как раз тот самый случай, когда я в грозу потерялась, и вся деревня искала меня, а я... по словам свидетелей, спустилась с неба (аки Ангел!) в сухом платице и вошла в дом... Но на сей раз я об этом ничего не рассказала моему новому другу, потому что спешила попасть домой, пока меня не спохватились.

— Знаешь, Алёшка, ты меня тут подожди, я сбегаю быстренько, лягу спать. А как только мама нас пересчитает и сама пойдёт спать, я потихонечку убегу, — сказала я и поспешила домой. Летом детям разрешали спать на сеновале, но перед сном нас всегда пересчитывали. Незаметно сбежать, в принципе, было возможно, но, разумеется, только после поверки.

Стояло последнее лето моего первого детства (дошкольного). Через месяц начнутся занятия в школе, и тогда уже на такие прогулки совсем не будет времени. Алёшка в школу не ходил — цыган потому что. Он ни читать, ни писать не умел, хотя ему уже лет восемь было, а может, и больше. Но он знал столько всяких разных вещей, и мне с ним было совсем не скучно, даже напротив — интересно... Я ему рассказывала сказки, которые после прочтения запоминала наизусть. Особенно если они были написаны в стихах, как сказки Пушкина. Если я какую-то строчку не запоминала, потому что не понимала, то по ходу досочиняла её сама. Сказки Пушкина Алёшке очень нравились, особенно „Руслан и Людмила“ и „Сказка о царе Салтане“. В общем, я рассказывала ему сказки, а он взамен учил меня смотреть на звёзды. Он знал, где какое созвездие находится и как оно называется. Вскоре я стала тоже разбираться в звёздах. Об этом можно было догадаться по именам телят, коз и других домашних животных, с которыми мы росли. У нас были: бычок Альгаир, козы — Козерог и Венера, овцы — Аврора и Альдебаран. Взрослая половина нашей семьи не называла домашнюю скотину по именам. Старшие братья часто посмеивались над моими причудами. Из-за моего пристрастия к звёздным именам или потому, что взрослые не в состоянии были понять и оценить этого, иногда у меня возникали и неприятности. Так, например, однажды я нарекла пёструю тёлочку замечательным, на мой взгляд, именем, но никому не поведала его. На ехидные вопросы братьев, неужели у меня весь запас звёзд вышел и что же теперь с бедной безымянной тёлочкой будет, я шёпотом поясняла, что имя у тёлки есть, но я его вслух стесняюсь произнести, потому что боюсь тётю Олю обидеть. Тётя Оля — это мамина сестра, которая жила с нами и помогала маме вести домашнее хозяйство и воспитывать детей. Вскоре и до тёти Оли дошёл слух про загадочное имя тёлки. Она ласковым голосом попросила меня сказать ей одной по секрету, каким это именем я тёлку окрестила. Неужели — Ольга? Может, новую звезду открыли и в её честь назвали, а она про это не ведаёт ещё? Ну я и сказала, что это никакая не новая звезда, а очень даже старое созвездие, Дева называется, а так как Ольгу все в селе старой девой называют, то вроде как эта рыжая тёлочка — теперь ваша тёзка... С тётей был настоящий шок. Ольгу с тех пор сельчане Старой Звездой называть стали. А я впала у тёти в немилость: она теперь как только замечала, что я читаю или замечталась (бездельничаю, значит), тут же заставляла меня выполнять какую-нибудь домашнюю работу, которую раньше всегда преспокойненько сама делала, не мешая умному ребёнку (мне то бишь, ещё вчерашней тёти Олиной гордости) развиваться. Вот до чего довело меня моё чрезмерное увлечение астрономией.

Алёшке, между прочим, тоже не понравилось, что я козу Венерой назвала, ведь так звали его маму, но я успокоила его, рассказав, что у соседей наших маму зовут тётя Роза, а у них и корова Розка, и козу также Розой зовут. И ничего, а у бабули Лизы-Вейс корову зовут Дочка, а козу Лиза, а зато дочку Лизы-вейсину зовут Карола.

В сибирских сёлах (не только в нашем) в пятидесятые годы почти в каждом дворе было много домашнего скота. Это не потому, что люди жили там зажиточно, а просто тогда была такая политика. Каждая семья имела право держать коров, свиней, овец, коз и, разумеется, гусей, кур и уток — сколько угодно. Но все домашние животные были в конторе зарегистрированы, и каждая семья обязана была, согласно закону, сдавать государству налог натурой: сливки, сметану, масло, мясо, сало, яйца. Семья имела право оставлять себе только обрат — голубовато-белую жидкость, выливающуюся из нижнего крыла сепаратора. То, что выливалось из верхнего крыла, были сливки, и они забирались Государством — эдаким ненасытным чудовищем, в моём тогдашнем представлении. Кстати, козье молоко и молоко овец не забирали, но зато надо было сдавать козий пух и шерсть овечью. Поэтому овец по весне, как мальчишек в школу, наголо стригли, и они дрожали от холода.

Мы, дети, рано усвоили, что масло и сметана — продукты бесполезные, а обрат — это и есть самое настоящее молоко, только очищенное, а потому ещё вкуснее и полезнее. И ещё оставались в семье пахта — *буттермилх*, и *грибенш-мальц* — пропущенные через мясорубку выжарки. Вполне съедобные продукты. Во всяком случае они были гораздо приятнее рыбьего жира. Мама всегда плакала, когда приезжали забирать налог. Бывали, правда, и такие счастливые случаи, когда из лесу в село незаметно по ночам прокрадывалась хитрая неуловимая лиса и воровала птиц. От этой плутовки (дай Бог ей здоровья — говорили старушки) не было никакого спасу. Жители села приносили в контору вещественные доказательства — крылышки, пёрышки, лапки, — всё, что от любимых гусей и утят оставалось. Начальство в таких случаях для порядку составляло какие-то там протоколы, и некоторая часть домашней птицы списывалась. В такие дни из домов на улицу вырывались очень вкусные запахи: жители села праздновали „Лисичкины именины“.

С голоду мы не умирали, летом собирали в лесу ягоды и грибы. У некоторых старожилов в саду созревали и вполне культурные ягоды, такие как малина и смородина, но достать черенки было делом нелёгким. Начальство привозило их обычно аж из областного центра — Кемерово, куда оно отправлялось каждый квартал с отчётом. В такие дни, когда начальство было в отъезде, в деревне наступал праздник. Взрослые собирались компаниями то у одного, то у другого — играли в шахматы, карты, лото и лужгали семечки. И вдоволь „шпрыхали“ по-немецки. Даже не то чтобы разговаривали, а скорее, пели... немецкие песни. Из Верхней Листвянки и соседнего села приходили женщины и звали в клуб „на танцы“. В такие дни как-то забывалось, что мы потенциальные враги. В немецкой половине был небольшой оркестр: две скрипки, гармошка, балалайка и несколько губных гармоник. И если к ним примыкали ещё и цыгане со своими гитарами и скрипками, это был настоящий праздник. Дети тоже радовались таким дням. Мы были предоставлены сами себе и могли делать всё, что вздумается, кроме, конечно, глупостей, что и обещали клятвенно родителям.

В середине августа в деревне намечался такой „праздник“, и грех нам было бы не воспользоваться этой возможностью для исполнения чего-либо стоящего. Я пообещала Алёшке, что ночью пойду с ним за речку — воровать малину у самого председателя сельсовета Никоненко. Ну, конечно же, наше общение с

ним выходило иногда и за рамки созвездий и сказок Пушкина. Как-никак, Алёшка был хоть и маленький, но самый настоящий цыган. Я пыталась научить его читать, а он учил меня своему цыганскому ремеслу. Так сказать, мы с ним обменивались опытом. Теоретически я была уже подготовлена, осталось только укрепить знания на практике. Но налёт на председательский малинник не состоялся... После обеда в нашем доме появился запыхавшийся Алёшка. Он прибежал попрощаться — табор неожиданно свернул палатки и собрался уезжать на юг. Цыгане — они совсем как перелётные птицы...

— Хорошо им, — думала я, — захотели, собрались, и... — в путь-дорожку, за приключениями. И никакого разрешения у коменданта или председателя сельсовета не берут. Им даже на милицию наплевать. Мне очень хотелось тоже уехать с ними, чтобы просто так странствовать по свету, спать у костра под звёздами, дружить с ветром и небом, ну а если надо — и воровать. Друг мой Алёшка объяснил мне, что в этом нет ничего плохого, потому что цыгане вовсе даже не воруют, а одалживают, а тому человеку, у которого цыган *одолжил*, Бог пошлёт потом добра в десять раз больше. А что касается того, что цыгане обманывают людей тем, что гадают, так и тут, — объяснял мне Алёшка, — всё чисто. Цыгане несут людям радостные вести, а про плохое только намекают, чтобы люди задумывались и спешили делать добрые дела, чтобы отвести зло от себя. К тому же они вовсе не заставляют людей верить и денег тоже у людей не отбирают. Ну, положим, просит цыганка, как водится, *позолотить ручку*, а люди и дают что-нибудь — сами, добровольно. Воруют цыгане только коней, и это тоже не воровство, потому что они возвращают себе своих собственных лошадей, отобранных у них этим бессовестным Государством. Оказывается, это самое Государство, мало того что у своих людей отбирает всё, что у них имеется, так ещё и бедных цыган обдирает, у которых и так ничегошеньки, кроме коня, нет. Вот и попробуй тут разобраться, кто у кого ворует. А ещё Алёшка рассказывал мне, что у цыган есть то, чего у них никто отнять не в силах — это их свободный цыганский дух, а это самое большое богатство. И что цыган обижать — грех. Такой же, как бить детей или животных. Кстати, покормить цыгана, отдать ему ненужные тебе вещи или одежду — относится тоже к разряду добрых дел, которые Бог велел делать людям.

Я была так очарована рассказами Алёшки об их странствиях, что решила непременно воспользоваться сложившейся ситуацией и сбежать из дому с табором. Взрослые все были кто в клубе, кто на посиделках, а братья в доме что-то там увлечённо мастерили, так что можно было действовать. Во дворе на верёвке сушилось бельё после стирки, и моё внимание привлекли штаны моего брата Гарика. Недолго думая, я стянула их с верёвки, надела на себя, подвязала бечёвкой, чтоб не сползали; натянула на себя чью-то рубашку и картуз, чтобы спрятать мои длиннющие волосы, и незаметно улизнула за калитку. С собой я взяла только одну книгу — поэмы А.С. Пушкина, и меня совсем не мучила совесть, что книга-то из библиотеки. Я же её не для себя, а для доброго дела — буду читать неграмотным цыганам Пушкина. Я совершенно забыла про бдительность и стала напевать сама себе песенку, которую запомнила из поэмы „Цыганы“:

Птичка божия не знает
 Ни заботы, ни труда,
 хлопотливо не свивает
 Долговечного гнезда,
 В долгу ночь на ветке дремлет;
 Солнце красное взойдёт,
 Птичка гласу Бога внимлет,
 Встрепенётся и поёт.

За весной, красой природы,
Лето знойное пройдёт —
И туман и непогоды
Осень поздняя несёт:
Людям скучно, людям горе;
Птичка в дальние страны,
В тёплый край, за сине море
Улетает до весны.

Я пела, и уже сама была эта птичка, которая „в тёплый край, за сине море улетает до весны“.

Вдруг кто-то сильный схватил меня за руку, стянул с головы картуз, и знакомый голос учётицы Нины Фёдоровны строго спросил: „И куда это тебя, птичка певчая, на ночь глядя несёт? Ну-ка, девонька, пошли, я доведу тебя до дому, а то потеряться можешь. Момент для гуляния ты выбрала, скажу тебе прямо, не особенно подходящий. Я с разъезда топаю, мимо табора шла. Цыгане, похоже, покидают нас, пожитки грузят, на юг, в тёплые края собираются. Ты бы, детка, подальше от них держалась, бывают случаи, люди говорят, детей воруют. Так что ты там пела?“.

Я была так ошарашена, что потеряла дар речи. Учётица сдала меня и картуз из рук в руки моим братьям и с лёгким сердцем пошла домой.

Наверное, воображает себе, что доброе дело сделала, а мне она всю жизнь поломала; она отобрала у меня свободу и посадила меня в клетку — думала я и всей душой ненавидела эту проклятую Нину Фёдоровну. А меня, вдобавок, сейчас ещё и братья поколотят. Мне стало себя жалко-жалко, но плакать я себе не разрешила. Братья довольно-таки аккуратно *вправили мне мозги*: вытряхнули меня из Гарькиных штанов, вlepили пару шлепков для порядку и велели идти спать, а завтра пообещали со мной как следует разобраться. Мне было обидно, что побег не удался. Очень уж хотелось узнать, куда на зиму улетают птицы. Я была уверена, что улетают они в волшебную страну Лукоморье. И я, уже засыпая, думала о птицах перелётных, о моём друге, о Пушкине. И кот учёный мне *песни пели и сказки говорил...*

Детство первое, таёжное. Страсти невероятные

Утром всё в мире было уже иначе. В селе произошёл ряд событий, всколыхнувших всю округу.

Ну, во-первых, не все цыгане уехали. Иногда цыган брали на сезонную работу, и отец Алёшки, Ульян, работал кузнецом на хуторе Соломенный, вместе с моим отцом и Антоном Краузе (вообще-то его звали Драгомир Богданович Ульянов, но сельчане называли его просто Ульяном).

Поговаривали, что Ульян не уехал, потому что ждал начальника МТС, чтобы получить расчёт. Но я думаю, что цыгане не могут отставать от табора только из-за денег, — ведь если они и так могли себе всё, что необходимо, украсть, то есть *одолжить*, то деньги в жизни их не играли столь важной роли. Все люди в селе работали и получали за это зарплату. А Алёшкин отец работал с удовольствием. Папа с дядей Антоном так и говорили, что цыган этот работает, как и гуляет, — от души и с большой радостью, будто бы поёт и танцует. Да к тому же он и так сам по себе уже счастливый человек — цыган потому что. При чём тут деньги? Нет, тут должна была быть ещё какая-то другая причина. И потом, если цыгану-папе так уж обязательно было ждать приезда начальника, зачем, спрашивается, прибегал Алёшка со мной прощаться? — так думала я, узнав, что мой

друг не уехал. Но, разумеется, я не могла знать всего, что тогда произошло. Много от нас, детей, взрослые скрывали. И вопросы, часто задаваемые детьми, не находили у родителей ответа, особенно если это касалось политики. Родители отмалчивались или, в лучшем случае, просили нас подождать: время нынче такое, нельзя говорить. Опасно это.

Вот в такое особенное время мы росли и развивались и сами искали ответы на вопросы, которые нас мучили. Так краем уха я уловила, как соседка тётя Катя через изгородь вполголоса рассказывала маме, что прошлой ночью в лесу кто-то чуть было не убил цыганку, жену кузнеца. Она травы лечебные в дорогу собирала. Муж нашёл её полуживой, и теперь она на хуторе у Фриды Краузе в себя приходит. В воскресенье по селу поползли слухи, что в лесу появился то ли зверь страшный, то ли оборотень. Встревоженные слухами жители села полущёпотом рассказывали друг другу об этом происшествии и советовали не отпускать детей одних в лес по ягоды, несмотря на то что был сезон.

Цыгане в тот самый субботний вечер тоже были приглашены на танцы в Верхнюю Листвянку, но они там не появились – по причине срочных сборов в дорогу дальнюю. Поэтому, наверное, танцы в клубе длились на сей раз не до утра — уже в полночь селяне стали расходиться по домам.

В ту же самую ночь случилось ещё одно происшествие — странное, даже, можно сказать, страшное, от которого потом долго-долго трясло всю округу, — в соседней деревне был убит комендант Пендюков. Этого человека никто не любил — его либо боялись, либо ненавидели, но, скорее всего, люди просто отвечали ему взаимностью.

Это я сейчас так думаю, а тогда я, как и все жители нашего села от мала до велика, знала, что его надо бояться и избегать.

Когда я узнала обо всём, что случилось, то тоже была несколько взбудоражена. Однако меня переполняли весьма противоречивые чувства и не терпелось с кем-нибудь поговорить. С одной стороны, я радовалась, что мой друг не уехал, с другой стороны, — мне было очень жаль Алёшкину маму, цыганку Венеру. Она была в моём воображении Царевной-Лебедью. Однажды зимой у нас дома жила птица (лебедь) с перебитым крылом, которую подобрал в лесу старший брат. Птица отстала от стаи, улетевшей на юг. Ей пришлось перезимовать у нас, с нашими гусями и утками, а весной она улетела. Вот и мои друзья цыгане — люди-птицы, остались в нашем селе зимовать, а стая их уже где-нибудь к тёплым краям приближается... А нам тут вот без особого разрешения коменданта дальше разъезда шага не смей сделать — пристрелить могут. Правда, может, теперь, когда коменданта самого убили, и разрешения не надо спрашивать?

Всё, что касалось цыган, меня очень тревожило, зато смерть коменданта меня ничуть не огорчила. Ну если убили плохого человека, то так ему и надо, — думала я, — он-то уж точно это заслужил — и чего это все вокруг такие смурные ходят и совсем не радуются, как я, тому, что плохого человека не стало (слава о зверствах коменданта Пендюкова доходила до нашего села, хотя он у нас появлялся не так уж часто). Добро победило зло. Как в сказке. Так что радоваться надо, что всё так хорошо сложилось. Я так и сказала маме, с которой чуть было удар не случился, когда она услышала от меня такое. Она запретила мне выходить на улицу и строго-настрого наказала ни с кем никогда об этом не говорить. „За такие слова могут всю нашу семью в тюрьму посадить, — сказала напуганная до полусмерти мама, — да и Господь Бог знает, что творит. Нам следует от этого дела подальше держаться“.

В тот момент меня ещё не занимали философские вопросы о жизни и смерти. Об этом всерьёз задумываться я начала несколько позже, примерно недели через две.

В соседнем селе, где находилась комендатура, срочно разместился оперативный штаб. Из окрестных сёл забирали на допрос мужчин, но потом их отпускали под расписку домой — шли уборочные работы. Страсти не унимались. Взрослое население Листвянки стало ещё замкнутее. Кто-то припомнил, как в прошлом году Пендюков, угрожая пистолетом, забрал у цыгана Ульяна коня. Правда, далеко он тогда не ускакал. Принц, так звали жеребца, сбросил пьяного седока близ хутора Соломенный и прискакал обратно в табор. Несчастливого коменданта со сломанной ногой нашёл кузнец Антон Краузе и отвёз домой. Пендюков матюгался на чём свет стоит и грозился разделаться со всем табором.

А ещё ходили слухи, что нападение на цыганку в лесу было делом рук коменданта. Через несколько дней из города приехала машина — «чёрный ворон», на которой и увезли арестованного цыгана Ульяна.

Незаметно наступила осень, подошло первое сентября, и детвора пошла в школу. У меня началась новая полоса жизни. С детскими шалостями, такими как превращение в Ангела или чертёнка, пришлось теперь расстаться. Вроде совсем недавно это было, когда я неслась с диким воплем по улице, а некоторые встречные старушки, увидев меня, начинали быстро-быстро креститься и причитать: „Свят! Свят! Свят! Нечистая сила!“. Другие восклицали: „Jesus Maria!“ и „Ach Du, Grober Herr Gott!“.

Это произошло накануне того самого события, когда я „спустилась с неба“. Папа в тот день чистил дымоход. Он аккуратно собрал сажу в мешочек и как раз пристраивал этот самый мешочек на верхней полочке под навесом, как появилась я и поинтересовалась, что это он там прячет так высоко. Папа сказал, что это не для детей и чтобы я от этих полок, где его инструменты и всякие мази-клеи стоят, лучше подальше держалась, чтобы не испачкаться. Я послушно отошла от полок с инструментами, дождалась, пока отец вышел со двора, и стала соображать, как мне до верхней полки добраться? Потом подкатила чурбан, поставила на него тазик вверх дном, на тазик горшок и забралась на него. Мне пришлось встать на цыпочки, чтобы дотянуться до мешочка. Я ухватилась за верёвочку, которой был мешочек завязан, и потянула на себя. Чурбан подо мной закачался, и я с грохотом свалилась вниз. Падая, я попыталась ухватиться за что-нибудь; со второй полки на меня опрокинулась банка с какой-то вонючей липкой жидкостью, а сверху из мешочка высыпалась сажа. Я начала стряхивать с себя сажу, но она просто размазывалась и становилось ещё хуже. Войти в дом в таком виде я не рискнула, поэтому побежала по улице к речке. Вот тогда-то бабульки встречные и видели собственными глазами чертёнка. С испугу старушечки все разбежались по домам, только одна, самая смелая, вытащила меня из речки и потащила домой. Это была наша *старая*. Тётя Оля, отмывая меня от сажи, так щедро меня стыдила, что я чуть не умерла от угрызений совести. Но потом со мной случился позор ещё большего масштаба... и прошлый начисто смылся с души и сердца, уступив место новым, более солидным страданиям.

Надо сказать, что после тётиной головомойки я очень старалась сделать что-нибудь приличное, но получалось ещё хуже.

Раньше, когда я была совсем маленькой, она мной очень гордилась, особенно когда я научилась читать. В конторе, где она работала бухгалтером (тётя Оля хорошо говорила по-русски и была грамотной), все знали, что у нас в семье растёт настоящий вундеркинд, то есть я. Но однажды... это было ещё до того, как я *попала на небо*. Мои братья с компанией соседских ребят собирались на рыбалку, но заметив, что у мельницы кучкуются мальчишки с Верхней, решили сперва узнать, что те затевают. Наши плохо понимали по-русски, а им очень хотелось знать планы своих „врагов“ с Верхней. Поэтому они послали меня в *разведку*. Я, точно выполняя наказ братьев, незаметно подкралась к „врагам“ и

наострила уши. Но один из мальчишек заметил меня и с возгласом „шпионку фашистскую поймал!“ — выволок на середину. Вначале я мужественно молчала, как настоящая Зоя.

— Отпусти её, это бешеных фрицев козявка, — сказал старший из компании, — она поди по-русски ни слова не понимает. Тоже мне — шпионка! Ха-ха!

— Это кто? Я-я-а — не понимаю?! — возмутилась я. — Если хочешь знать, я даже читать по-русски умею и считать до тыщи, вот!

— Ну это мы сейчас проверим, — сказал лупоглазый мальчишка в пилотке из газеты „Правда“ на голове, — ну-ка, расступитесь, — он притоптал пыль под ногами, разровнял акkuratно и стал остриём палки выводить буквы.

— Ну, козявка, читай, что тут написано?

— С-у-к-а... Сука! — громко прочла я. — Сука!

Мальчишка писал незнакомые мне слова, и я их читала: «х...», «п...».

„Вражеские“ ребятишки вокруг нас корчились от смеха. Им очень понравилось, как я читаю, они меня на все лады хвалили и восхищались мной.

— Слова у вас какие-то нерусские, — сказала я, — так на нашей улице никто не говорит, и в газете и в книжках я ещё никогда слов таких не встречала.

— Ну ясно, у вас там одни фрицы живут, они по-русски не кумекают, а эти слова самые настоящие русские и есть, — стали в один голос заверять мальчишки. Я им поверила. Мы ещё немножко посмеялись, мальчишки проводили меня до самой границы Верхней Листвянки и побрели на речку рыбачить. А я, радостная, помчалась к братьям и стала взахлёб с восторгом рассказывать им, какие добрые и хорошие русские мальчишки. Я перед братьями защеголяла запасом новых, самых настоящих русских слов, которые я только что выучила. Наши немецкие мальчишки тоже долго смеялись, услышав мой рассказ. Братья попросили меня только маме не говорить об этом. А вот тётке Ольге можно, нет, даже нужно рассказать, она очень обрадуется.

А тут кстати вышла мама и попросила мальчиков отнести тётке Ольге в контору хлеб и фляжку с молоком. Мне в этот день везло. Я уже совсем большая! Братья доверили мне (одной) отнести обед тётке Ольге на самый край деревни в контору.

В конторе кроме тёти Ольги было ещё несколько женщин и один мужчина в очках. Они составляли какой-то там квартальный отчёт и работали без перерыва. С моим появлением все отложили дружно счёты и стали с любопытством меня разглядывать и расспрашивать. Одна тётка заинтересовалась, не та ли я умная и хорошая девочка, которая „умеет читать и писать, и до ста считать“.

— Не до ста, а до тыщи, — с гордостью поправила я её, — а остальное правда. — И в подтверждение своих слов стала всякие надписи читать: „касса“, „дебет“, „кредит“, „отчёт“, „гроссбух“. Все захопали, и тут я вспомнила, что только что сегодня научилась читать и писать такие хорошие, настоящие русские, очень красивые слова „х...“, „п...“.

Все, кроме тёти Ольги, стали весело смеяться, громче всех мужчина в очках. Тётя Ольга сделалась красной в лице, схватила меня за шкирку и потащила на улицу.

— Марш домой! Бессовестная! Поговорим после! — процедила она и вернулась на работу, а я, ничего не понимая, в недоумении побрела домой.

Ах, как это давно было... Теперь я была уже совершенно другим человеком. Теперь я казалась сама себе очень важной и взрослой. С детскими глупостями было покончено. Окончательно.

Начальная школа находилась в Верхней Листвянке, в старом бревенчатом доме. В ней было всего два объединённых класса: первый плюс третий и второй плюс четвёртый. В нашем классе в два ряда стояли парты. Ряд у окна занимал третий класс, а к двери поближе — первый. В первом кроме меня было ещё две девочки: Аня и Неля. А ещё в нашем классе было пять мальчиков, и среди них двойняшки Краузе: Андрей и Ваня. Ваня был глухонемой, но его всё равно записали в эту школу, потому что в Листвянке не было школы для глухонемых, да и детей таких, особенных, во всей округе больше не было. Все почему-то тогда нормальными на свет появлялись, а уже потом становились кто глухими, кто (как наши родители) — немыми. Да все родители в нашем селе какие-то молчаливые, угрюмые: переговариваются тихо-тихо, поют только по праздникам, и песни-то у них очень уж печальные. Совсем другое дело цыгане. Разговаривают громко, можно даже сказать — кричат, если не знать, что для них это совсем нормально. А как поют! Аж до Верхней Листвянки слышать. Вспомнила друзей своих. И так мне Алёшку увидеть захотелось, про школу рассказать, да и про его родителей узнать. Я знала, что он и его мама живут временно у Краузе на хуторе Соломенном, но как туда попасть? Надо было срочно что-нибудь придумать, чтобы мама меня отпустила.

На последней переменке, когда все дети вышли во двор, я незаметно стащила букварь у Андриюшки Краузе и сунула себе в сумку. Вот каким сообразительным ребёнком я была в детстве, да и уроки цыганёнка не пропали даром. Дома я „случайно обнаружила“ в сумке чужой учебник и уговорила маму отпустить меня быстренько сбежать на хутор, да и заодно предложила отнести папе в кузницу обед. Мама разрешила, но велела сперва переодеться и поесть. А мне так хотелось покрасоваться перед Алёшкой в моей новой школьной форме: коричневом платье с белыми, с мережкой, воротничком и манжетами. Но не получилось, хорошо хоть вообще выпустили из дому. Время было *такое* — опасное. Прошли те славные старые времена, когда меня силой заставляли гулять.

В доме Краузе меня ждали. Тётя Фрида только что велела Андриюшке позвать меня, а я тут как тут. И не из-за букваря — они ещё даже и заметить не успели, что учебника нет, да и вряд ли им пришло в голову, что это я его украла. Но всё равно все обрадовались букварю, который *нечаянно попал в чужую сумку...*

Я стала искать глазами Алёшку, но тётя Фрида взяла меня за руку и провела в другую комнату.

— Венера просила послать за тобой, поговорить с тобой хочет, — шепнула мне на ухо хозяйка и оставила нас одних. Я растерялась, увидев очень бледную красивую женщину, всю в белом, лежащую на кровати, на накрахмаленных простынях. К спинке железной кровати была привязана такая особая занавеска с кружевами, тоже очень белая... Только Венерины чёрные волосы да глаза выдавали цыганку, но всё равно она походила больше на Царевну-Лебедь, нежели на Алёшкину маму, с которой мы виделись несколько раз. Я стояла, словно заколдованная, не в силах сдвинуться с места, и только смотрела на неё, обо всём на свете забыв. Не знаю, как долго мы молча разглядывали друг друга, наверное, целую вечность, но вдруг я услышала слабый голос: „Подойди ко мне, дочка, не бойся. — Я повиновалась и подошла. Она взяла меня за руку и продолжала: — Тебе, девочка, Бог дал светлую душу и доброе, умное сердце. Постарайся сохранить этот подарок, не испачкать душу, несмотря ни на что. Жизнь твоя лёгкой не будет. Много трудных дорог на пути твоём, но огонёчек ясный в сердце твоём горит, и он поможет тебе в трудную минуту — дорогу к Свету, что людям любовь и радость даёт, покажет. И, как бы плохо тебе в жизни ни было, никогда не держи зла на людей. Ищи Истину, но не забывай, что путь к ней через сердце твоё

лежит. Прислушавшись к нему, и оно подскажет тебе правильную дорогу. И ещё, возьми эти серёжки и сохрани их в тайне до того времени, когда тебе исполнится тринадцать лет, затем носи их на счастье. Это не простые серьги, на них знак стоит, по которому тебя узнает нужный человек. Он появится в твоей жизни и сделает тебя счастливой. Эти серьги я получила от матери, она — от своей, мне же Бог не дал дочери, и поэтому я отдаю их тебе. Ты дружишь с Алёшенькой, не оставляй его, когда я уйду“. — Она положила мне в ладошку серёжки и, обессиленная, упала на подушку. Я сунула руку в карман; кто-то вошёл в комнату и вывел меня на улицу.

Во дворе стояли братья Краузе и разговаривали. Что за чудеса! Глухонемой Ваня что-то увлечённо рассказывал Андрею. Я уже чуть было не решила, что схожу с ума, как появился настоящий Ванюшка, а с Андреем, оказывается, разговаривал Алёшка, которого дядя Антон постриг наголо. Без своей кудрявой шевелюры Алёшка ни капельки на себя не был похож, и неудивительно, что я его не узнала. А мальчишки, когда их стригут к школе, так вообще все одинаковые: круглоголовые и лопухие...

В этот раз мы с Алёшкой поговорить не успели, потому что я спешила домой. Увиделись мы с ним только через неделю. На кладбище...

Умерла Венера... На кладбище было не более десяти человек. После того как Царевну-Лебедь закопали, взрослые долго рассуждали, куда поставить крест: в ноги или в голову. Никому из присутствующих не приходилось видеть мёртвых цыган, и опыта хоронить их ни у кого не было. Цыгане — часть живой природы, они кочуют, поют, танцуют, шумят — это все знают; а вот цыганских кладбищ никто-таки не видел, а потому и не знают, куда ставить крест, да и нужен ли он им вообще.

Я спросила у папы, где закопали коменданта Пендюкова? Надо бы просто посмотреть, где у него стоит крест, и тогда станет ясно, куда поставить крест на могилку Венеры, — наоборот. Ведь это так просто. И чего это взрослые так долго рассуждают?... Папа хмыкнул и сказал, что коменданта похоронили в районном центре на кладбище для военных, и ему вообще не крест, а памятник со звездой поставили.

После похорон все пошли к Краузе помянуть усопшую, а на кладбище остался один Алёша. Я подошла к нему и дёрнула за рукав. Он посмотрел на меня, потом поднял глаза к небу и, совсем как взрослый, сказал: „Она отмучилась, теперь она там. Ей там хорошо. Слушай, Тинка, ты же была там, помнишь, ты обещала рассказать мне, что ты там, наверху, делала и было ли тебе страшно, расскажи, а?“ — Алёшка смотрел мне прямо в глаза и ждал ответа.

Я не знала, что делать. Мне совсем не хотелось рассказывать сейчас ему всю правду про тот самый случай, когда позапрошлым летом я потерялась в грозу и меня всей деревней искали, а потом я спустилась по лестнице (аки Ангел) и совершенно сухая вошла в дом, хотя на улице лило, как из ведра.

Случай тот по правде был не столь красивым, как миф, созданный очевидцами. Ни на каком небе я тогда не была вовсе. Просто я поплелась вслед за старшими братьями в лес по ягоды, а они увидели, что на небе появились невесть откуда тёмные тучи, решили, что будет гроза. А в грозу малявке лучше дома оставаться. Братья пытались уговорить меня вернуться домой, пока ещё недалеко от дома ушла, но я не покорилась. Тогда они убежали от меня на ту сторону моста и спрятались. Я этого знать не могла и бегать быстро так, как они, тоже ещё не умела, потому что маленькая была. Когда я наконец перешла по мосту на другую сторону речки, там никого не было, а идти одной в лес мне было страшно,

и я потопала обратно. Обида раздирала мою детскую душу, мне никого не хотелось видеть. Я боялась, что вдруг встречу кого-нибудь, и они посмеются надо мной, потому что я маленькая и ни на что не гожусь, — даже ягоду в лесу собирать не доверяют.

Ну вот, с такими мрачными мыслями я подходила к дому. Издалека ещё я заметила, что папа ремонтировал трубу на крыше. Мне было стыдно возвращаться ни с чем, а ведь я так гордилась перед этим, что братья впервые разрешили мне пойти с ними по ягоды. Я незаметно прошмыгнула в калитку, но в дом не вошла, потому что плакала, — и стеснялась этого больше всего на свете. И чтобы в доме никто слёз моих не видел, я забралась по лестнице на сарай и спряталась там под тюфяк, набитый соломой. Никто меня не заметил, и я могла вволю поплакать, что я и сделала. Потом я успокоилась и заснула детским здоровым сном. А в это время разразилась та самая страшная гроза, о которой я, разумеется, ни сном ни духом не ведала. Промокшие братья вернулись из лесу домой, и тут только обнаружилась пропажа ребёнка. Получилась страшная драма: почти все жители села, взрослые и дети, под проливным дождём прочёсывали опушку леса, заглядывали под каждый кустик, но ничего, даже бантика или шнурка от ботиночек, не обнаружили.

Было много свидетелей, видевших, как я шла вслед за братьями в лес, но ни единая душа не видела моего позорного возвращения. Братья мои старшие чувствовали себя виноватыми и, когда искали, наверное, меня очень любили и совсем не хотели, чтобы меня какой-нибудь лютый зверь загрыз; они, может быть, даже клялись себе никогда больше меня не обижать понапрасну — нашлась бы только живой.

Ну вот, а я тем временем, облегчив душу слезами и выпавшись как следует, обнаружила себя в не очень-то удобном месте, решила спуститься из своего убежища домой. К тому же очень хотелось есть. Когда я, расставив ручонки по сторонам, чтобы не упасть, спускалась по лестнице вниз, меня заметил и осветил фонариком мой брат Эвальд, вышедший во двор пописать. По ту сторону забора соседка тётя Катя также оказалась во дворе в этот момент, и своими собственными глазами видела, как я спускалась с неба (аки Ангел!), и наавтра рассказывала об этом происшествии односельчанам в магазине.

Брат издал какой-то дикий вопль, вроде: „Ты-ы? Ура! Нашлась!“ — и бросился в дом. Когда я переступила порог, произошло нечто совершенно невероятное: всё завертелось, закружилось вокруг меня. Я успела заметить, что в доме царил непривычный хаос: у порога лежала большая гора мокрой одежды. Было много народу, и все были какими-то суматошными. На меня со всех сторон набросились: одни обнимали, целовали, тут же передавали другим, кто-то меня легонько бил, кто-то гладил, кто-то дёргал за косички, но всем хотелось меня потрогать. Все галдели разом, не унимались возгласы типа: «Живая! Нашлась! Слава Богу! Счастье-то какое! Сухая!».

Убедившись в том, что я нашлась, кто-то побежал передать эту радостную весть тем, кто ещё продолжал поиски. Церемония встречи со мной как будто с заново родившейся обновлялась всякий раз, когда очередной человек возвращался после неудачных поисков. Тётя Оля (Старая Звезда) пыталась меня строго наказать — высечь прутом, но мама и старшая сестра не позволили ей. Однако пинков и шлепков от братиков я в тот вечер получила вдоволь. Увидев меня живой и невредимой, да ещё совершенно сухой, они уже забыли, конечно, как в лесу, когда искали, жалели меня и любили — сейчас они были только мокрыми, злыми, голодными и несчастными мальчишками, натерпевшимися во время грозы в лесу таких невероятных страхов, что, по-хорошему, следовало бы их сейчас жалеть, а не эту противную малявку, от которой всегда только одни неприятности.

Рассказывать Алёшке всю правду об этой истории, понятно, мне было неудобно, а придумать что-нибудь на ходу я была сегодня не в силах, потому что все мысли в голове моей были связаны с похоронами. Я спросила Алёшку, слышал ли он что-нибудь об отце, и выразила сожаление, что тот даже не знает о смерти Венеры, но мальчик возразил. Он сказал, что цыгане всегда знают, когда кто-то умирает, потому что они смотрят на небо: ведь там у каждого цыгана есть своя маленькая звёздочка, а когда кто-нибудь умирает, то звёздочка гаснет. Я в этом засомневалась: не может быть так, что только для цыган зажигают на небе звёздочки, а не для всех людей. Алёшка ответил: „Про других не знаю, а про цыган — это точно, цыгане все умеют небо читать, а нецыгане вообще очень редко на небо смотрят. Они всё больше под ноги, на землю глядят, будто потеряли чего“.

Но я с этим тоже не была согласна и заспорила: „Я вот не цыганка, а как раз и смотрю всегда на небо“. На это Алёшка ответил: „А у тебя вообще душа цыганская, и ты сама была на небе...“. И тут, чтобы опять отвлечь его от темы моего путешествия на небо, я поспешила задать очередной вопрос: „Вот ты сказал, что звёзды гаснут, а Венера вон — светит, как миленькая, что ты на это скажешь?“.

После небольшой паузы мальчик вздохнул глубоко и сказал, что Венера — не звезда вовсе, а планета, как Марс и Земля. Я это и так уже от него знала, только разницы не видела. Но мне понравилось думать, что это хорошо даже, что Венера — планета. Может, Венера — Царевна-Лебедь и не умерла вовсе, а просто вернулась в сказку. Мне даже от этого сделалось немножко весело. Или это потому, что мне опять удалось не рассказать этой дурацкой истории с моим приключением в грозу? От такой мысли мне стало стыдно. Хорошо что Алёшка в сумерках не заметил, как я покраснела. Но тут меня озарила новая мысль, да такая, что от мимолётного стыда и следа не осталось! Я вытащила из кармана серёжки, подарок цыганки, и рассказала мальчику про всё, что говорила его мама. Мне казалось, что будет по-честному, если Алёшка заберёт их себе на память, но он отрицательно покачал головой. Тогда у меня возникла ещё одна идея, от которой я чуть ли не подпрыгнула от радости. Серёжкам этим должно быть всё равно, где без дела лежать-то, ведь важно, чтобы они тогда были в комплекте, когда вступит в силу их магическое действие. Я предложила, чтобы каждый из нас взял по одной и сохранил в тайне до того времени, когда мне исполнится тринадцать лет. Сделка состоялась. У нас теперь была общая Тайна, осталось только уточнить несколько деталей, связанных с ней. Я спросила Алёшку, не знает ли он случайно, что такое Истина, на что он ответил, что никто не знает, что это такое, но все её ищут. Мы могли ещё долго разговаривать о том, как можно искать то, чего никто не знает даже, что это такое и с чем его едят, да и зачем его вообще искать, делать что ли больше нечего, но дорога привела нас к хутору. Нам пришлось беседу отложить на потом когда-нибудь, из дома Краузе выходили люди: они расходились по домам с поминок. Папа посадил меня на плечо, и мы тоже отправились домой. Я спрашивала отца, не знает ли он, что будет теперь с мальчиком. Папа предположил, что скорее всего, его определят в какой-нибудь детский дом. На мой вопрос, нельзя ли его взять к нам жить, папа ответил, что дело не в том, что самим есть нечего. Где девять уже есть, одним больше, одним меньше — не имеет значения, только по закону не разрешено. Антон Краузе уже спрашивал у председателя... Хоть бы Ульянов вернулся, ведь он ни в чём не виноват, но они никому не верят. На мои вопросы „Кто — они? И кто придумывает законы?“ — папа сказал, что законы устанавливает Государство, а нам следует их исполнять. — „А ты об этом не думай, не детского ума это дело, лучше маме по дому помогай или сказки свои читай“.

И так всегда. А как тут не думать, когда опять про это Государство, которое у нас всё отбирает: лошадей, еду, свободу, даже живых людей. Да ещё всякие дурацкие законы издаёт. Неужели никто не пробовал этого страшного обжору „Змея Горыныча“ победить?

После этого вопроса отец поставил меня на землю и хорошенько отругал. Он сказал, что если я не перестану задавать такие неприличные вопросы, он запретит мне читать книжки и заставляя меня будет каждый вечер учиться вязать носки и вышивать, как положено всем нормальным девочкам.

Этого мне только не хватало! В тот момент я завидовала глухонемому Ванюшке, у которого никогда в жизни не будет неприятностей из-за глупых вопросов.

Страсти постепенно улеглись, жизнь в селе вернулась в свою привычную колею и покатилась дальше. Цыганёнка на время решили оставить в селе, у Краузе. Этого добился в районе председатель сельсовета. Дело было вовсе не в том, что начальнику было жаль несчастного сироту, просто совхозу совершенно бесплатно достался цыганский конь Принц, который никого, кроме Алёшки, к себе не подпускал. Вот и решил председатель доброе дело сделать (может, зачтётся на том свете!), да и заодно почему председателю не попользоваться таким добром. Не зря ведь говорят: не было бы счастья, да несчастье помогло. Мы все радовались такому обороту дела. Алёшке даже разрешили школу посещать, но он проучился с нами недолго. Алёшка сидел за одной партой с Ваней. В школе он ни с кем не разговаривал, и учительница говорила, что раньше в её классе был один глухонемой, а теперь два. Она их так и не научилась на переменке различать — так они были друг на друга похожи. На уроке другое дело: слева сидел Алёша Ульянов, а Ваня Краузе — справа. Андрей Краузе чуть-чуть отличался от них: он был повыше ростом и разговаривал. Мы всегда ходили вчетвером и нас называли Тинкиной командой, а меня — Атаманшей.

Зимой мы виделись с Алёшей только в школе и по дороге в школу и домой. Приближался конец полугодия, и мы уже мечтали о том, чем будем заниматься на каникулах, и строили всякие планы. Один раз, когда братья Краузе болели, мы с Алёшкой разговорились по дороге домой. Мне не терпелось расспросить его про серёжки, может, он что-нибудь знает. Я в своей серёжке ничего такого не видела: обыкновенный треугольничек из почерневшего серебра с зеленоватым камушком посередине. Правда, застёжка была выполнена в форме змеи, и ещё у основания треугольничка под камушком была выдавлена цифра восемь в лежащем положении. Алёшка не знал, что это всё означает, но предположил, что углы — это он, Андрей и Ваня, а глазок посередине — это я. На мой вопрос, почему я, а не кто другой посередине, — он сказал, что серединку должен занять тот, кто чем-то от других отличается, а так как я одна девчонка, мне там и место. Я возразила, потому что по методу исключения можно с таким же успехом любого из нас четверых посадить в середину. Во-первых, мы с братьями Краузе немцы, а Алёшка — нет, так что его можно в круг. Во-вторых, Ваня отличается от нас троих тем, что он глухонемой, а мы все трое разговариваем, посему можно и Ваню. А в-третьих, Андрюшка может с успехом тоже попасть в середину, потому что он не такой, как мы: не девчонка, не цыган и... разговаривает. После небольшого спора мы с Алёшкой дружно решили, что Тайна серёжек всё-таки наша с ним тайна, поэтому двойняшек, которые об этом и не ведали, посадим в два нижних угла треугольника, а мы с Алёшкой по переменке будем занимать то верхний угол, то середину. Причём тот, кто в верхнем углу, должен держать ухо остро, потому

что ему что-то там нашёптывает змея. Я предположила, что змея может уку- сить, но Алёшка сказал, что эта змея вовсе не кусачая, а она лечит и учит уму- разуму. Потом он вспомнил, что у его матери было ещё и ожерелье со множе- ством точно таких же треугольничков. И что это ожерелье отец прошлым летом обменял на Принца. К ним в табор приехал тогда важный гость на красивом коне. Отец поинтересовался у гостя, сколько такой конь стоить может, на что гость сказал, что коня этого ни за какие деньги не продаст, но когда он увидел на шее хозяйки ожерелье, то сам предложил в обмен на ожерелье коня. Вот так штучки эти змейки-треугольнички!

Конечно, если бы не было так холодно, мы бы ещё немного погуляли в тот день и, может быть, Алёшка рассказал бы мне ещё что-нибудь интересное из его цыганской жизни, но мороз заставил нас разбежаться по домам.

А вскоре, в начале января 1956-го наша дружба оборвалась... Навсегда... Мальчишки в тот день пошли на речку кататься на самодельных коньках, сде- ланных дядей Антоном. Я с ними не пошла, потому что у меня не было коньков, да и меня бы всё равно не отпустили из дому. Я не знаю, как это случилось, но... Алёшка утонул в проруби. Андрей путанно рассказывал, что сперва начал то- нуть Ваня, а Алёшка бросился его вытаскивать и вытащил, а сам потом прова- лился... Труп мальчика выловили внизу, у электростанции, где речка не замерза- ет. Похоронили его рядом с матерью, крест поставили в головах. Дядя Антон поставил им очень красивую оградку... Я смотрела каждый вечер на небо, но звёзды не появлялись. Не то чтобы вдруг все цыгане умерли, просто зимой в Сибири небо хорошенько промерзает, и звёзд не видать. Доживём до весны.

Весна в том году началась очень рано. В марте вышел какой-то закон, по которому мы, немцы, как говорили взрослые, стали наконец свободными. Не совсем свободными, как цыгане, но всё-таки... Мы могли уехать из Сибири куда- нибудь, где тепло; где нет таких злющих комаров и нет комендантов; где на деревьях растут яблоки, груши и другие фрукты, о которых нам рассказывали родители.

Первыми покинули село наша тётя Оля (Старая Звезда) и семья Краузе. После каникул Ваня Краузе школу не посещал, потому что у него было воспали- ние лёгких, он даже не показывался на улице. А Андрей стал очень неразговор- чивым. Наша дружба распалась, но когда они уезжали, я уговорила папу взять меня с собой к ним попрощаться. Отец вызвался отвезти семью друга на стан- цию. Когда все вещи были погружены, дядя Антон вынес на руках Ваню и поса- дил на подводу. Мальчик улыбнулся мне, и мне даже показалось, что это Алёш- ка, но я побоялась об этом думать. Я взяла мальчика за руку и сказала ему, что мне очень жаль, что они уезжают, и что, может быть, мы скоро тоже приедем туда же, и что Ваня очень хороший друг, и что это даже хорошо, что он не разго- варивает: значит, ему можно доверять самые страшные тайны, и он никогда никого не выдаст, как настоящий герой. И я поведала глухонемому мальчику про мою Тайну и показала серёжку. И сказала, что он и его брат — вот эти нижние углы, а я — верхний, а посередине камушек бирюзовый — это наш друг Алёшка- цыган, царство ему небесное (так взрослые на похоронах говорили). Ваня по- смотрел по сторонам, чтобы никто не видел, и чуть-чуть отвернул манжет на рукаве курточки. Там была пристёгнута точно такая же серьга... У меня сильно- сильно застучало сердце, закружилась голова, и я чуть было не упала, но... во- время ухватилась за борт подводы. А тут уже и подросли остальные отъезжаю- щие, которые по традиции, перед дорожкой, молча присели на минутку в доме.

Всё. Я помахала им вслед и медленно пошла домой. В голове моей путались мысли... Я смотрела на небо и улыбалась. С высоты мне подмигнула знакомая звёздочка — планета Венера.

Продолжение в следующем номере.

Вера ВАСИЛЕНКО

*“Там, на семи ветрах,
любви воздвигнут храм...”*

Выстудить горлом тоску, обнажить горячку
Битой посудой, раскаяньем на ходу.
Выжить из синих глаз, как из зимней спячки,
В сад уцелевших звёзд по свою беду.

В сад отлетевших лет, исцеливших плесень
Прошлых обид. Найти повод взаимной тяги.
Выйти смиренно на плач ритуальных песен,
Прыгнуть в костёр или через на зов отваги,
Ждущей минуты, когда в скорлупе мир тесен.

Выстрадать, сбиться, не сбывшись, напиться с горя...
Город меняет адрес... Зияют раны...
Гибнет поэт с изнанки фантазий рваных.
Свято место не... Далее... Встанут горы.

Встанут горы. Отнимут. Горы в законе.
Грозным богам воздаются жертвы на троне
Пустынь и гор. Остаётся на фото жёлтом
Родное лицо и пытка — в мои ладони —
Чёрные кудри сына струятся шёлком...

Всех простить. Не ждать никакой беды.
Обнищают войны, и станет глуше
Мотор Земли стучать под солёной сушей,
Возвещая Время Святой Воды.

Заскрипит древняя колесница.
Затрубят трубы на небесах.
От любви плохо всего лишь спится.
Как мираж манит, бежит, искрится
И живёт эхом в чужих лесах.

Для чего в судорогах весенних
Бьются травы, просится в мир листва?
Отравиться светом мечтают тени
Для чего, теньями став едва?

Не испить этой пьянящей неги,
Не воспеть, сияясь до хрипоты,
На разбитой, старой, больной телеге
Двойником вернувшись из-за черты.

Обнажённый голос, на все лады
Помяни имя Святой Воды...

Лёд на реке сойдёт. Расцветёт отрава
Мёдом из нежных губ, жимолостью в руках.
Мы никогда в любви не бываем правы,
Зрея в апофеоз не из своих рубях.

Время диктует вспять, обращает взоры
В будущий век, ещё не начав пути.
Маятник за стеной, за спиной укоры.
Взгляду не запретить за горизонт расти.

Солнце своё руно золотое вяжет
Так неустанно, что обесценен труд
Солнечный. Кто воскрес, непременно скажет:
«Строчки стихов всегда безнадёжно лгут».

Утру в который раз поклонюсь до срока,
Маковкам всех церквей, всем цветам Земли.
На голове роса, на душе осока.
Время меняет кровь на акварель Дали.

Всё так же ищет след к тебе душа моя,
Назавтра взыщет Свет с её стопы, но я
У колыбели лет, не возвратясь в себя,
Всё не могу понять, как не любить тебя.

За маки алых губ в полях ничьей вины
Благодарю тебя от всех имён весны.
От всех дорог даров не обрести в горсти,
И ты поёшь во мне, но мне одной нести

Мятежный взгляд извне на каждый шорох дня,
Мятежный вздох во мне. Он не простит меня.
Он не поймёт меня, Он обнажит свой меч.
Не превозмочь огня, так неужели с плеч?

Так неужели вздор, так неужель тщета?
И ты не тот во мне, и я в тебе не та?
От страха млеет страх лицом к семи ветрам.
Там, на семи ветрах, любви воздвигнут храм...

Небритый мужчина уходит, оставив сердце
 В прихожей, за зеркалом. Музыка не спасает.
 Весенние лужи скользят по закрытым дверцам
 Машин и под солнцем медленно исчезают.

И я исчезаю вдогонку за ним, не глядя
 В салоны бегущих мимо... Степная Пресня.
 Стучат каблучки по асфальту, как было надо
 Лет двадцать тому, и сегодня всё та же песня.

Сучат проститутки... Гигикает дискотека.
 В безумном угаре живой не находит места.
 Туманной субстанцией длюсь из прошлого века,
 Пытаясь понять, из какого я всё же теста?

Минуя грехи, заблудиться мечтою в тапочки.
 Уйти в монастырь или мир обналичить взглядом.
 Спасаясь по улицам, встретиться с этим гадом,
 И сердце вернуть ему красное в белой тряпочке.

Какая тишина меж нами! Тишь...
 Со стороны ли на себя глядишь,
 Иль на четыре стороны дудишь
 Простое колдовство — мантрическое «Ом».
 Спасаясь от любви, я обретаю дом.

(Мой тихий дом... Тишайший из домов...
 Когда мы выйдем из своих умов
 И поплывём за окоём предела,
 Нам до тебя совсем не будет дела...

Мы предаём и преданы заранее).
 Покойно мне в домашней тишине,
 Когда ни звука не звучит во мне,
 И равно миру ровное дыхание.

Но странник-ветер затевает тяжбы.
 Шумит за окнами, шаман и мим,
 И он клянётся именем твоим:
 «Любовь и Бог к нам не приходят дважды».

Но всякий путь разлуками пылит.
 И в ожидании магического слога
 Янтарный солнца колокол разлит
 От моего до твоего порога...

В холодном городе взлелеянной мечте
 Не унаследовать случайной благодати.
 И не ко времени бывают и нектати
 Её посылы обнажённой нищете.

Нищие духом не помнят страниц
 Неизданных книг невиданных птиц.
 В полчищах прохожих мирская блажь,
 Суета в карманах да верный стаж

Трудовой. Но вскормленным молоком
 Проступает радость, как снежный ком —
 Детская наивность, и жизнь легка,
 Если не осыпаться с потолка

Самим собой. Растраченным эмигрантом
 Не стать бы, Господи. В затянутой бантом
 Розовой мечте не упасть бы в веру,
 Принимая промахи за потери...

Там, где нет ещё нас — одиночества глас...
 Одиночеству никто никогда не подаст...

Вчерашние зимы приносят благие вести
 На подиум века, бегущего впереди
 Себя. Остаётся стоять на месте,
 Чтоб длиться и длиться в принцип «не навреди».
 Собрать себя, чтоб разбиться о слухи странствий,
 Добиться того, который не для тебя.
 Добить себя невозможным разъять пространство,
 Объять его в состоянии «не любя»...

Изъять себя из последних своих сомнений.
 Израненный дух разглядить да пожалеть.
 Из жалости выслушать битву бесполох мнений.
 Без битвы бежать любви, как переболеть.

 Не выйдет. А вот и он, этот запах дыма...
 Который зовёт не вдаль, но куда-нибудь...
 Безжалостно не держать, отпустить любимых —
 Завещанный способ выжить, как присягнуть.

А вот и зараза-жизнь из травы рассветом
 Встаёт. Как мы мелко молчим при этом...
 В руках её плеть, тавро и какой-то пряник...
 Шагнёт навстречу, стряхнув дымящие грани...
 «Привет. Дым идёт, а пожарных нет.
 И я пришла тебя спасти...».

г. Рудный

Костанайской области.

Светлана НАЗАРОВА

Њр ђї ђèçû òâî ђèé

Рассказ

Они сидели на веранде Валериной дачи в Подсолнечном, пятеро бывших однокурсников. Валера Хасанов, симпатичный парень с чертами лица славянки-мамы и абхаза-папы, был прежде преуспевающим студентом их общей альма-матер – института физики. Его дипломная работа вытянула на кандидатскую диссертацию. Однако ему не завидовали, а признавали его особую одарённость и полную заикленность в физике. Никому из его друзей – ни Прохору Семёнову, светловолосому голубоглазому рязанцу, ни свердловчанину Мише Соловьёву (чьи родители к концу учёбы сына обменяли свою роскошную четырёхкомнатную квартиру в Свердловске на «двушку» в Москве), ни архангелогородке Насте Миловидовой, редкой красавице с синими глазами и почти чёрными природными волосами, ни хрупкой весёлой татарочке из Казани Рашиде Галеевой не приходило и в голову завидовать Валерке: в нём всё, всё очень правильно сложилось и гармонизировалось. Валерка в своём научно-карьерном продвижении не только не пользовался покровительством влиятельного в научных кругах отца, а не имел общения с ним на эту тему, так как сам был «повёрнутым» на науке. И был доверчивым и капризным. Как ребёнок.

Они все были дружны с первого курса.

Очень трудно объяснить не россиянину и тем более не коренному россиянину – «азиатскому» или «кавказскому», – чем так очаровательны в России вечера вдали от её городов, от железных дорог, от больших светящихся рекламой магазинов и идущих по тротуарам огромных городов с сосредоточенными на своих думах лицами людей. Как трудно объяснить россиянину, живущему в Канаде ли, Испании, Америке или во Франции тамошним коренным и приезжим из других стран жителям, почему он, россиянин, тоскует по родине, достигнув многих материальных благ вне её, почему, хотя в чужой стране вроде так же и «небо синее, так похоже на Россию, только всё же не Россия»... И вообще пытаться объяснить, так ли очевидны преимущества жизни, наполненной бытовой техникой, большими удобствами и сервисом в больших городах по сравнению с иной жизнью – более трудной и простой? Эх, люди-люди, что имели – не хранили, а потерявши – будем, будем плакать...

Вечера эти полнят душу космической благодатью... И так всех вдруг становится жалко по-русски. По-человечьи... И все в этот момент, живущие на Земле, ощущаются как родня... И они, и сам ты – маленький и глупый, хороший и заблудший в мелких стремлениях... Становится ясной сопричастность лично твоя, маленького единичного создания божьего, красоте окружающего леса, медленно текущей рядом речке, доносящейся перекличке хозяек, встречающих из стада своих бурёнушек, внезапному тихому хрусту срывающегося с дерева сухого сучка или движению птицы, устроившейся на ночлег в тёмной кроне сосны, ели или клёна. И всему,

всему созданному Великим Художником, Романтиком и Гением Земли... И слёзы изумлённой благодарности за дарованную красоту... И за это кратковременное, мгновенное понимание твоего человеческого назначения – сдружить, объединить, повернуть всех лицом друг к другу, почувствовать друг друга... И запахи трав, и дачных цветов становятся ярче, напоминают о себе тонкими струйками ароматов, текущих ненавязчиво, исподволь, смешанных с дыханием и ароматом же вечерней земли... В сумерках ветки обретают формы причудливых животных или былинных героев – и Соловья-разбойника, и Ильяши-Муромца, и Никиты Кожемяки... И Макоша, дарящая долгожданных детей бездетным добрым парам, тоже тут, стесняясь, стоит. Она-то откуда? А откуда же, откуда Масленица, откуда Иван Купала... А пахучее сено, скошенное на зиму домашнему скоту? Во многих деревнях этот домашний сеновал называли «кумчики» – видно, не одна кума там под кумом побывала...

И вот приплывают тихие воспоминания о древней твоей истории, о её начале, сохранённом вот в этих кистях летней несозревшей рябины, в трогательных ветвях нежно склонённых белоствольных красавиц-берёз, воспетых бессчётно раз за многие тысячелетия русскими художниками, певцами и поэтами... Очарование и щемящее родство – в грибном аромате игольчатого бора, в опавшей пожелтевшей хвое под соснами и елями, в пьянящем запахе белых, розовых и почти сиреневых цветков степных колокольчиков, в цветках дачной «барыни», и вправду напоминающих помпезные оборчатые наряды старорусских барынь, и в эротичных ягодах малины, тёмных и поросших едва видимыми нежными волосками, сходных с нежными сосками на груди любимой девушки... Они в клокочущем, давно не чищенном медном тульском самоваре на полтора ведра, накрытом гудящей трубой с одним швом. Он гудит, этот царь русского стола – самовар, как шмель, гудит рядом, а не жалит, не раздражает – лишь добавляет особого уюта... А воду для него ты достаёшь из колодезного сруба, Бог знает кем и когда сработанного, но вода – кристально чистая, а сруб – поросший коричнево-зелёным мхом. И даже как бы кора там, в этом мхе, образоваться успела... А кружево деревянных наличников на окнах, а птушок-флюгер на крыше, а роспись на ставнях разноцветная, несущая смутную мечту о красоте и сказочной жизни за семью морями... Бывает, покосившийся немного забор не вяжется с изумительным паркетом в самом старом доме, где каждая досточка выложена простым мастером, зачастую пьяницей, хорошо понимавшим однако душу и уживчивость одной породы дерева с другой, и потому именно рукодельный паркет может жить более 150 лет... А деревенские печники, эти чудо-мастера, умевшие выкладывать печи так, что и не дымили они, и грели, как оглашенные, избу, которая не выстывала до утра в самые лютые морозы... Именно в таком месте Подмосковья, где ещё сохранились и деревенские избы с их исконными жителями и откуда топать до платформы пригородной электрички километров 7, и была Валерина (вернее, его родителей) дача.

– Мальчики, ну хватит о работе, о науке! – капризно встряла Рашида. – Сколько можно! Отвлекитесь! Такая красота вокруг! А вы забыли о нас. Не отдых, а коллоквиум какой-то.

– Ах, Раша, прости, увлеклись... – облизал губы после принятия нескольких глотков коньячку Валера. («Раша» – так звали они с первого курса верную подругу Рашиду, с тех пор как её парень, а теперь давно уже муж Андрей Соколов, будучи студентом истфака МГУ, как-то начал интереснейшую лекцию-рассуждение о роли в истории России неистовых русских вольнолюбцев, а Рашида встряла с присущей ей страстностью: «Да мы, татары, второй по численности народ в России! Мы всегда сражались вместе с русскими за свободу!». С тех пор и приклеилось к ней «наша Раша», «наша Рашка». А она не обижалась, чувствуя в этом прозвище правду).

– Ну хоть приведи что-нибудь из жизни, Валерка, когда теория относительности проявилась вот так вот запросто в судьбе конкретного человека, – встряла и Настя, тоже обиженная невниманием.

– Привести? Ну что ж, пожалуй, и это можно, – согласился Валера. Он обмакнул зелёную стрелку лука в соль – не любил маринованный лук к шашлычку, а только зелёный, с грядки. Вкусно захрустел, пальцами взял с голубой фарфоровой тарелочки кусочек поджаренного на мангале мяса. – Ладно, расскажу...

Знаешь, давно дело было. Ехал я как-то по делам на метро. Выходить мне надо было на станции «Лермонтовская» – если кто помнит, так называлась раньше, в советское время, станция «Красные ворота» на Садовом. Ну, был я юнец, сидел в вагоне, читал – чтобы не уступать места старшим и беременным – дурак был, одним словом.

– А то ты сейчас по-другому поступаешь, – ехидно заметил Прохор.

– Сейчас – да, по-другому, – невозмутимо ответил Валера, и все поняли, что так оно и есть. – Ну вот, сижу себе. Вдруг чувствую цепкий взгляд. Поднимаю глаза – а это Пётр Анисимович, профессор, папин друг. Ну, я вскочил, место уступаю. Только встал – а тут рядом место освободилось. И я сидеть остался, и Пётр Анисимович рядом устроился. Сидим. Разговариваем. Он в воспоминания ударился: каким маленьким меня помнит, как в общежитиях жался с женою своей. Как добился потом чего-то в своей непростой жизни (а он из провинциалов, но умница, какие нечасто встречаются, и науке предан, как пёс хозяину). Вот, говорит, радость-то какая: ордер на квартиру наконец-то получил, а ждал этого дня 20 лет! В «полупорке» хрущёвской последнее время с женой и двумя детьми он жил с родителями много лет. Всякое прошёл, по съёмным квартирам мыкался, в общагах тараканов терпел, на общих кухнях жареную картошку вместе со сковородкой у них с женой, молодой необеспеченной аспирантской семьи, не раз умыкали – как положено в общагах... Подрабатывал, конечно, пока учился и рано женился, – и на вокзалах, и в магазинах грузчиком, и дворником быть приходилось, и санитаром в больницах... В общем, свою суровую школу жизни мужик одолел. Радостный такой, ехал к какому-то чиновнику довести последнюю справку на получение квартиры. И вот выходим мы (а дело было перед 1 Мая, Международным днём солидарности всех трудящихся) из метро, а из динамиков, что были на круглом полукуполе – входе-выходе из метро, – к-а-а-к врубят маршевую музыку! И голуби, там сидевшие, одуревшие с перепугу, взлетели. И один врезался в лоб Петру Анисимовичу! Мне показалось вначале, будто камень кто-то бросил,

какой-то дурак. Я не сразу понял, что произошло: вот только что смеялся рядом со мной человек, и вот он лежит уже на тротуаре, а рядом – мёртвый голубь, и дорожка кровавой тягучей слюны изо рта Петра Анисимовича и из клюва этого злополучного городского голубя... И Пётр Анисимович не дышит... Я остолбенел сначала. Ну, побежал к телефону-автомату, вызвал «скорую» – всё как во сне, народ столпился вокруг неподвижного Петра Анисимовича... У него сердце остановилось, представляете... Меня тогда вызывали как свидетеля его нелепой смерти, таскали по всяким конторам... Я заикался после этого ужасного случая месяца три, пожалуй. Но потом прошло...

Друзья молчали.

– Ну и при чём здесь теория относительности? – сдавленным голосом спросила наконец Раша.

– М-м-м... – Валера откашлялся. – Видишь ли, человек был счастлив в том времени, когда жил надеждой на счастье в отдельной квартире, отгораживая в своём убогом пространстве в общежитии супружескую кровать задрипанной ширмой от глаз входящих в их жалкую комнатёнку. И не вписался в иное время и пространство. Которое относительно лично него строило другие планы. И Пётр Анисимович в них не входил...

– Да уж, – сказал Прохор. – Ну тебя-то ясно почему голубь не прикончил: ты у нас будущее светило науки. Но голубь? Символ мира... Вот гад!

– Да, – вздохнул Валера, – этот голубь и этот случай – один на десятки миллионов. Сечёшь? И погубил он человека на пороге его долгожданного счастья. Внезапно. Понимаешь, какой-то дерьмовый ожиревший московский голубь. То есть всё относительно – и жизнь, и слёзы, и жильё...

– Тоже мне, нашёл что рассказать, – плачущим голосом сказала Настя. – В кои веки собрались вместе отдохнуть как следует, а ты...

Валера недовольно покрутил головой:

– Сами же просили про конкретного человека.

– А что, более счастливой истории не бывает? – Рашку прямо-таки знобило.

– Бывает, – сказал молчальник Миша. – Вот со мной была.

– Ну так налей нам всем и расскажи, – попросил Валера.

– Да, правда, Миш, а то Валерка тоску нагнал, – поддержала Настя.

Девчонки выпили кисленькое сухое «Алиготе», с удовольствием закусили конфетками «Белочка», мальчики – коньячок и заели шашлычком и сочными огурчиками-помидорчиками.

– Это были мои первые фирменные джинсы «Леви страус». Чисто американские, не сносимые, обтягивающие прямо как кожа селёдку. Мама моя принесла их в день рождения, мне тогда исполнилось 22 года. Я такого подарка не ожидал, конечно, – откуда у скромной семьи инженеров такие деньги и связи? – усмехнулся Миша. – Ведь ничего ж подобного в магазинах не было, только у фарцовщиков втридорога. А мама пошла в ГУМ, хотела присмотреть там подарок для меня. И вот тётка какая-то на лестничном пролёте между этажами заговорщицки к ней подходит и, озираясь,

показывает из своей сумки эти джинсы – мечту любого парня тех лет. У мамы глаза стали как блюдца – вот это да, думает, подарок так подарок! Пошли они с этой тёткой в туалет (все фарцы так делали, чтоб милиция не засекла), та ей джинсы развернула, показала (мама уже была наслышана про мошенниц, которые, показывая из сумки вещь, продавали потом доверчивым клушам рукав от кофточки или одну штанину от джинсов по цене как за целую вещь). Ну и выложила этой тётке 400 рэ – две своих месячных зарплаты: она ещё и деньги на сапоги зимние себе долго копила, захаживала в ЦУМ и ГУМ в конце месяца, когда там «выбрасывали» для выполнения плана импортные вещи в продажу.

Приходит домой возбуждённая, глаза блестят, сразу ко мне: «Мишка, меряй давай!». Я эти джинсы лёжа натягивал, отец с матерью насмотреться не могли – ну как влитые сидят! Чуть ли не больше меня радовались. Охи, ахи, мамин рассказ, как она добывала эту дефицитную одежду, сестрénка скачет, в ладоши хлопает – за меня счастлива. Ужинать уже собрались было, торт «Сказка» в холодильнике к чаю куплен... Вдруг звонок в дверь. Мама уже в домашний халатик переоделась, сестрénка на стол накрывает, отец на балкон покурить вышел. Я и мама почти одновременно к двери подошли. Открываем. Стоят строгого вида женщина в очках, с кожаным портфелем, в сером строгом костюме, и мужчина рядом – такой жгучий брюнет, усатый, смуглый, крупноносый, полноватый. Мама: «Вам кого?» – и на меня недоуменно оглядывается. – «А вот и штаны», – протяжно говорит женщина, кивая на мои новые джинсы, к которым я только начал привыкать за какие-то 30-40 минут, что они на мне надеты.

– Вы купили эти штаны час назад в ГУМе у спекулянтки, – обвиняющим тоном говорит строгая женщина, наставив на маму острый указательный палец.

– Ну да, было такое, – растерянно отвечает мама. – А что случилось?

– А то случилось, – отвечает строгая женщина, – что вышел указ о борьбе со спекуляцией. А вы, покупая у спекулянтов, являетесь их пособницей. Мы проследили за вами от магазина до вашего дома.

– Ну а где ж я бы их купила, как не у спекулянтки? – возмутилась мама. – Ведь в магазинах их не бывает, разве что в «Берёзке» на валюту, а мы зарплату в рублях получаем.

– Сейчас акт будем составлять, а вы всё подробно напишете, как и у кого вы их купили. И нам придётся их изъять.

И хочет тётка проходить уже в квартиру. А тут отец с балкона вышел в коридор на шум голосов. Мама ему быстренько изложила суть визита незнакомцев, а отец взял так крепенько тётку за локоть и говорит: «А почему ж вы за моей женой проследили, а не за спекулянткой той? – И мне: – Звони, Миша, в милицию, мутные это люди, что-то нечисто тут».

Женщина эта дёргается, мужичок её тянет к выходу из квартиры. А отец держит. Тётка трепыхается, портфелем отца попыталась ударить, очки слетели с неё. Сестрénка вопит, я телефон уронил с журнального столика. Прибежал в прихожую. Мужичок этот странный что-то женщине не порусски говорит – видно, что ругается, и тянет её к себе. Тут рукав на тёткином пиджаке затрещал по швам, она верещит, извернулась – и брызнули

они из квартиры по лестнице. Милиция минут через 20 приехала, расспросы, протокол, то-сё. В общем, день рождения запомнился...

– А дальше? – почти одновременно спросили Валера и девочки, и сами рассмеялись от синхронного вопроса.

– Сели за стол, ужинали, чай с тортом пили, – улыбаясь, отвечивал Миша.

– А теория относительности причём? – дружно спросила вся компания, и все опять расхохотались.

– Да она всегда при чём-то.

Солнце готовилось к закату. Провожая его, активнее запели птицы. Вкусно пахло почти прогоревшими ветками из мангала, свежей травой, хвоей, дымком из самоварной трубы. Стрекотали сверчки, спешили по траве озабоченные своими делами муравьи.

– Гей, славяне, – раздалось у калитки. – Вы никого не ждёте, бездельники? – радостный Андрей Соколов держал в одной руке рюкзак, в другой – торт «Сказка». Из плохо застёгнутого рюкзака торчало дуло синей джинсовой штанины, в которую был вставлен собранный им в поле по пути от электрички букетик разноцветных колокольчиков. – По теории вероятностей, я должен был добраться к вам на два часа позже.

Дружный хохот был ему ответом.

– Давай заходи, теоретик, – счастливо улыбалась Рашида.

Òàëî é «Èàì à-ñóòðà»

Рассказ

Моим соотечественникам-казахстанцам – жертвам испытаний на Семипалатинском полигоне посвящается

В общем-то он, когда хотел, тогда и выходил на улицу. Что хотел, то и делал. Правая ножка у него была согнута в колене и поднята стопой почти параллельно к пупку – навечно. Но левой, на которой было шесть одинаковых по росту пальчиков, обходился он вполне резво. Костылём ему служила небольшая детская коляска (летний её вариант), которую он всегда толкал перед собой худенькими, но довольно сильными ручонками, набирая скорость вместе с ней. Это было лучше, чем простой костыль. Ручка коляски была обложена ватой и поверх неё обмотана мягкой тканью, чтобы на ладошках ребёнка не образовывались мозоли. Ротик его был постоянно мокр, чёрные смарагдовые глаза полуприкрыты веками. Собаки местных жителей подбегали к нему, припадая на передние лапы и кивая головами – приветствовали. Кошки, лениво щурясь, плавно меняли позу, слабой походкой огибали его, признавая в нём некое иное существо. Он чувствовал их всех и не реагировал никак – зачем? Все они – родня, с которой он видится каждый день. Он любил подбегать к людям, идущим с покупками из местного магазинчика-лавки, останавливаться возле и, никогда ничего не прося, изображать шум мотора: то ли двигателя автомобиля, то ли какого-то агрегата. Ему охотно давали сладости, а кто победнее – лепёшку.

Иные просто гладили мальчика по жёсткому ёжику чёрных волос на бутристой голове, росших неравномерно, местами оставлявших опустыненные островки на коже. Если у него были силы и не болела голова, он бежал в лог, где паслись козы и овцы и сидел подросток-пастушок, играющий на домбре от скуки. Солнце палило даже утром нещадно. Пастушок поворачивал голову на шуршание колёс и звук учащённого дыхания мальчика, толкающего коляску, и доставал из матерчатой котомки бутылку козьего молока, обложенную газетами. Мальчик, проводя детской растопыренной ладошкой по обнажённым зубам, выказывал этим жестом благорасположение к пастушку, к тёплому утру, к бутылке козьего молока, которое тут же выпивал, обливая себе грудь.

Закат всегда освещал её то кровавым цветом мака, то розовым цветом дикой мальвы, чуть тающим в облачках на горизонте. А утро приходило нежно-оранжевым свечением или яростно-золотым. И на закате, и на восходе – она, Степь, провожала и встречала. Никогда она не была мёртвой. Скупой, сдержанной – да. Лишь по весне дерзкие растения, низкорослые и жёсткие, выпускали на свет свою радость – цветы и мелкие цветочки. Все они расцветивали степь недолго – так недолги праздники в живой жизни природы и людей. Но праздники проходят, и Степь становилась будничной, серой, где добыть глоток воды или пропитание для всех её обитателей становилось делом выживания. Испокон водились здесь волки, лисы и дикие стада быстроногой сайги. Всё в Степи было сбалансировано великим Создателем, всё гармонично уживалось и по высшим законам регулировало свою популяцию. Испалённая солнцем, однородно серая для неискущённого или равнодушного взгляда Степь таила ещё много скрытых жизней: стрекочущих, ползающих, взлетающих, прыгающих, копошащихся в её изгибах, трещинках, морщинках, образованных засухой. Тушканчик, суслик, змейка, черепашка, кузнечик, неприхотливый мотылёк, озабоченные жучки, балеринка ящерица, ночная бабочка, птичка, вьющая бесстрашно гнездо в её впадинках, заросших жёсткой травой, – вот её жизнь, её обитатели, её стражи и хранители. Эти малоприметные жизни давали жизнь Песне – бескрайней, призывной, грустной и обращённой к надежде. Песнь издревле рождали кочевники, а позже их потомки – чабаны, пасшие стада на степных просторах, месяцами не видевшие людей и не слышавшие человеческой речи. Песнь была способом передачи мучивших их открытий о космосе и людях, о важности животных в их жизни и важности свободы. «Мёртвая зона» – это название большого участка Степи пришло тогда, когда страшные силы стали сотрясать её изнутри и снаружи. Силы, не предусмотренные природой. Эти силы принесло гордящееся своими достижениями человечество. Гордящееся вопреки заповедям господним, вопреки должной сыновней благодарности природе, которая терпела и возвеличивала его.

Домой он возвращался под вечер: мать знала, что мальчика никто не обидит, накормят, а если ребёнку станет вдруг плохо – принесут к ней. Но это – если хорошо себя чувствовал. Если сил не было, он лежал весь день на своей небольшой железной кровати, подрагивая всем телом и произнося один звук: «З-з-з-з-з...». Мать тогда разминала ему ножки, нащёптывала ласковые слова, толкла в глиняной пиале свежее яйцо от домашней курицы, подсыпав туда чуток соли, давала лекарство, назначенное врачами, которое он безропотно проглатывал. В крайних случаях делала ему уколы – всему научилась, что поделаешь. И видя, что он не активен, не собирается вставать, мать освобождала себя от домашних забот на короткое время, когда он особенно нуждался в ней. Так поступала она многие годы... Отца у мальчика не было. Когда после троих дочерей, ставших теперь красивыми, подвижными и певучими девочками, должен был родиться сын, отец как с ума сошёл: всем рассказывал, что чудесный медицинский аппарат, который есть в городе Семипалатинске, наколдовал ему сына, долгожданного сына! И это – праздник его жизни! И отец щедро угощал друзей и тех, кто умело подделывался под них, и сам разделял с ними застолье.

Отец работал по вахтовому методу, летал на свои смены в нефтеносный район из Семипалатинска на Мангышлак: там хорошо платили. Мальчика, когда он родился, назвали Камалом – давно загаданным именем, а сёстры сразу заочно звали его ласково «Кама». Возле окон районного роддома собрались все близкие и родные. Марат кричал снизу (палата жены была на 3-ем этаже): «Покажи, покажи сына!». Майраш смущённо улыбалась – слабенькая ещё после родов, скулы обозначились чётче, худенькая, но груди, полные молока, были круглыми и большими на этом хрупком теле. Они готовы были дать жизненную прану и силу сыну, столь долгожданному для Марата. «Не приносят пока сына, – тихо оправдывалась счастливая Майраш. – Говорят – и я, и он ещё слабые».

Через 3 дня пришла в палату детский врач роддома и сказала Майраш: «Мне трудно сказать вам это, но никуда не денешься. Ваш сын родился инвалидом».

Марата известие ударило как бомба. Он не верил, он думал – ошибка: «Это кто-то где-то у кого-то на нашей Земле родился больным. А его перепутали с моим сыном. А у меня сын – самый лучший, у него черты дедов и прадедов, и любимой Майраш, и мои...». Врач долго разговаривала с Маратом, объясняла, что от ребёнка-инвалида можно отказаться, что Марат с женой ещё молодые люди и нарожают себе других, здоровых сыновей. Почерневшая, подурневшая лицом Майраш и слышать не хотела о том, чтобы оставить ребёнка. Марат ждал именно её решения и втайне желал, чтобы она послушалась врача. Но Майраш сурово сказала: «Такого нам дал его Аллах. Разве он перестал быть нашим сыном, родившись больным?».

Марат сильно запил, уходил из дому утром и возвращался вечером, грубо кричал на Майраш, расшвыривал свою одежду, заваливаясь спать. К люльке сына он ни разу не подошёл. Старался не смотреть в глаза дочкам, которые испуганно жались в углу. А через 3 месяца ушёл из семьи. Оставил жену с четырьмя детьми. Люди говорили, уехал в Семипалатинск

и там, красивый, здоровый, броский, жил с разными женщинами. Но ни на ком не женился. Майраш, казалось, была к этому готова и совсем его не винила. Только вспоминала по ночам его жадные руки, горячий шёпот. А потом, в той постоянно сनिвшейся жизни с ним, когда в снах, как и раньше наяву, ночная близость оканчивалась, Марат вставал, пил воду, выкуривал одну сигарету и возвращался к жене – утихший, умиротворённый, полуспящий, и крепко, блаженствуя, засыпал, положив свою черноволосую буйную голову на её худенькое смуглое плечо...

Односельчане по-разному отнеслись к решению Майраш оставить сына в семье. Кто-то говорил – настоящая мать, такое тяжёлое бремя чужой не вынесет, пропадёт ребёнок в сиротском доме – больной, неприспособленный к жизни. Кто-то осуждал – всё равно, мол, мальчонка никогда не выздоровеет, надо было отказаться – вон и мужик ушёл из-за этого, и дочек осиротила... Намыкается, натерпится – а зачем?

Приезжали к ней врачи и разные учёные люди. Возили Камала на обследование, делали разные анализы, рентген, назначали лекарства. Но постепенно всё само собой утихло, назначили Майраш пенсию по уходу за ребёнком-инвалидом да родственники помогали, чем могли. Так и стала жить с тремя дочками и маленьким Камой, который требовал особенной заботы. Однажды, когда от горьких дум не спалось, нашла оставшуюся пачку сигарет Марата и от жуткой тоски вышла ночью на улицу – тихо, на цыпочках, чтобы дочек не разбудить (Камал-то спал крепко) – и попробовала закурить. Было противно и горько, а потом лёгкое головокружение и как бы опьянение понравились. С той ночи Майраш начала курить – сначала тайком, чтобы не видели девочки, а потом открыто.

Мальчик любил кошку. Она ласкалась к нему, ложилась на его больную правую коленочку именно тогда, когда там, внутри, будто злые волки грызли кость. Она возилась вокруг его головы, когда ему словно в бреду виделось низкое нависшее небо, золотые лучи от восходящей к небу стрелы, большой клуб серо-фиолетового облака, которое вздымалось, как головка цветной капусты, от летящей этой стрелы над землёй, не уходя ввысь и не опускаясь на землю. Мальчик не знал, снится ему это или было когда-то в самом деле. Он был маленький, больной и не умел рассказать всем, что это с ним происходит или происходило. Он думал, что взрослые уж точно знают об этом всё, и нет нужды объясняться с ними. Тем более что словесное объяснение давалось ему очень трудно.

Кошка, которая спала с мальчиком всегда и которую его мама и сёстры не любили и шпыняли, была диковатая, хотя и очень симпатичная. Она обожала именно мальчика. Не хотела подчиняться ничьим командам, презирала всех за неумение сосредоточиваться только на мальчике. Ей всё пришлось терпеть из-за мальчика: он шарил рукою вокруг себя, если кошки не было, и его молящие глаза призывали не маму и не сестёр –

они молили, чтобы ему привели кошку; он садил её в свою колясочку и катал с ликованием, пока она, избыв своё терпение от ненаврядящейся ей езды, не выпрыгивала и не убегала стремглав, подняв свой пушистый хвост как белый флаг – всё, мол, сдаюсь, больше кататься не хочу.

Кошка родила троих котят. Приползла к мальчику, чтобы он помог: ему она доверяла. Два котёнка, как ни в чём не бывало, вылезли на свет божий. А третьему жизнь давалась нелегко. Наконец, он появился на глазах у маленького мальчика. Кошка-мать, совершенное создание природы, стала отгрызать у котёнка лапку с намерением вообще всего его съесть: он родился с тремя лапками, с одним ушком и выпуклостью на том месте, где должен быть правый глаз. Взрослых дома не было. Мальчик один наблюдал весь природный процесс деторождения. Мальчик страшно закричал и замахнулся на слабую кошку. Она оставила своё ужасное занятие. Мальчик заплакал, погладил кошку и стал, как обычно, пускать слюни через полуоткрытый ротик.

Мальчику было 5 годиков, когда в аул нагрязнул его родной отец с друзьями. Они приехали на хорошей машине, были одеты в джинсу (которую и купить-то тогда почти невозможно было).

«Э-э-э, Майраш, – глумился тогда в доску пьяный красивый казах в фирменных американских джинсах и коричневой кожаной модной курточке. – Ты от кого родила мне моего сына-урода? Признавайся! Мой род – достойный, у нас никогда не было уродов!». Он оглядывался на свою компанию, ища поддержки своей бессердечной пьяной наглости, настоящей на его беде.

Майраш вышла и сказала: «Ни в чём ты не виноват. И я не виновата перед тобой. Я ни с кем не мечтала о детях до тебя, никого не обнимала до тебя. Я любила тебя, а ты любил меня. Наш мальчик – жертва, чёрная судьба. Если ты понимаешь, что такое жертва, то приди и обними его по закону отцовского сострадания и любви».

А Марат грубо и громко засмеялся, и слёзы бежали по его смуглому лицу, и он скрипел зубами, чтобы остановить слёзы, и сказал: «Покажи мне жертву!». И Майраш привела к нему сына Камала, которого он так хотел и ждал. И растопырила руки вокруг сына, чтобы защитить его от несправедливых насмешек и пьяных упрёков и оградить от нелюбви любимого... И друзья отца молчали, потупив глаза, а сам отец снова засмеялся, и смех его напоминал крик, и сказал: «Это – Камал? Это – Кама-сутра! У него все дела предназначены для Кама-сутры!». Так говорил обезумевший от горя и пьянки отец маленького Камала. И тогда Майраш спросила: «А что такое Кама-сутра?». А Марат, будучи сильно пьян и возбуждён, ответил ей, куражась, при своих друзьях:

«Да не притворяйся ты. Святая нашлась... Этим мы с тобой и занимались, чтобы родить детей».

Древние каменные бабы с азиатскими чертами в степи возле Сары-Шагана... Чьи-то запечатлённые древние матери, сёстры, дочери... Они никогда не носили паранджу. Не были стеснены в выражении своего мнения. И потому открытые лица их с суровым взглядом, строго сомкнутыми губами молчаливо, укоризненно и скорбно наблюдали за происходящим.

Она бежала к нему навстречу, как безумная. Волосы её, всегда обычно прибранные в пучок, теперь развевались на ветру, зубы были оскалены. Миловидное, рано утратившее свежесть нежное лицо перекошено злобой. Она хотела мести, мести за свою оборвавшуюся счастливую семейную жизнь, за счастливое ожидание ребёнка, которого у неё отняли, за его инвалидность, в которой ни она, мать, ни его отец, её муж, не были виноваты... Хрипя голосом, расставив ноги в пыли, она с ненавистью смотрела в лицо белокурому красавцу-майору, который шёл, погружённый в свои мысли, ей навстречу. «Это ты, ты, русский, виноват в болезни моего сына! Ты сломал его жизнь навсегда! Ты и мою жизнь сломал! – выкрикивала она, похожая на сумасшедшую. – Зачем пришёл в нашу степь? Кому нужны твои ракеты, бомбы? Разве добавили они счастья людям моей земли? Разве стала я благословенной матерью своего сына? Это ты, ты, ты во всём виноват!» – кричала она, и белая пена проступала вокруг её сухого скорбного рта. И, чувствуя, что сейчас все силы могут оставить её, она плюнула в лицо юного белокурого майора...

Майор, у которого желваки на скулах играли как кегли, стерпел. Он подхватил её, рухнувшую на его руки. Обида душила его. Он чувствовал, как женщина ослабла в его руках, как тяжело, со всхлипами она дышала, и внутри у него заныло, засадило, опустошая душу, делая ватными ноги и нереальной и никчёмной эту вот степь в знойном мареве с её запахом пыли, противным привкусом металла в её воздухе и горькой полыни.

В горле и во рту у него стало сухо – так сухо, будто кто-то промокнул плотной промокашкой всю влагу...

И он прерывисто заговорил, сам от себя не ожидая такой связной речи, таких слов, которые, оказывается, давным-давно зрели и жили в его сердце, не раз были передуманы бессонными ночами и не раз отрывочно высказывались в мужских застольях после обильного принятия спиртного, расслаблявшего закалённых воинским уставом и многолетней службой и его, и его товарищей.

– Знаешь, не я один во всём виноват, – сказал он, вздрагивая от абсурдности своего объяснения, причинявшего ему незаслуженное унижение. – Это такой мир, такой технический прогресс. Он есть, хоть он и не нравится большинству людей. Он будет. Ему никто не может противостоять, никто не знает, почему, от кого и как он идёт и одерживает победу...

– Ник-то??? – прерывисто всхлипнула Майраш. – И даже матери?

– Даже матери... Взрывать и сеять смерть могут и американец, и казах, и русский, и еврей, и кореец, и японец. Мы все – рядовые армии. Всемирной армии. Я – рядовой армии. Мне приказали – я сделал. Дело не во мне, не я – другой был бы. Я – военный. Жизнь сложилась так, что я именно этим зарабатываю свой хлеб.

– Разве не ты сам выбрал свой хлеб? – простила Майраш.

– Выбрал? Да, наверное, выбрал я сам. Но не для того, чтобы делать несчастными таких, как ты... Я и сам... не очень-то счастлив. – Он прикусил губу, сдерживаясь, чтобы не застонать вместе с нею. – И не только я – миллионы. А почему ты не плюёшь в лицо тем, кто сделал «вечно славными» Хиросиму и Нагасаки? Они сожгли города, сожгли таких же, как ты, людей. Лишили завтрашнего дня тех, кто мог бы приехать на нашу с тобой землю, тех, у кого были хорошие идеи. Мало того, что люди простили преступников, сбросивших преждевременную смерть на невинных...

Майраш прервала его возмущённым слабым голосом:

– Нет. Не простили. Такое простить не могут. Просто забыли, и всё...

– Забыли? Или захотели «забыть», потому что за «забывчивость» им предложили хорошую плату? – он слотнул скудную вязкую горькую слюну. – Эти преступники ещё и хозяева в странах, повинных в великой трагедии XX века. Или ты и другие хотят любить избранных преступников – избранных, а не всех, кто принёс им смерть? Или люди обладают способностью делить смерть на полученную из «престижных» рук и рук, чья «престижность» отрицается политическим миром? Это ведь одни и те же руки. А тебе, тебе есть от этого польза, успокоение, отдохновение? – он тряс худенькое тельце Майраш, с отчаянной болью пытаясь донести до этой молодой, плохо образованной, но уже столько пережившей женщины какие-то свои личные прозрения, сомнения. – Почему ты видишь только своё село, а? Ты знаешь, сколько по всему миру таких сёл?! – он почти кричал, но не ей уже, а себе, этой степи, этому небу, невидимому начальнику, явившемуся причиной его назначения в этот степной угол, где ему отведена роль злодея.

Майраш отстранилась от него, держа свои руки на его плечах, изумлёнными глазами глядя в его лицо, будто только что пришла в себя после сна. Знойный степной ветер взвил её волосы, потом опустил на смуглые щёки, приклеил пряди к её сухим запёкшимся губам. Одной рукой она отвела их от своих губ и как бы случайно тронула мимолётным касанием его еле заметную складочку возле уха и прядь белокурых волос...

– Ох, боюсь, я непонятно говорю... Как на политзанятиях. А, да ты же не знаешь, что это – политзанятия... у нас там женщин нет. Разве что врачи. Ну да, у тебя своё горе... У меня – своё. Но я – солдат. А дальше будет хуже! – вдруг распалился он. – Да, да! Я... я не могу ответить на твой плевок – я мужчина. Я... понимаю тебя... Но ты обидела обиженного...

У него словно кончился завод, словно села батарейка. Больше говорить он не мог. А только скрипел зубами, уже не в силах сдержать скупых, злых и обиженных слёз.

Два человека стояли посреди пыльной дороги. И плакал каждый из них о своём.

Он – о своей рушившейся семейной жизни, в чём любимая красавица жена, с которой он большую часть года давно жил в разлуке, винила только его. А во время своих приездов сюда на 3-4 месяца – на полигон, на его работу – она винила в своих несчастьях и эту голую, выжженную солнцем и взрывами бескрайнюю степь, эту «дыру», куда он (опять же именно он) привёз её из благополучного, зелёного, цивилизованного города, полного архитектурных красот и наслаждения общением, возможностью бывать на выставках, в картинных галереях, выезжать за город, в лес – родной и привычный, знакомый ей и ему с их младенческого детства в средней полосе России. Да, винила его, именно его, ставшего слабым и бесплодным мужчиной и лишившего её радости материнства в их браке, и это не могло быть восполнено никакими его заработками, премиями и доплатами, никакими материальными льготами, никакими посулами...

Она – о своей уже разрушенной жизни, быстро закончившемся вместе с нетерпеливо ожидаемым рождением сыночка женском счастье, о мечтах таких обычных, но таких необходимых в своей обычности: уютном очаге, милом лепетании здорового, крепенького, толстоногого дитёнка, обхватывающего её налитую грудь своими пухлыми крохотными ручонками в очаровательных перевязочках-складочках...

Майраш положила свою простоволосую голову на плечо майора и завыла... Тонкие пальцы её скребли его плечо сквозь военную рубашку, как когти отчаявшейся птицы скребут опустевшее гнездо...

2007 г.

Постскриптум. Человечество впервые услышало о ядерных взрывах после бомбардировок японских городов Хиросима и Нагасаки в 1945 г., когда американцы взорвали плутониевую и урановую бомбы.

Семипалатинский ядерный полигон — первый и один из крупнейших ядерных полигонов СССР. Полигон расположен в Казахстане на границе Семипалатинской (ныне Восточно-Казахстанской), Павлодарской и Карагандинской областей, в 130-ти километрах северо-западнее Семипалатинска, на левом берегу реки Иртыш. Полигон занимает 18000 км². Был закрыт 29 августа 1991 года в результате многих обращений и активной деятельности антиядерного движения «Невада – Семипалатинск», возглавляемого великим казахским поэтом Олжасом Сулейменовым. На Семипалатинском ядерном полигоне с 1949 по 1990 годы было произведено 26 наземных, 124 атмосферных и 457 подземных взрывов, в результате которых пострадало полтора миллиона жителей этого региона. Доказано, что решающим звеном в реакции многоклеточных биологических систем на радиационное воздействие является клетка, содержащая генетический материал. Учёные выявили, что 1,5 миллиона человек, проживающих на территориях Семипалатинской, Карагандинской и Павлодарской областей, примыкающих к полигону, были подвергнуты облучению в дозах более 1 бэра, и свои хромосомные нарушения, полученные при облучении, они передавали будущим поколениям.

г. Алматы.

Ольга КУВШИННИКОВА

“Жалеть не станем ни о чём...”

Август

Прервав отчаянный полёт
Над пряной мятою,
Пчелиный август упадёт
В траву мохнатую.

Дозреет в сотах дикий мёд,
В листве багрянцами
Бруснично солнце процветёт
И померанцево.

Ни лист, ни стебель не сорву,
Нам много надо ли?
Ведь пчёлы падают в траву,
Как звёзды падали.

Жалеть не станем ни о чём.
Ни мачт, ни паруса.
Лишь бодрое гуденье пчёл,
А после – пауза.

Пусть время спутает следы,
Заснежит волосы.
В твоих глазах осенний дым
Горчит прополисом.

**Ольга
Александровна
КУВШИННИКОВА**

родилась в 1974 г. в Усть-Каменогорске. Окончила Восточно-Казахстанский государственный университет. Работает преподавателем кафедры русского языка и литературы Восточно-Казахстанского государственного университета им. С. Аманжолова. Кандидат филологических наук. В «Ниве» выступает впервые.

Лунные рыбы

День побагровел,
стаял.

Город засветил
нимбы.

Видишь, высоко
стаей

Лунные летят
рыбы?

Звёздные плывут
кошки,
Лапами гребя
важно.

Месяц заточил
рожки —
Маленький ночной
стражник.

Он июльский сон
гонит.

В звёздах утонул
вечер.

Лунным табуном
кони
Топчут океан
Млечный.

Корабли

В берег уткнувшись холодными рыбами,
Вы погружались по мачты в минувшее,
Грезя Ла-Маншем, Босфором, Карибами,
Шёпот звезды и безветрие слушая.

Там, за кормою, бродила история,
Небо цепляя ленивыми гребнями.
В детстве дружила со сказочным морем я,
И корабли мне казались волшебными.

Вы привозили дождливые осени,
Первые вёсны из дальнего плаванья,
Трюм набивая лугами, колосьями,
Росами, пчёлами, мёдом и травами.

Было в вас что-то влекущее, сильное
От Магеллана, Колумба и Беринга.
Жизнь колесила бесщётными милями,
Словно бежала от берега к берегу.

Прошлое сыпало ядрами, стрелами.
Вы — как случайные чайки над сушею,
В звёздах качались — огромные, белые,
Вдаль устремляясь могучими душами.

Западня

*Vienne la nuit, sonne l' heure
Les jours s'en vont, je demeure.*

Guillaume Apollinaire. Le pont Mirabeau

Ты ночами так же не спишь, —
Только звёзды тянет сильней
В западню неведомых крыш...
Здравствуй, здравствуй,
Город огней.

Тот же призрак курит с тобой,
Навещающая сонный Монмартр...
Тонет под мостом Мирабо
Нашей прежней жизни
Театр.

И дурманит пьяный левкой,
Неизменно память свербя...
Умереть, пожалуй, легко, —
Научи, как жить
Без тебя...

После — впутай в притчу веков
Всё, что умолчала вода...
Если звёзды к тайне влекло,
Это навсегда.
Навсегда...

Моей души убогая лачужка...

Сойдёшь с крыльца — вода по голенище...
Сверчок за печкой до звезды уснул...
Ну, здравствуй, неказистое жилище,
Что окнами выходит на весну!..

Архитектурой из щелей и брёвен
Доселе не натешится народ...
В прозрачной луже важно хмурит брови
Глухой сосед — надменный небоскрёб...

Скребётся в стёкла солнце-побирушка,
И в небо кашляет дымком седым
Моей души убогая лачужка
На самом краешке твоей судьбы...

Метаморфозы

С мечтой в охапке,
Напутав даты,
Смешной оляпкой
Спешить куда-то...
Упасть с разлёта
В тайфун, цунами...
Однако что-то
Случилось с нами...

Дни-медоносы.
Недели кряду
Мелькают осы
В соцветьях радуг...

Нам будет мало
И сотни жизней...
Что с нами стало?
Мой друг, скажи мне...

Какая малость —
Пространства, дали...
Не показалось...
С тобой попали
За перекрёсток
Дождя и света...

А в мире просто
Творилось лето...

Мегаполис

В трущобах июля
С травой по пояс,
Под солнцем сутулая,
Скучал мегаполис —
Нескладный, нездешний,
К земле в чём-то пряхом
Прильнув разомлещим
Гигантским вараном.

... Века проносились,
Меняя пароли.
Рассеяны силы,
Притулены боли.

Следы расставаний —
Теньями на лицах...
В природе вараней,
Однако ж, пылиться...

Непонят, расколот,
С годами туманней —
Ворочался город
В июльском дурмане...
Похрустывал хрящик
Ручного трамвая...
Посапывал ящер,
Вполнеба зевая.

Город в плену лисиц

Осень стирает грим —
С улиц, балконов, лиц.
Точками — птичий клин,
В небе горят мосты...
Падает с ветки грусть, —
Город в дожде простыл...
Знаешь её игру —
«Город в плену лисиц»?

Сколько вокруг следов
Маленьких цепких лап! —
Город почти оглох,
Пойманный утром в сеть.
Значит, теперь ему —
Медленно, верно тлеть,
Клёна щипать струну,
Не попадая в лад...

Осень, ворча грозой,
Воду плеснёт и медь,
Станет трепать камзол
И по щекам хлестать.
Что к ней мужчин влекло?
Рыжая масть листа?
... Где же найти тепло,
Чтобы её согреть?

До умопомрачения – зима...

До умопомрачения – зима..
Потянет строчкой птичий след на белом
Туда, где на рассвете терема
Опушены хвостами лис и белок.

До самоотречения – снега..
В сугробы свет осколками обрушен.
Ту зиму, верно, выдумал Шагал –
Со швами одиночества наружу.

Неловко снег способен довести
До колик и до зависти постылой.
Над сценой дня играя травести,
Сорит крупой небесная пустыня.

До одури – зима, зима, зима.
Морозно дышит день, не остывая.
Как просто, друг мой, соскользнуть с ума,
Пока кругом снега. Пока жива я.

Когда на землю сходят холода,
Так хочется слегка отсрочить зиму.
В глазах берёз осенняя хандра
Пока жива – и всё неотразимо.

Раскрыть объятья крепким сквознякам.
Простите, жрицы осени, за прозу:
Она со временем становится близка.
Навязчивей дождей метаморфозы.

Немыслимей и бережней слова,
Естественнее тайнопись прощаний.
И жизнь – как есть – метафора, едва
Заметная за прочими вещами.

Габбас КАБЫШУЛЫ,

лауреат международной литературной премии «Алаш»,
почётный журналист Казахстана

Литература – это кладовая мудрости и основа человеческой культуры.

Литература – это хранилище человеческой истории.

Литература – это память народа о прошлом и она же соучастник его высоких устремлений и неудержимой мечты о будущем.

Литература – это хлеб всех искусств.

Незабвенный труженик пера Ануар Турлыбекович Алимжанов оставил потомкам значимое наследие не только в рассказах, повестях и романах, но и в таких крылатых выражениях:

«Писатели всегда были и остаются защитниками Разума и Красоты, Равенства и Мира для людей. Они знают цену и силу Слова и всегда первыми выступали в защиту родного языка, в защиту культуры и цивилизации, открыто бросая вызов мракобесам и палачам. Примеров тому немало и в нашем сложном и противоречивом двадцатом веке...

Человек не может жить без оглядки на прошлое. Прошлое – это опыт жизни, прошлое – это память, а память – основа человеческого существа».

Вот так ярко, сочно, кратко передать суть своих наблюдений и переживаний – именно этим отличался творческий талант Ануара. Во всех своих произведениях – будь это первая повесть «Караван идёт к солнцу», вышедшая с предисловием Мухтара Омархановича Ауэзова, или роман «Стрела Махамбета» (отобразивший восстание казахов против царского самодержавия и ханского ига, созданный на исторической основе образов руководителя восстания Исатая Тайманова и его друга – выдающегося поэта-бунтаря Махамбета Утемисова, или роман «Гонец», повествующий о роли национального единства в борьбе против чужеземных завоевателей, или «Возвращение Учителя» – сказ о жизни великого мыслителя Абу Насыр Мухаммеда аль-Фараби – Ануар даёт точное определение событиям и их героям, описывая всё очень правдиво, живо и интересно.

От его произведений веет мудростью подробно изученных им культур Востока и Запада. Виден его эрудированный живой ум и жизненный опыт.

Ануар побывал во многих странах Азии, Африки и Латинской Америки. Его друзья шутили, что-де «легче перечислить страны, в которых Ануар не побывал». Он путешествовал не как турист, а как писатель-историк – с целью изучения их истории и культуры, стремясь ознакомить всех с родным Казахстаном, родным народом, его прошлым и настоящим.

Авторитет Ануара Турлыбековича был высок особенно на бурлящем Чёрном континенте – молодых странах Африки. Он оказывал большую помощь местным писателям в установлении контактов с коллегами из стран Европы, Азии, Латинской Америки, США.

Находясь в городе Карачи, среди красочных полотен на стене библиотеки Главного банка Пакистана Ануар увидел изображение человека, стоявшего, слегка опираясь на домбру. Известный художник страны Салык Аин пояснил, что этот человек на древнем рисунке – Абу Насыр Мухаммед аль-Фараби, которого все учёные Востока – начиная с Авиценны – почитали своим Вторым Учителем после Аристотеля, и именно в той библиотеке хранятся его комментарии к трудам Аристотеля, Птолемея и Эвклида. Пожалуй, очень трудно представить душевное состояние Ануара в те минуты безмерной радости и гордости!

Таким образом, Ануар получил возможность впервые ознакомить потомков аль-Фараби с его портретом и сохранившимися трудами. Большой заслугой писателя считаю то, что он добился празднования 1100-летия со дня рождения Учителя в дни завершения V Конференции писателей стран Азии и Африки в 1973 году в Алма-Ате, в Академии наук. Кстати, он же и был главным организатором той конференции.

Позже Ануар написал роман об аль-Фараби под названием «Возвращение Учителя».

Примечательно то, что его характеру были присущи чуткость, хватка, оперативность Журналиста. Он первым или одним из первых оповестил общественность как об аль-Фараби, так и об Ахмете Ясави, о Жусупе Баласагуне, Мустафе Шокае.

Ануар Турлыбекович всегда находил время поинтересоваться, кто из журналистов, писателей, историков, политиков других республик и зарубежных стран побывал у нас, что писал после о нас.

В 1989 году в двух номерах московского журнала «Молодая гвардия» были опубликованы воспоминания журналиста, бывшего казахстанца Н.Кузьмина под заголовком «От войны до войны. Ночные беседы», где, кроме автора, почти нет ни одной нормальной фигуры из числа казахстанских писателей, будь он Мусрепов, Шухов, Алимжанов и так далее. Кузьмину ничего не стоило грубо, оскорбительно выразиться в отношении как личностей, так и целого народа, даже континента в форме: «Такова Азия: коварная, неверная, капризная».

Спустя год к этому писателю присоединился другой – А. Солженицын. В «Литературной газете» от 18 сентября в своей статье «Как нам обустроить Россию» он изрёк о Казахстане: «... Сегоднешняя огромная его территория нарезана была коммунистами без разума, как попадя: если где кочевые стада раз в год проходят – то и Казахстан...».

Никто из руководства нашего Союза писателей, также никто из крупных казахских писателей не дал отпор этим клеветникам на страницах ни московских, ни местных газет. Только Ануар Алимжанов через «Комсомольскую правду» расшифровал умыслы злопыхателей.

Однажды мы с Ануаром беседовали на тему патриотизма, и я спросил:

– Анеке, скажите, вот главный редактор журнала «Молодая гвардия» Иванов, тот же Кузьмин ведь казахстанцы, почему они ненавидят Казахстан и казахов?

Ануар усмехнулся и сказал:

– Вспоминается мне одна давняя история. Ещё в 1969 году в одной из югославских газет были напечатаны 7 очерков Мариана Седмака о Казахстане, где доказывалось, что это самая отсталая из республик; что здесь преподавателей вузов буквально заставляют принимать на учёбу казахов, ни к чему не способных; что следует верить глазам своим, замечая на книжных полках Достоевского: никто не читает...

Я отыскал Мариана Седмака в Москве, спросил: «Почему же вы так написали? Это ведь ложь!». И он мне ответил: «Это не мои слова, в республике ко мне «прикрепили» журналиста Толмачёва, собкора «Комсомольской правды», который давал мне пояснения». Сейчас Геннадий Толмачёв редактирует журнал «Простор»... Напрасно ждали мы, что в «Просторе», где должны быть живы традиции Ивана Петровича Шухова, начнут разговор о творчестве «могучей кучки» возвращённых казахскому народу классиков, срочно организуют переводы. Куда там! Место нашлось только для публикации одного стихотворения Жусупбека Аймаутова «Кочевье» да ещё для подстрочников четырёх стихотворений Магжана Жумабаева. Все остальные журнальные объёмы, видимо, «съел» бульварный роман «Тайный советник вождя», посвящённый защите Сталина от суда истории... Толмачёв нам тоже не чужой, однако... да ладно, чёрт с ними!...

Ануар, родившись в 1930 году в ауле Карлыгаш Талдыкурганской области, окончил там же среднюю школу, а позднее – русское отделение журфака Казгосуниверситета. Работал в газетах «Ленинская смена», «Огни Алатау», был собственным корреспондентом «Литературной газеты» и «Правды» по Казахстану и Средней Азии. Был главным редактором газеты «Казах адебиети». Восемь лет возглавлял наш Союз писателей.

Заслуги Ануара Турлыбековича как перед своим народом, так и перед прогрессивной общественностью Азии, Африки и Латинской Америки трудно переоценить. Он – первый казах лауреат премии им. Дж. Неру, а также премии им. А. Нето, африканского журнала «Лотос». Добавлю к этому: он – лауреат премии Комсомола и Государственной литературной премии имени Абая.

В своё время Мухтар Ауэзов сказал: «Если Пётр Первый прорубил окно в Европу, то Ануар Алимжанов распахнул другое – в Азию!». К сожалению, Мухтару Омархановичу не суждено было увидеть, как много друзей находил его ученик в странах Европы, Африки, Америки...

В архиве писателя много писем благодарности со всех концов планеты, приглашений университетов, исследовательских институтов, музеев, различных обществ – историков, журналистов, писателей. Авторами писем являются такие знаменитости, как Леонид Соболев, Лев Гумилёв, Сайфи Кудаш, Берды Кербабаев, Расул Гамзатов, Анатолий Софронов, Михаил Курганцев, государственный и общественный деятель Пакистана Фаиз Ахмад Фаиз, сирийский писатель Зухейри Багдади, деятели культуры США Эдвард С. Мейнард, Гарольд Р. Баттерсби, итальянский писатель Итало Авелино и другие.

Меня удивил и огорчил один факт – в личном деле Ануара лежат незаполненные бланки Кембриджского университета Англии «Человек года, кто, где». Как я думаю, слишком скромный и простой Ануар считал неудобным заполнить их и отправить...

Неутомимый писатель-публицист, видный государственный и общественный деятель, он в своё время пользовался высоким авторитетом и в СССР. В октябре 1991 года стал депутатом Верховного Совета СССР и Председателем Совета Республик ВС. Кандидатом в депутаты его выдвинули Советский комитет мира и восемь (!) советских комитетов, выступающих за мир, солидарность и международное сотрудничество. А председателем Совета Республик он был избран единогласно – из 131 депутата 130 проголосовали «за». Именно он и утвердил распад СССР от имени Совета Республик. Вот что об этом писал Б.Н. Ельцин: «26 декабря 1991 года в здании Кремля, над которым уже не развевался флаг СССР, верхняя палата союзного парламента приняла декларацию, в которой объявила о прекращении существования СССР. Председатель палаты А. Алимжанов сказал, что они выполнили свой депутатский и гражданский долг» («Записки президента», изд-во «Огонёк», Москва, 1994 г.).

Друзья опять шутили: «Сын вчерашнего «врага народа» сегодня расправился с Советской властью!» (его отец Турлыбек был репрессирован в конце 1937 г., но вернулся живым к родному очагу, работал в системе связи).

После того исторического события я как-то спросил:

– Анеке, скажите честно, а ваша рука не дрожала, когда Вы ставили подпись под постановлением о прекращении существования СССР?

– Нисколько, – ответил он. – В истории человечества нет империй, служивших народу, поэтому им не суждено жить долго. Это логика истории. Советская власть тоже была империей. Она существовала 74 года... – чуть подумав, он добавил: – Образно говоря, это было 74-этажное здание. Пора было сносить. Я предлагал начать с крыши. Ан нет – взорвали. Теперь надо расчистить площадку для нового здания – а это адский труд, и я боюсь, что для того, чтобы построить что-то новое, наверняка потребуются десятилетия неслыханных мучений...

Классик башкирской литературы Ахияр Хаким сказал однажды:

«Ануар был прекрасным организатором, а по характеру – борцом. За те годы, когда он руководил Союзом писателей Казахстана, Алма-Ата стала центром многих общесоюзных литературных встреч... Будучи и одним из признанных лидеров афро-азиатского писательского движения, он меня привлек к работе в этой области. Своим знакомством с крупнейшими писателями зарубежных стран – друзьями и соратниками самого Ануара я во многом обязан ему...».

Заслуги Ануара Турлыбековича как писателя с мировым именем, общественного деятеля хорошо известны. Воздерживаясь от повторений, хочу поведать читателям об одном подвиге Ануара (тогда ещё студента КазГУ), который долгое время, опять-таки из-за скромности его, не был известен.

Тревожное время, хмурая весна 1953 года. Уже более двух лет слышатся отголоски 1937 года. Лауреату Сталинской премии (она была присуждена в 1949 году), писателю-академику М.О. Ауэзову очень тяжело, беспокойно. В официальной прессе республики одна за другой появляются статьи, «разоблачающие националиста». На собраниях Академии наук, Союза писателей и прочих борзописцы и критиканы льют на него грязь – ушат за ушатом. «За бездеятельность, срыв работы по подготовке 1-го тома «Истории казахской литературы» президиум АН КазССР постановил вывести из Бюро отделения общественных наук действительного члена АН КазССР М. Ауэзова» (Вестник АН КазССР № 5, 1953), а ректорат университета им. С. М. Кирова освободил его от занимаемой должности старшего преподавателя кафедры.

Пиком огульной критики стала дискуссия, проведённая президиумами АН КазССР и Союза советских писателей Казахстана (11-15 апреля 1953 г.) по вопросам казахских эпосов. Её открыл президент АН КазССР Д. Кунаев. Основной докладчик писатель Малик Габдуллин и иже с ним фольклористы превратили классика в мишень своей разнузданной критики, повесив на него всякие ярлыки (о «деятельности» конференции М. Ауэзов сразу же написал руководству Союза писателей СССР, – в 2003 году я выписал две копии его письма из архива СП СССР: одну передал музею М.О. Ауэзова, вторая в моём архиве).

Вот как сформулировал свою точку зрения М. Габдуллин:

«Кто первым из казахских литературоведов выдумал и пропагандировал теорию о литературе «эпохи «Зар Заман», осуждённую в 1947 году нашей общественностью? Профессор Ауэзов.

Кто первым из казахских литературоведов поднял на щит душителей народов Кенесары и Наурызбая, написав пьесу «Хан Кене» и другие произведения? Профессор Ауэзов.

Кто первым из казахских литературоведов выдумал и долгое время пропагандировал и превозносил теорию о «поэтической школе» Абая, осуждённую нашей общественностью в 1951 году? Профессор Ауэзов.

Кто первым из казахских литературоведов исследовал и пропагандировал реакционные, антинародные поэмы и сказания об Едыге, Шоре и Кенесары, Коркуте и других, выдавая их за народные? Профессор Ауэзов.

О чём говорят эти факты? Они говорят о наличии у профессора Ауэзова системы буржуазно-националистических взглядов. Как говорится, факт – вещь упрямая. Его нельзя замаскировать никакими увёртками и манёврами».

КГБ, постоянно державший последние два года на мушке М. Ауэзова, после этой конференции постановил «незаметно, без шума» арестовать его. Секретное решение стало известно Ануару, потому что его родной брат Абдолла Кылышбаев (его усыновил дед по линии матери и дал ему свою фамилию) работал в системе этого грозного ведомства. А студент Ануар с тремя друзьями давно, почти с первых дней гонений на Учителя, предвидя худой конец, вынашивали план его спасения. Обсуждали три варианта: спрятать в очень надёжном доме в с. Тастаке; отвезти к друзьям в Киргизию или в Узбекистан. Остановились на предложении Ануара – тайно отправить в Москву, «только старые друзья во главе с Александром Фадеевым могут спасти его!».

Историю с М. Ауэзовым в 1972 году мне поведали литератор-переводчик Ислям Жарылгапов, писатель-драматург Альжаппар Абишев, и мы – сотрудники редакции газеты «Казах адабиети» – практически заставили своего главного редактора Ануара признать её правдивость. Позже я несколько раз просил его написать о том случае, но он отшучивался: «Когда выйду на пенсию, будет много свободного времени, тогда и напишу». Но не успел.

А. Абишев в своей книге-эссе «Шерли шежире» («Трагическая летопись»), рассказывая о московской встрече с Мухтаром Омархановичем в апреле 1953-го в гостинице «Москва», вскоре после приезда туда Ауэзова, приводит следующие слова писателя:

– Смелости Ануара, ради меня положившего голову под топор, будет благодарен и аруах мой!

То есть, его дух. На вопрос Абишева, какой поступок тот совершил, Мухтар Омарханович ответил:

– Если бы в той ситуации он не нашёл выхода, то я сидел бы сейчас не здесь, а в темнице одной из тюрем Алма-Аты!

В октябре 1993 года посещая Ануара в больнице, я увидел среди его бумаг и газет письмо А. Абишева (от 26 августа того года), где он просит Ануара написать о тех своих действиях относительно спасения Мухтара Ауэзова. Я с горечью чувствовал, что Анеке уже не успеет что-либо написать вообще, и с его разрешения взял то письмо себе.

Думается, будь на месте слишком скромного Ануара некто другой, дико жаждущий славы и похвалы, то ходил бы – грудь колесом: «Я спас Мухтара Ауэзова! Я!».

... Известная демонстрация студентов и рабочей молодёжи в декабре 1986 года в Алма-Ате сильно подействовала на Ануара Турлыбековича. Он пишет статьи в «Литературную газету», «Комсомольскую правду», нисколько не сомневаясь в том, что мирный протест молодёжи власть держащими был превращён в кровопролитие в результате организованной провокации «неизвестных». Сегодня некоторые упрекают Ануара за то, что он тогда в одной своей статье обвинил молодёжь, написав: «... К толпе примкнули хулиганы, пьяницы и другие антиобщественные лица. Разгулявшиеся дебоширы, вооружившись металлическими стержнями, палками, камнями, избивали и оскорбляли граждан, опрокидывали и поджигали автомобили, разбивали стёкла в магазинах, общежитиях и других общественных

зданиях». А разве не так было? Я не сомневаюсь в том, что все эти безобразия дело рук именно провокаторов, примкнувших к молодёжи, предъявлявшей «хозяевам» из Кремля только одно политическое требование – убрать чужака Колбина, назначить на место Кунаева своего: казаха или русского, но казахстанца!

История свидетельствует, что испокон веков всегда и везде любое открытое действие недовольных масс превращается в трагедию усилиями провокаторов – подкупленных антиобщественных элементов. То есть, в этом плане нельзя упрекать покойного Алимжанова. Наоборот, он первым бросил упрёк в лица хозяев из Кремля и Алма-Аты за кровопролитие молодёжи на центральной площади города.

Однако был такой момент. В статье Ануара по поводу декабрьских событий, опубликованной «ЛГ», были «сильные выводы», осуждающие нашу молодёжь, что до предела расстроило автора, поскольку он ничего подобного не писал. Ануар позвонил в редакцию, возмутился. А там оправдались своеобразно:

– Ануар Турлыбекович, дополнение делали в ЦК, ведь сейчас все рукописи материалов по декабрьским событиям ими вычитываются, исправляются. Вот они и отредактировали, а нам сказали: «Алимжанову объясните, он большой писатель, должен понимать!».

Ануар Турлыбекович жил и творил по чести. Совесть его была чиста и перед государством, и перед народом.

В 2000 году исполнилось 70 лет со дня его рождения. Я с помощью президента «Казахойл» отзывчивого Нурлана Балгымбаева (он с большим удовольствием согласился быть спонсором) выпустил книгу воспоминаний о нём. Она называлась «Алем таныган Ануар. Признанный миром Ануар» (на казахском и русском языках). К сожалению, юбилей известного писателя, государственного и общественного деятеля был проведён на уровне его родного Аксуского района Талдыкорганской области. Причиной того, как я думаю, были последствия одного события, которое произошло в Алма-Ате в октябре 1984 года.

Это был год 80-летия Сакена Сейфуллина, Ильяса Джансугурова, Бембета Майлина...

Было принято постановление партии и правительства республики отметить юбилей И. Джансугурова 5 июля, торжественное собрание провести в драмтеатре имени Мухтара Ауэзова. Однако в первых числах июля вышло новое постановление, где говорилось: 5 июля в Джамбульской области провести «100-летие акына Кенена Азербаяева», а юбилей И. Джансугурова перенести на октябрь. Гостей, прибывших из всех союзных республик и нескольких гостей из соцстран на торжества Ильяса, повезли в Курдайский район – на родину Кенена.

Позже секретарь по идеологическим вопросам Джамбульского обкома партии Гайникен Бибатырова говорила мне: «Решение руководства республики по поводу юбилей Кенена Азербаяева для нас было как снег среди лета на голову, то есть стало полной нежиданностью».

Почему это произошло, осталось загадкой для литературной общности, да и для переводчиков произведений Ильяса из Ленинграда, Москвы, Фрунзе, Ташкента, Уфы: в чём и перед кем провинился аруах-дух Джансугурова?!

Подошёл октябрь. Малый зал русского драмтеатра им. М. Лермонтова. Половина пришедших оставалась на улице. Собрание, посвящённое 80-летию И. Джансугурова, началось. Президиум заполнен партийными деятелями. Если не ошибаюсь, третьим вышел на трибуну Ануар и, повернувшись к президиуму и как будто ткнув в него своим указательным пальцем левой руки, произнёс: «Вы проводите юбилей признанного классика казахской литературы Ильяса Джансугурова как свадьбу девушки-круглой сироты. Хотя мы простим это вам из-за боязни, но будущее будет проклинать вас!». И зал и президиум замерли, а Ануар спокойно спустился с трибуны и покинул зал.

С того дня начались гонения на Ануара Турлыбековича. Я стал одним из первых свидетелей каприза партруководителя республики Д. Кунаева по поводу того события. В те годы я работал главным редактором сатирического журнала «Ара-Шмель». На следующий день утром я пошёл в ЦК, зашёл в отдел культуры. Завотделом Маркен Чайжунусов, весь покрасневший, куда-то звонит. Когда он закончил разговор, я шутивым тоном сказал:

– Э, Маке, ты похож на человека, только что вышедшего из парилки бани, что случилось?

Он быстро подаёт мне руку и ещё быстрее говорит:

– Ойбай, вчерашнее выступление Ануара Алимжанова оказалось бомбой, меня вызвал секретарь, велел срочно достать его речь, требует сам Димаш Ахмедович...

– Ануар ведь сказал правду?!

– Ой, кому правда, а кому – нет. Габеке, пожалуйста, приходи завтра, а? Сегодня вот видишь...

– Ладно, удачи тебе! – я направился к выходу, а навстречу – заместитель Маркена писатель Султан Оразалинов. Мы поздоровались, и я шутя сказал ему:

– Поторопись, помогай своему шефу!..

«По щучьему велению...», по своему нехотению... Ануар вскоре оказался вне руководящей «обоймы».

Друзья и товарищи Алимжанова поручили мне к его 80-летию (12 мая 2010 г.) подготовить новый сборник воспоминаний о нём, что я с великим удовольствием выполнил, как говорится, досрочно – в феврале! Назвал «Биздин Ануар. Наш Ануар». Получилась весомая книга. Полиграфическая работа отличная (она, как и первая книга воспоминаний, отпечатана в типографии издательства «Нурлы алем» молодого бизнесмена, писателя, композитора Жарылкасына Даулета). Выпуск сборника был осуществлён с большой моральной поддержкой известного государственного и общественного деятеля Куаныша Султанова при спонсорстве большого друга нашей литературы, земляка, родственника, почитателя таланта Ануара, депутата Мажилиса Керимжана Бижанова. Я очень благодарен им!

При подготовке книги работая в архиве писателя, я обнаружил новые для нас труды Ануара. Это – его речи. Первая «Полигон должен быть закрыт!» произнесена на международной конференции в г. Семипалатинске 18 июля 1989 года. Тема конференции: «Экологическое состояние и здоровье жителей города Семипалатинска и Семипалатинской области Казахской ССР». Вторая – «Чтоб не остаться под атомным пеплом!» – выступления на ежегодной конференции Национального комитета Англии за ядерное разоружение (Си-эн-Ди) 10.11.90 и в палате общин Англии 13.11.90 г.

Известно, что высокая трибуна палаты общин Великобритании предоставляется не каждому, а только деятелям, пользующимся большим международным авторитетом. Ануар Турлыбекович – единственных казах, удостоенный этой чести.

Я не могу не привести цитаты из названных материалов Ануара.

Из статьи «Полигон должен быть закрыт!»:

«Сегодняшнее вот это собрание – это часть работы, выполнявшейся до этого. Сегодняшняя тема – это нечто, о чём мы опасались даже заговорить в течение десятилетий. Мы долго обманывались сами и, случалось, обманывали друг друга. Иногда, говоря неправду, мы и сами начинали верить ей. Но ложь в нынешних обстоятельствах будет подобна смерти. Всё зашло слишком далеко – мы сами нанесли ущерб и себе, и своей земле. Речь не столько о Семипалатинском полигоне, сколько о том, что экология казахской земли поставлена на грань... Да мы все буквально на грани. Казахстан стал ареной не просто ядерных испытаний – сам наш народ подвергнут испытаниям. То бедствие, жертвой которого стали жители Семипалатинска, – это не проблема одного лишь Казахстана, а проклятие и Алтая, и Сибири, и целого полушария. Сегодня мы осознали, к скольким несчастьям привело то, что раньше рассматривалось как нечто достойное огорчения и не более. Цифры, приведённые только что академиком Саимом Балмухановым, действительно пугают...

Движение за запрет ядерного оружия не просто злободневный финт и не предвыборная уловка. Оно не нуждается в рекламе. У истоков движения стояли великие учёные вроде Альберта Эйнштейна, знаменитые общественные деятели Страны Советов вроде Николая Тихонова и Александра Корнейчука. Наши Каныш Сатпаев и Мухтар Ауэзов в том числе. В 1952-53 годах последние были преследуемы не только за выдуманную «националистичность» их произведений и трудов, но и за высказывания против ядерных испытаний на нашей земле. Сатпаев и Ауэзов открыто озвучивали свои позиции по этому поводу на встречах в московских университетах, при обмене мнениями с писателями и учёными. А сейчас мы представляем всё так, будто это движение – достижение наших рук и наших умов. Мы – только продолжатели. Но сейчас мы все, и те, кто родился уже в дни испытаний атомных бомб, должны довести это дело до конца! И цель нашего заседания именно в этом!..

В общем, полигон непременно должен быть закрыт, чего бы это ни стоило – закрыт, перемещён – не важно, но уже настала пора отдать дань жертвам этого чудовища, символа безумства человека, памятника неразумности! Число жертв сегодня исчисляется тысячами, а сколько их будет в будущем... Это требование должно буквально трубить во всех наших призывах и резолюциях!..

Мы тут коснулись темы бездумной власти. При обсуждении этого нельзя винить только одного человека или просто «Москву». Проблема в некоторых наших деградировавших кадрах – тех, кто не чувствует ответственности перед окружающими, кто может лишь выполнять приказы сверху.

Хоть я и уважаю армейских деятелей, но здесь генерал-лейтенант (начальник полигона А. Ильенко. – Г.К.) подействовал на меня удручающе. Мы все слышали, что он сказал. Но, генерал, поймите же – вы представили перед народом. Приказ маршала – это одно, требование народа – это совсем другое. Народ требует закрытия полигона!..

И если военные круги или эксперты, или Комитет государственного планирования Союза скажут, что не могут перенести или закрыть полигон по той причине, что на его содержание было уже потрачено слишком много средств, – знайте, это не оправдание!..

И если мы хотим, чтобы борьба против ядерных взрывов не затухла, организация фонда и открытие расчётного счёта – это правильный шаг, но необходимо заранее выработать план расхода средств на этом счёту. Деньги на правое дело должны так же правильно расходоваться. Верхом цинизма было бы простое наглое выбивание денег из народа, и без того хлебнувшего горя. Нельзя допустить нецелевое расходование! Средства должны быть в чистых руках!..».

Читая это, нельзя не удивляться: Ануар Турлыбекович предвидел, чем кончится деятельность фонда, движения, акционерного общества «Невада – Семипалатинск», возглавляемых Олжасом Сулейменовым! Она кончилась актом КРУ Минфина республики (1993 г.), где на фактах указано, что все средства, а это сотни миллионов долларов, выбитые для пострадавших от ядерных испытаний, пошли в карманы верхушки АО «НС», и ни цента – семипалатинцам! К сожалению, тот акт кем-то где-то замурован. Не думаю, что навсегда!

Теперь из выступления «Чтоб не остаться под атомным пеплом!»:

«Абсурдные идеи рождают абсурдные поступки. США изобрели бомбу, чтобы силой управлять миром. СССР изобрёл бомбу, чтобы не отстать от США, противостоять ему. Так мир был поделён на сферы влияния двух сверхдержав. Началось атомное противостояние, которое требовало и по сей день требует ещё большей гонки вооружения. К ядерному вооружению потянулись другие страны и обрели его...»

Мы были свидетелями грандиозного размаха антиядерного движения в 60-х, 70-х, особенно в 80-х годах в США и европейских странах, в Японии и Индии, не остался в стороне от мощных проявлений общественной активности конца восьмидесятых годов и Казахстан...

Из семисот пятнадцати испытаний, проведённых в Советском Союзе, 467 взрывов совершено в местечке Дегелен в Казахстане, из них – 124 наземных и 343 – подземных. Как казах – сын казаха, я должен сказать здесь, что все эти взрывы проводились в священном уголке нашей земли, где родилась древнейшая легенда о прекрасной любви Козы и Баян, воспетой во всех жанрах нашего искусства и литературы...

Каждый из 467 взрывов отравлял наши родники и реки, калечил людей, калечил детей в утробах матерей.

Каждый из 467 взрывов был поправлением чести и достоинства моего народа, ибо они проводились на его земле без его согласия...

Допустимо ли подобное в самой России, на родине Льва Толстого в Ясной Поляне? Допустимо ли такое на земле, где родился Шекспир или Диккенс, Бёрнс или Байрон? Я отвечу сам: конечно, нет! Это невозможно. А отсюда вытекает, что испытания в колыбели казахской культуры – это глумление над исторической памятью народа, который в двадцатом веке уже трижды испытал геноцид: в 1904-1905 годах, в 20-х, а затем в тридцатых годах из-за искусственно созданного голода. Кстати, всю правду об ужасающей трагедии тех лет, о планомерном уничтожении казахского народа, о геноциде написал британец, ныне здравствующий ваш писатель и историк Роберт Конквест в своих книгах «Большой террор» и «Жатва скорби». Спасибо ему от имени казахов за правду! Правда нынче, как и всегда, слишком дорога для нас...».

В этих выступлениях – сам Ануар: пламенный, острый, глубокий, всеохватывающий! Ясно видно, что он внёс большой вклад в противополигонную борьбу. С требованиями закрыть полигоны, прекратить ядерные испытания с высокой международной трибуны, например, в палате общин Великобритании, никому из ныне здравствующих «героев-антиполигонщиков» выступить не довелось. Скромность, оказывается, иногда мешала Ануару – общаясь с ним почти двадцать лет, я не слышал от него о выступлениях в Семипалатинске, Лондоне, также никогда не видел его на искусственной высоте «Я!». Перед глазами остался всегда неизменно скромный, застенчиво улыбающийся Ануар!

г. Алматы.

Сапаргали ЖАГИПАРОВ

«Здесь всё для сердца мило...»

*Синеет память бирюзовым небом,
О давнем прошлом просит рассказать,
Меня уводит в золотую небыль,
На много-много долгих лет назад.*
Владимир Гундарев

Под крышей родной школы...

История Синегорья уходит в глубь десятилетий. Мои земляки бережно относятся к истории этих мест, к селу, где свои детские годы в предгорьях Сырымбета провёл Чокан Валиханов. Каждый камешек, каждый ручеёк, каждый лепесток цветов, каждая веточка священной земли, что так вдохновенно воспевали замечательные писатели, акыны, композиторы, близки моим односельчанам. Они вызывают у всех чувство душевного покоя и уюта. Как точно заметил поэт:

Здесь в зарослях лесных, где всё для сердца мило,
Где чистым воздухом так сладостно дышать,
Есть в травах и цветах целительная сила
Для всех, умеющих их тайны разгадать.

А великий Абай с горечью признавался: «В потоке суетной жизни мы зачастую не можем заглянуть в сокровенные уголки своего сердца и души». Родина начинается с проникновенных строк Джамбула, Магжана, Мукагали, со школьной скамьи, с букваря, хороших товарищей...

**Сапаргали
ЖАГИПАРОВ**

– кадровый военный, полковник запаса. Окончил факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища, редакторское отделение Военно-политической академии имени В.И.Ленина. Служил на Тихоокеанском флоте, в Среднеазиатском военном округе, в Западной группе войск (Германия).

В течение ряда лет был главным редактором газеты «Казахстан сарбазы» – «Воин Казахстана», семь лет возглавлял пресс-службу Министерства обороны РК, одновременно являлся пресс-секретарём министра обороны. Был постоянным корреспондентом газеты «Красная звезда» по Казахстану. Его корреспонденции, репортажи, очерки в своё время публиковались в газетах «Правда», «Комсомольская правда», «Лениншил жас», в журналах «Советский воин», «Знаменосец», «Мадениет жане турмыс», «Простор».

С. Жагипаров – член редакционного совета журнала «Айбын» Министерства обороны РК, выступает в различных периодических изданиях, в том числе в газетах «Егемен Казахстан» и «Казахстанская правда». Автор книги «Звёзды не гаснут». Постоянный автор «Нивы».

Лауреат премий Союза журналистов РК, награждён специальным знаком и дипломом Совета министров обороны стран СНГ.

Память детства цепкая. С нами всегда остаётся то, что вложили в наши умы и души дедушки, бабушки, родители, воспитатели, учителя. Вылетев из родительского гнезда и живя потом самостоятельно, проходя службу вдали от Родины на Тихоокеанском флоте, в Среднеазиатском военном округе, Западной группе войск (Германия), я мысленно всегда был с родным краем.

Чокан Валиханов – олицетворение мужества...

Вспоминая детские годы, проведённые в сёлах Даукара, Жаркент, что в бывшей Кокчетавской области, и, конечно же, школьные годы, которые прошли в светлых стенах Сырымбетской средней школы, могу сказать о той поре только с любовью и уважением. Школа, где я учился, носила имя выдающегося учёного-просветителя, отважного путешественника, художника, этнографа Чокана Валиханова. Олицет-

Фото № 1.

ворением, кумиром в жизни, особенно в воинской службе, для меня всегда был Чокан Валиханов – выпускник Омского кадетского корпуса, который за особое отличие в службе был произведён досрочно в штабс-ротмистры, награждён орденом Святого Владимира 4-й степени. К этому следует добавить, что он был действительным членом Российского географического общества, адъютантом генерал-губернатора Западной Сибири, поручиком.

Как известно, Чокан ещё с детства, получив начальное образование в Кушмуруне, Сырымбете, стал проявлять большой интерес к прошлому родных мест, устному народному творчеству. Уже в те годы им были записаны образцы многих героических песен и поэм, таких как «Козы-Корпеш и Баян-сулу», «Едиге» и др. Он с малого возраста знал своих предков, как говорится, до седьмого колена. Особенно запали в душу юного Чокана поэмы и легенды о свершениях его прославленного прадеда Аблай-хана. На его мировоззрение огромное влияние оказали бабушка Айганым, отец Чингис.

В становлении Валиханова большую роль сыграла поездка в Китай. Храбрый путешественник, пытливый исследователь, первым из западных учёных он под видом купца проник, рискуя жизнью, в неведомую Кашгарию. А «Очерки Джунгарии», «Западный край Китайской империи и город Кульджа», «Дневник поездки на Иссык-Куль», «Записки о кыргызах», щедро снабжённые прекрасными рисунками, схемами и маршрутами, стали важными пособиями для учёных, военных, этнографов. Благодаря Чокану Валиханову учёный мир познакомился с величайшим памятником киргизского фольклора – эпосом «Манас». Он не только записал эту гигантскую поэму, но и сумел перевести на русский язык сложнейшую её часть – «Тризна Кокетая».

«... Не великая ли цель, не святое ли дело, – говорил ему Фёдор Достоевский, – быть чуть ли не первым из своих, который растолковал в России, что такое есть степь, её значение и ваш народ относительно России, и в то же время верно служить своей родине просвещённым ходатаем за неё у русских. Вспомните, что вы первый киргиз, образованный по-европейски вполне. Судьба же вас сделала вдобавок превосходнейшим человеком, дав вам душу и сердце».

Что и говорить, он всей душой любил свою Родину, землю, которая вскормила его, степные просторы, горы с вечными снегами на их вершинах, родных, близких, друзей, давших ему путёвку в жизнь, открыв широкую столбовую дорогу в мир.

Не будет преувеличением, если подчеркну, что как для меня, так и для моих старших товарищей Чокан Валиханов является в жизни настоящим примером. Кстати, когда я, посетив Вашингтон, встречаясь с генералами и офицерами Пентагона, рассказал о жизни и деятельности Чокана Валиханова, то они восприняли мой рассказ с огромным интересом, задавали множество вопросов. Честно говоря, мне было приятно, что люди в погоне далеко за океаном не остались равнодушными к жизни и деятельности нашего соотечественника. Такие чувства испытал и на немецкой земле, беседуя с офицерами бундесвера.

Фото № 12.

Фото № 11.

И мои педагоги были из плеяды людей, для которых крылатые слова: «Родина, долг, ответственность...» были смыслом жизни.

К тому же, изучая труды Чокана Валиханова, великих полководцев, приходил к мысли, что профессия – Родину защищать – имеет в обществе особое значение. Фильмы прошлых лет, а вернее советского периода, у нас, мальчишек, рождали добрые чувства ко всему, что нас окружало. Помнится, мы, сбегая из школы, по несколько раз ходили на одни и те же фильмы, в которых играли великолепные актёры Пётр Алейников, Марк Бернес, Борис Андреев, Николай Крючков, Вячеслав Тихонов. Они уводили нас в иной мир. И мы жили той жизнью, которая бурлила на экране. Поверьте, нынче сколько картин ни появляется на экране, однако после просмотра тут же забываются. Разве не являются гордостью герои известных кинолент «Офицеры», «Смелые люди», «Майор Вихрь», «Баллада о солдате»,

«В бой идут одни «старики», «Они сражались за Родину», «Освобождение»?! Ведь мы старались быть похожими на них. Именно сегодня молодежи не хватает таких патриотических фильмов.

До сих пор на слуху диалог из кинофильма «Офицеры».

Фото № 2.

– А что это за профессия?

– Родину защищать!

Разумеется, примером в жизни, выборе профессии для меня были дяди Нургали, Курмангали, Конкай, прошедшие трудными дорогами Великой Отечественной войны, конечно же, и отец Нурдаulet – труженик тыла. Подчеркну, что старшие поколения, завещавшие нам как зеницу ока беречь Родину, были настоящими людьми – простыми, доступными. Дети братьев отца – Есим, Касым, Баян, Жумабек, Гаухар, Сайран, Марлан, Сайлаубек, Галымбек, Мереке, Алтын, Сара, Алма, Сауле были такие же – отзывчивые, добрые. Я вращался среди этих мальчишек, девчонок, и правила поведения у нас были очень справедливыми. Мы, глядя на фронтовиков, как они трудятся, несмотря на свои ранения, слушая их воспоминания о боевом пути, друзьях-товарищах, строже относились к истинам, которые постигали в жизни.

«Река хороша в своих берегах...»

Со временем у меня укрепилась затаённая мечта стать офицером. По зову молодого сердца и я решил посвятить жизнь армии, которая была всех сильнее от тайги до британских морей. Конечно же, жизнь не стояла на месте. С образованием независимого Казахстана и созданием его Вооружённых сил мне посчастливилось участвовать в закладке, как говорится, первого камня в фундамент молодой армии, будучи главным редактором газеты

Фото № 5.

– Какая же это профессия? – недоумевал молодой комвзвода Трофимов. – У военных просто служба такая. Вот и всё...

– А я вот, представьте, всю жизнь гордился своим делом, – отвечал командир отряда. – И отец мой гордился, и дед. Другие гордились богатством или знатностью, а мы – профессией.

Министерства обороны РК «Казахстан сарбазы» – «Воин Казахстана», а затем пресс-секретарём министра обороны-начальником пресс-службы МО РК. Гордостью для меня и многих других было то, что мы служили под руководством первого министра обороны суверенного Казахстана, участника Великой Отечественной войны, Героя Советского Союза, Халык Кахарманы (Народного Героя), генерала армии Сагадата Нурмагамбетова. Время было нелёгкое. С распадом Советского Союза многие генералы, офицеры, прапорщики уезжали на исконную родину, а некоторые, оставшиеся в Казахстане, устраивались на «гражданке»: кто-то в охране, тот или иной находил себя в бизнесе, получая приличные деньги. В связи с этим в войсках чувствовался «голод» в военных кадрах, оголялся командный состав. Дефицит кадров сказывался на положении дел в частях, соединениях. Скажем, те же боевые самолёты в большинстве стояли «на приколе», некому было управлять. В войсках царил хаос, некоторые солдаты не хотели служить, дезертировали, не говоря уж и о других насущных проблемах. Чего было вдоволь – так это злорадства и оголтелой критики армии некоторыми средствами массовой информации. Как известно, люди в своей истории не раз переживали приливы нигилизма, когда в мутной пене такого прибоя исчезали благородные помыслы, идеалы – всё то, что формирует понятия «Родина», «отчий дом», «мать»...

Но и наша газета не молчала. Она вступала в полемику с теми, кто пытался заработать очки, извращая наше прошлое, очерняя настоящее, критикуя молодые Вооружённые силы. В каком состоянии наша армия, каков в ней человеческий фактор, в чём состоит подвижнический ратный труд генералов, офицеров, сержантов, солдат – и о других актуальных проблемах мы, военные журналисты, старались объективно рассказывать на страницах центрального органа Министерства обороны РК. Да, служба в те девяностые годы не сулила душевного спокойствия. Это почувствовали и мои корреспонденты, побывав в командировках в отдалённых гарнизонах, в том числе на таджикско-афганской границе, где воины-казахстанцы выполняли боевую задачу по охране южных рубежей Содружества.

Фото № 6.

Надо отдать должное генералу армии С. Нурмагамбетову, который с симпатией относился к творческой журналистской работе. Говоря о значении средств массовой информации, он неслучайно отметил роль изданий «Казахстан сарбазы» – «Воин Казахстана» и «Красная звезда» в своей книге «А в памяти нет тишины...». В ней есть такие строки: «Если коротко, то эти издания были моей опорой в повседневной служебной деятельности, образно говоря, и другом, и советчиком».

Пожалуй, и в дальнейшем руководство оборонного ведомства особое значение придавало деятельности средств массовой информации, зная и то, что именно представители СМИ наиболее остро чувствуют настроение людей, изменения и тенденции в обществе, в армии. Будучи уже в аппарате министра обороны, мы, работники пресс-службы в составе полковников Алтынбая Дауренбекова, Каира Дунбаянова, подполковника Абубакира Смаилова, старшего лейтенанта Меруерт Макашевой, нашли общий язык с братьями-журналистами разных изданий и телеканалов Казахстана. А строили отношения с ними на принципах максимальной открытости и заинтересованного партнёрства. Неудивительно и то, что наша пресс-служба среди 27-и служб министерств и крупных национальных компаний по итогам опроса среди ведущих журналистов оказалась в рейтинге в числе лучших. Опрос проводила независимая компания «Комкон-2 Евразия», а итоги опубликовала газета «Мегаполис» (№ 27 от 2002 года). Думается, надо отметить и тот факт, что этому способствовала команда пресс-службы МО РК – единомышленников-профессионалов, знающих цену безразличного отношения к каждому журналисту. А коллеги по перу в свою очередь стремились разглядеть в «серых» армейских буднях необычное, важное, а также умели заглядывать вперёд, пытались предугадать облик будущей армии.

Фото № 8.

Не боги, как говорится, горшки обжигают. Всё же благодаря опыту, мудрости Сагадата Кожамметовича Нурмагамбетова, а также целеустремлённости, самоотверженности генералов, офицеров, прапорщиков, солдат, сержантов, мы выстояли – казахстанская армия со временем приобрела свой облик. Участвуя в миротворческих операциях, завоевала авторитет на международном уровне.

Фото № 10.

Фото № 7.

Несмотря на все перипетии последнего времени, к счастью, в наших Вооружённых силах сформировались свои национальные кадры, не перевелись офицерские династии, в которых от отца к сыну, к внукам и правнукам передаётся любовь к этой героической профессии. Боевые традиции и офицерские династии – это духовный цемент, который скрепляет армейские ряды.

Что и говорить, нынче не стоит вопрос об избрании молодыми людьми офицерской профессии. А ведь было время, когда не все это воспринимали. Примеров тому – достаточно. Не могу забыть и тот нелюбезный разговор, состоявшийся у меня с родными и самыми близкими перед отъездом в город Львов для поступления на факультет журналистики высшего военно-политического училища. Тем более, что из моих родных так далеко и надолго никто не уезжал за пределы своей республики, за исключением прохождения парнями срочной воинской службы. В селе все на виду. Тайны не скроешь. Моё намерение стать офицером многие в селе не одобрили.

Мол, куда, зачем? На кой ляд ему офицером становиться? Удирает из родных мест. Нет у него гордости за своё село. Птица – и та всегда в одном краю гнездится. Захотелось ему покататься по белому свету, может, едет за красивой долей. Если так, пусть двадцать пять лет тянет лямку офицерскую...

Такие разговоры ходили из одного дома в другой. Не зря говорится: «Злые языки страшнее пистолета». Разумеется, обида подкатывала к сердцу, но я держался, не злился и никого не просил жалеть, как слепого кулёнка.

А отец хотел, чтобы я стал зоотехником или агрономом, как и некоторые мои односельчане. Профессии эти у нас были в почёте.

Директор совхоза, с которым я был в хороших отношениях (перед армией мне пришлось потрудиться помощником учётчика тракторно-полеводческой бригады в селе Жаркент), положив на моё плечо бугристую руку, разминая пальцами папиросу, негромко произнёс:

– А ты, сынок, отслужишь срочную, и возвращайся обратно в село. За совхозный счёт в институт пошлём. Нам специалисты позарез нужны, чужие-то негусто в наши края едут. Мы-то, фронтовики, не двуличные, нам о замене своей думать пора.

Я отрицательно помотал головой, пытался его убедить в том, что стране тоже нужны защитники.

Видя мою недовольную мину, директор добавил:

– Всё же покумекай над моими словами.

Горевала и моя бабушка Майра о своей несбывшейся мечте, чтобы я стал учителем.

До сих пор в памяти прощание с бабушкой, которая меня любила больше других. Подласковый бабушкин говорок я обнял её. И мне вновь захотелось стать мальцом и прижаться к её груди. Из уголков её глаз вывернулись слезинки, она вытерла их ситцевым платком. Затем печальным голосом произнесла: «Сапаржан, неужто не жаль бросать родные места, нас? Ведь, как говорится, река хороша в своих берегах, хорош человек в родных краях». Когда бабушка вновь заплакала, её стали успокаивать сын Кайролла, его милостивая супруга Зайра.

На зорьке, когда над селом хмурый рассвет осторожно выползал из-за горизонта, озаряя дома зыбким светом, я уехал. Старенький автобус катил по грейдеру. Я смотрел на бегущие телеграфные столбы, степные поля, на которых стояли дозором, как всадники, берёзовые колки, и мысленно расставался с юностью. По-разному она уходит от каждого, но почти всегда незаметно. Спыхватываешься однажды и обнаруживаешь, что юность твоя кончилась.

В конце концов, бабушка Майра Тлеубергеновна успокоилась, став получать от меня сердечные письма с львовским штемпелем. Хотя в своих письмах она нередко спрашивала: «Не обижают ли? Наверное, мёрзнешь, присылать ли тёплые вязаные носки, перчатки? Есть ли рядом земляки, парни-казахстанцы?». Хотя я был единственный из Казахстана, но успокаивал бабулю, что нас много.

Фото № 3.

Признаюсь, мне не хотелось жить по старинке, как коротали годы мои родители, повторять жизнь своих предков. Считал, что каждый человек – кузнец своей судьбы, и решил самоутвердиться без посредников, к тому же вдали от дома. Как гласит поговорка: «Человек без цели – что птица без крыльев», а у меня с детства была мечта стать военным журналистом. Призвавшись на срочную службу, с первых дней поддерживал тесные связи с редакцией газеты Среднеазиатского военного округа «Боевое знамя», кстати, позже, став офицером, работал в данном издании уже в качестве военного корреспондента, а потом начальника отдела. А до призыва в армию ещё со школьной скамьи сотрудничал с Володарской (ныне Айыртауской) районной газетой и изданиями Кокчетавской и Северо-Казахстанской областей. Они меня и рекомендовали для поступления на факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища, за что благодарен руководству данных изданий. Тем более, такой единственный факультет в бывшем Советском Союзе был именно в нашем училище. Отдавая себя учёбе, скоро и незаметно оказался втянутым в духовные, спортивные сферы жизни как училища, так и города.

Место службы – флот

Признаться, не понимал того, почему мои родственники опять стали переживать, когда меня после окончания училища направили служить офицером-моряком на Тихоокеанский флот. Ходила молва: «Что это его опять понесло на край земли? Мало ли места в бескрайней степи?». Им-то откуда было знать, что место службы офицерам не приходится выбирать. Направляют их туда, куда, как говорится, Родина прикажет. Неслучайно в советское время среди офицеров расхожим изречением было: «Дальше Кушки не пошлют, меньше взвода не дадут».

Фото № 4.

Военнослужащие – государевы люди, обстоятельства службы побуждают их по несколько раз менять место жительства, переносить все тяготы и лишения, бывать и в «горячих точках».

Говорят, пути Господни неисповедимы. Так и человеческие жизни. У всех они складываются по-разному. У одних – удачно и счастливо, у других не всегда благополучно. Мне повезло на флоте – я встретил добрых и отзывчивых людей. Командующий Приморской флотилией вице-адмирал Василий Тихонов, начальник политотдела контр-адмирал Василий Постников, его заместитель капитан 1-го ранга Анатолий Потапов были очень внимательны, особенно к молодым офицерам, оберегали нас. Они были прекрасными интеллигентными людьми, профессионалами, эрудитами. К ним можно было обратиться по любому вопросу, и они безотлагательно решали все проблемы. Мы, молодые офицеры, учились у них в первую очередь деловитости, трудолюбию, ответственности за порученное дело, штабной культуре. Не зря гласит поговорка: «Добрый человек придёт – словно свету принесёт». К великому сожалению, Василий Фёдорович Тихонов и Василий Сергеевич Постников погибли в авиакатастрофе, которая произошла 7 февраля 1981 года под Ленинградом. В тот злополучный день на борту «Ту-104» находились 50 человек, в том числе 13 адмиралов Тихоокеанского флота. Среди них и сам командующий флотом адмирал Эмиль Спиридонов. Как известно, даже за годы Великой Отечественной войны флот потерял всего 11 адмиралов – здесь же за один день не стало тринадцати!

Чувство глубокого потрясения я испытал от случившегося, находясь в отпуске. Переживая эту неожиданную весть, невольно вспомнил строки поэта Мандельштама: «Ах, боль, когда бы ни пришла, всегда приходит слишком рано». В память о Тихонове и Постникове как реликвию сохранил листовку, посвящённую мне, и письмо, подписанное ими в адрес моих родителей в знак чувства благодарности за хорошее воспитание сына.

Ведь вначале меня, как корреспондента, тоже планировали отправить в Ленинград, разумеется, с целью освещения сбора руководящего состава ВМФ, но в последний момент отставили, отправив в очередной отпуск. Ох уж этот «человеческий фактор»!

Судьбе я благодарен, так как не раз меня Всевышний миловал, оберегал от непредвиденных случаев. Помнится, будучи школьником, в дни летних каникул, работая вместе с дядей Кайроллой на сенокосе, однажды в знойную жару внезапно упал из открытой кабины его трактора «МТЗ-5». И, как назло, оказался под задним большим колесом, но, к счастью, Кайролла – опытный тракторист, не растерялся, мгновенно остановил свой «Беларусь».

В жизни порой выпадают дни, настолько насыщенные событиями, впечатлениями, что трудно выделить главное. Разумеется, бывают и непредвиденные обстоятельства, связанные с гибелью людей. До сих пор перед глазами взрыв, который произошёл на крейсере «Адмирал Сенявин». Хотя я там не служил, но мой флотский коллега-корреспондент газеты «Красная звезда» капитан 2-го ранга-инженер Леонид Климченко попросил вместе с ним посетить корабль и подготовить репортаж с артиллерийских стрельб. В тот день флагманский корабль Тихоокеанского флота выходил в море и молодые матросы после «учебки» должны были отрабатывать задачи, связанные с курсом стрельб. Новичкам было радостно и чутьточку жутковато. Ведь каждый из них чувствовал большую ответственность.

Чуть брезжил рассвет, когда крейсер, снявшись с якоря, покинул бухту. Курс – в заданный квадрат моря. На ходовом мостике, шурясь от ярких лучей восходящего солнца, стоял командир и думал о том, как успешно выполнить те задачи, поставленные руководством страны. Он перебирал в памяти события последних недель, которые были связаны с пребыванием на крейсере Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Леонида Брежнева и Главнокомандующего ВМФ страны, Адмирала Флота Советского Союза Сергея Горшкова. «Экипажу нашего крейсера оказано высокое доверие с честью встретить на корабле руководителя государства, теперь нельзя ударить лицом в грязь», – такими словами напутствовал капитан 1-го ранга своих моряков перед выходом на стрельбы.

Крейсер шёл заданным курсом, оставляя позади зелёные волны с белёсыми прожилками пены.

Мой коллега Климченко внимательно глянул на меня из-под бровей, озорно, по-мальчишески присвистнул.

– Ничего, братишка, будет хороший репортаж с борта именного крейсера! Только тебе надо сходить в штурманскую, пообщайся там с моряками.

Неожиданно по кораблю разнеслись переливистые трели колоколов громкого боя.

– Орудия зарядить! – прозвучала команда управляющего огнём.

– Товсь... Ревун...

И вдруг корабль содрогается от мощного взрыва, а не залпа. В башне главного калибра взорвался снаряд. Дым, огонь охватили крейсер. Погибли многие моряки, в том числе корреспондент Леонид Климченко.

Потрясённый страшным взрывом, я переживал за гибель моряков и за коллегу. Тогда те, кто остался в живых, сказали мне, что я родился «в рубашке».

Замечу, где бы ни служил, мне приходилось быть не только очевидцем исторической важности событий, но и писать о них. Например, вывода ограниченного контингента советских войск из Афганистана в феврале 1989 года, а на немецкой земле – объединение двух Германий в октябре 1991 года. Видел, как люди ликовали от радости, от долгожданного счастья.

Не раз поражался и беспредельной отваге, стойкости матросов, старшин, мичманов, офицеров флота, которые бороздили океаны, неся боевую службу вдали от Родины. Впрочем, тогда океанским был весь ВМФ СССР, и его флаг присутствовал на всех широтах мирового водного пространства. Я убедился: нести на плечах эту ношу могут люди, которые по своему характеру соответствуют той стихии, которой посвятили жизнь. Им были посвящены мои корреспонденции, репортажи, очерки, опубликованные на страницах газет «Боевой призыв», «Боевая вахта», «Красная звезда».

С теплотой вспоминаю своих дальневосточных коллег по перу – офицеров Александра Граборова, Владимира Барина, Александра Прасола, Сергея Доронина, Леонида Климченко, Анатолия Слобожанюка, Александра Клепикова, Анатолия Докучаева, Юрия Иванова, Григория Титаренко, Леонида Мрочко, Владимира Урбана, Сергея Ткаченко, а также мичмана Леонида Гузика. Не счесть путей-дорог, морей и океанов, по которым прошли военные журналисты. Их, настоящих профессионалов, дотошно-пытливых ко всему и внимательных в отношении к людям, хорошо знали в воинских коллективах. Они с гордостью писали о войнах, которые зорко и надёжно охраняли дальневосточные рубежи Отчизны.

Особую симпатию я испытал к жителям Приморского края. Сюда, к месту службы, ездил как к себе домой. Климат там здоровый, прекрасная природа – леса, море, озёра, реки. А вообще Приморье особенно красиво осенью, когда нет дождей, а на море – штиль. В это время ярко сияет солнце, неугомонно поют птицы, леса покрываются золотистым цветом. Качаясь на ветру, стоят, как красавицы-девицы, кедрово-широколиственные, чёрно-пихтовые леса. По кедром снуют дотошные белки. Пугая лесных обитателей, стучат по стволам дятлы. Порой в лесу можно было наблюдать и такую уникальную картину: тигры беззаботно забавляются со своими детёнышами.

В жизни каждого есть свой Учитель

Проходя службу в различных регионах бывшего Советского Союза и за его пределами, я не раз вспоминал свою школу.

Да, в жизни каждого из нас есть свой Учитель, которого невозможно забыть, рядом с которым, даже став взрослым и достигнув определённых успехов в той или иной области образования, науки, искусства, по-прежнему чувствуешь себя учеником.

У поэта Владимира Гундарева есть такие искренние строки:

... Учитель мой! Нам школа стала домом.
Мы вырастали, ну а ты – старел.
В полёт нас выпускал, как птиц с ладоней,
И вслед нам по-отечески смотрел.
Ты нашей благодарности не жаждал,
Не ждал письма к началу сентября,
Хотел лишь одного, чтобы мы однажды
Не подвели, учитель мой, тебя...

Ученичеству посвящены своего рода легенды, которые передаются из поколения в поколение. Одна из них гласит: перед смертью пророк Мухаммед передал дочери Биби-Фатиме косточку хурмы, сказав, что в поколениях его потомков появится великий святой по имени Ахмади. Учителем Ахмеда Яссави был Арыстан-баба, который и вручил своему питомцу заветную весточку от пророка.

Символическая косточка достаётся лишь тому, кто прошёл большой путь ученичества с честью и достоинством. Думаю, что мои учителя в своё время оправдали высокое доверие своих педагогов, пройдя этот путь добросовестно, будучи ещё их учениками.

Разумеется, мне никогда не забыть своих учителей, воспитателей Хамита Нурмановича Нурманова, Улжан Жанмухановну Жанмуханову, Маруар Жанмухановну Жанмуханову, Капена Молдагаиповича Молдагаипова, Сепена Смагуловича Смагулова, Кулпан Хайруллиновну Хайруллину, Зайкен Каскеевну Атыгаеву, Шарапа Жарбаковича Билялова, Нину Петровну Белокурову, Розу Какашевну Жанмурзину, Мереке Айтпаевича Айтпаева, Оралбека Габдулловича Касенова, Баян Оспановну Каримову, Дауылбая Файзуловича Саликова, Кадыра Ерденовича Капышева, Бибинур Болатхановну Исмагулову, Лилию Ивановну Мерц и многих других. Помню, конечно, свою первую учительницу Санию-апай – самую душевную и обаятельную. Они сеяли «добрые семена», были для нас настоящими наставниками. Славные имена моих педагогов до сих пор храню в уголке сердца.

В известной песне композитора А. Еспаева на стихи А. Шамкенова есть такие строки в подстрочном переводе на русский язык:

Оставленный вами след навечно
Рядом будет, как эхо,
Учитель, мой учитель.

Именно эти люди, я уж не говорю о родителях или близких, прививали нам, детям, чувства патриотизма, ответственности, прилежности, воспитывая не только теоремами и формулами, а личностью учителя. Ведь само слово «человек» имеет глубокий смысл и с санскрита переводится так: «чела» – «ученик», а «век» – «время», отведённое на учение.

Неслучайно великий Абай подчёркивал: «В ком господствуют чувства любви и справедливости – тот мудрец, тот учёный».

А главное – наши педагоги учили нас быть Человеком, чувствовать время, пространство, быть равнодушным к ближнему, понимать его душу.

Анализируя прошедшее с высоты сегодняшнего дня, с удовлетворением отмечаю, что проводимые ими уроки и различные мероприятия были нешаблонными, нестандартными, увлекательными, отличались своеобразием, искренностью и задушевностью. Да и общаться с педагогами было приятно, так как они располагали к себе с первого взгляда, и прежде всего открытой, доброй улыбкой. Их труд многогранен и вроде незаметен, хотя они служат Истине, формируя Добро, Красоту, атмосферу творчества в школе. Я их повседневный труд, отношение к детям сравнил бы с известным морским термином – ватерлинией. На борту каждого корабля прочерчена ватерлиния, и по тому как она расположена относительно поверхности воды, можно судить: правильно ли загружен, скажем, тот же крейсер, тральщик или обычный теплоход. Так и у школы есть своего рода ватерлиния, только она незаметная, вот в этом и заключается вопрос: чувствует ли эту незримую линию педагог, равномерно ли, без перекосов, чем и как он «загружает» умы и сердца своих питомцев.

Фото № 13.

Скажу откровенно, в то время учиться в школе было интересно, поскольку педагоги были мудрыми, опытными, со своими необычными для нас взглядами и представлениями. Среди них было немало приехавших по направлению после окончания высших учебных заведений. Многие обладали музыкальным талантом. Благодаря их инициативе, энтузиазму в школе были организованы кружки художественной самодеятельности, домбровые кружки. И между школьниками шла состязательная борьба за то, чтобы стать лучшим певцом, домбристом, баянистом... А те, кто становился победителем, конечно же, защищал честь школы на районных, областных и республиканских фестивалях. Помнится, был у нас мальчишка из соседнего села Егиндиагаш, звали его Кайранасом, казалось бы, на вид такой скромненький, а когда брал в руки домбру, то преображался, становился виртуозом. Неслучайно его не раз признавали лауреатом многих музыкальных конкурсов.

Виртуозностью отличался и баянист Коля Шишмарёв, который аккомпанировал выступлениям своих товарищей на школьных вечерах. Я у него учился музыкальному искусству. Помню, как он радовался, словно малое дитя, когда я стал играть на баяне различного рода вальсы, эстрадные песни. Радости Николая не было предела, так как я стал заменять его на школьных вечерах, зато у него появился шанс почаще приглашать на танец любимую девчонку Шолпан. Глядя на меня, Коля одобрительно улыбался, мол, подольше играй вальс. Ему чертовски хотелось понравиться любимой. Коля временами что-то пытался шептать ей на ухо, миловидная девчонка, кокетливо мотнув длинной косой, краснея, понимающе улыбалась. Тем более, Николай знал, что есть немало парней, которые пытались ухаживать за ней. А она всем давала от ворот поворот. Действительно, она была красавицей, комсомолкой, активисткой, спортсменкой.

Фото № 9.

Николай через меня передавал ей записки и с нетерпением ждал вечеров.

В этой связи не могу не сказать добрых слов в адрес моей обаятельной одноклассницы Гульнары, которая тоже прекрасно пела, энтузиастка была в спорте, в общественной жизни школы. Со временем она стала моей супругой, настоящим боевым другом, верным спутником, надёжной опорой, мамой наших сыновей. Я безмерно благодарен ей за душевную теплоту, за стойкость и выдержку, за умение подать пример другим женщинам, как надо крепить офицерскую семью. Везло в этом вопросе, к сожалению, не всем. Были жёны, которые не хотели уезжать из тёплого, уютного родительского дома в какой-то другой отдалённый гарнизон, в итоге – семья распадалась. Хотя и у нас жизнь спокойной не была. Надо отдать должное Гульнаре Кажиякпаровне, которая не побоялась трудностей, уверенно шла туда, куда меня направляли по службе, как говорится, куда иголка – туда и нитка. Находясь в дальних гарнизонах, она уяснила для себя, что жена офицера не должна быть только прекрасной кухаркой, варить, печь, шить, но прежде всего быть педагогом, воспитателем. Словом, быть психологом, доброй советчицей не только мужа, но и детей. Кстати, она пользовалась большим авторитетом, добросовестно выполняя общественную работу. Участвовала в проведении тех или иных мероприятий, поддерживала и оказывала помощь молодым семьям. С неё брали пример. Думаю, что есть чему учиться жёнам военнослужащих казахстанской армии. Так, в условиях гарнизонной жизни Гульнара освоила не только секреты ремонта квартиры, домашней электротехники, но и азы медицинской помощи в экстремальных ситуациях. При этом, создавая уют в доме, она и себя не

забывала: достойно выглядеть, уметь наряжаться, быть красивой. В этом плане уместно привести пример героини произведения известного писателя Джека Лондона, в котором есть одна замечательная маленькая хозяйка, при встрече с которой все отмечали: вот они, Красота и Характер в одном лице. Так и тут.

Фото № 15.

Я нередко вспоминаю годы офицерской службы вдали от дома. Как ранее сказал, она штилем не баловала, но главное в жизни для нас, для всей нашей семьи и рода нашего были высшими идеалами: Родина, долг, честь. Может, потому по моим стопам пошли сын Тимур, племянники Жасулан, Асет, Даулет, Мадина, Жандос, став офицерами, а Бауыржан и Эльмира избрали службу на контрактной основе.

Скажу больше – судьба дарила нам счастливые случаи встречаться на жизненном пути с прекрасными, одарёнными людьми, познавать искусство, музыку, начиная со школьной скамьи. На самом деле, когда вечерами проводились танцы, звучала музыка, сельские улицы оживали, а у людей поднималось настроение.

Высок был авторитет и у школьного домбрового оркестра.

Бескомпромиссно шла борьба и на спортивных площадках. Футбольные, волейбольные, баскетбольные команды школы не уступали первенства на различных соревнованиях. И на зимних играх нашу дружину лыжников знали как лучшую. Своими спортивными достижениями блистали мои одноклассники Райхан Кошенова, Гульнара Байбакишева, Фая Тайжанова, Зина Дюсенбинова, Бекет Кокушев, Иван Серков, Владимир Витигер, Канат Макашев, Сабит Жакенов, Мурат Кожаметов, Шота Жамисhev и др.

Одноклассники принимали участие и в хозяйственной деятельности села, школы – помогали труженикам в уборке урожая, озеленении населённых пунктов.

Неслучайно говорю об этом, ведь мы в творчестве, спорте, самосовершенствовании, здоровом образе жизни видели её красоту. Красота, на мой взгляд, это вечный зов к новому, она даёт жизненную силу человеку. Ещё Фёдор Достоевский надеялся: «Красота спасёт мир», ибо понимал, что потребность красоты и творчества, которое её воплощает, в единстве с человеком. За красотой – Истина и Добро. Красота связана и с природой. А природа учит нас находить блаженство в Истине.

Точно красоту природы подметил великий русский поэт Фёдор Тютчев:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик –
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

Вот о чём нам не следует забывать ныне, в условиях рыночных отношений.

Что и говорить, проходят десятилетия, сменяются поколения, вспыхивают сомнения, прошлое подвергается переоценке. Нынче молодёжь забывает известную народную поговорку: «Век живи – век учись», увлекаясь Интернетом, компьютерами, не обращаясь к серьёзным книгам, литературным классикам. Конечно же, нет сомнения в том, что компьютеры, Интернет нужны для работы, но в них много отрицательной информации, к

Фото № 14.

тому же развлекательного характера, что зачастую не приносит пользы для души.

На мой взгляд, нельзя забывать о том добром, прекрасном, что было создано нашими предками – отцами, дедами. Именно они завещали: хранить природу, древо вечного искусства в пойме священной нашей реки, сказав, что это песенная колыбель всего народа и чистые корни нашей духовности.

Конечно же, школа, как крыша родного дома, не забудется никогда, педагоги – великие труженики, они всегда будут для нас ярким примером.

На снимках:

1. Очередной новый учебный год, первый звонок в Сырымбетской средней школе имени Чокана Валиханова. 1965 г.

2. Дружный и весёлый класс. 1968 г.

3. Годы учёбы в училище. Рядом с автором – однокурсник сержант Григорий Титаренко, г. Львов. 1972 г.

4. В морском походе. Японское море. 1981 г.

5. Идёт обсуждение очередного номера газеты. Слева направо: капитан Косай Абраимов, подполковник Владимир Бавтуто, полковник Сапаргали Жагипаров и старший лейтенант Сандибай Кумисбеков. Редакция газеты МО РК «Казахстан сарбазы» – «Воин Казахстана». Алматы, 1997 г.

6. Журналисты Сапаргали Жагипаров и Кенжебек Сейтмухаммедов у воинов-казахстанцев, охраняющих южные рубежи Содружества на таджикско-афганской границе. Горный Бадахшан. 1996 г.

7. Автор с участниками Великой Отечественной войны и нынешними воинами. В центре: дважды Герой Советского Союза, фронтовой лётчик, генерал-майор авиации Талгат Бегельдинов.

8. После завершения одного из этапов учения Президент страны – Верховный Главнокомандующий Вооружёнными силами даёт интервью представителям СМИ. 1997 г.

9. В редакции газеты «Красная звезда» – центрального органа Министерства обороны Российской Федерации. Обмен опытом. На первом плане: главный редактор данного издания полковник Николай Ефимов. г. Москва, 1998 г.

10. Первый министр обороны суверенного Казахстана, генерал армии Сагадат Нурмагамбетов – всегда желанный гость среди воинов-казахстанцев. г. Астана, 2002 г.

11. Знакомство с крупным полиграфическим издательством. Штат Флорида, г. Тампа, 1999 г.

12. Визит казахстанских военных журналистов в США. Встреча руководителя делегации С. Жагипарова со специальным помощником шефа бюро Национальной гвардии господином Даном Донохю. г. Вашингтон, 2005 г.

13. Военная делегация ВС США (Центкома) под руководством полковника Кинга Баррета (в центре) в Казахстане. г. Алматы, 2006 г.

14. Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Казахстане Михаил Бочарников вручает российскую медаль полковнику Сапаргали Жагипарову. г. Астана. 2007 г.

15. Встреча Главы государства Нурсултана Назарбаева с молодыми военнослужащими-авиаторами. На первом плане: беседа с пресс-секретарём Главнокомандующего Силами воздушной обороны ВС РК капитаном Тимуром Жагипаровым. Акмолинская область, п. Акмол, 2010 г.

Фото из семейного архива автора.

г. Астана.

Раиса БИКМУХАМЕТОВА,

член Ассамблеи народа Казахстана,
председатель правления Северо-казахстанского
областного татаро-башкирского центра «Дуслык»

Все мы — дети Земли

Мы ехали в «АЛЖИР». Нет, это – не государство, что на севере Африки... Это – бывшая страна в стране по имени ГУЛАГ, что находилась в нескольких десятках километров от Акмолы, в голой казахстанской степи на «семи ветрах».

«Акмолинский лагерь жён изменников родины» – вот так расшифровывается аббревиатура «АЛЖИР». Мы ехали молча, как бы примеряя на себя этот страшный путь к человеческому унижению и гибели. Хоть и минуло с тех пор более 70 лет, но жутковато было на душе. И вроде степь не такая голая, повсюду – обустроенные посёлки и асфальт ровный, по которому мчался наш автобус, а вместо Акмолы выросла новая прекрасная столица Казахстана – Астана, куда приехала наша североказахстанская делегация на очередную сессию Ассамблеи народа РК.

За день до начала работы сессии наши шефы организовали интересную экскурсионную программу, которая и начиналась с «АЛЖИРА».

Проработав много лет в телевизионной журналистике, я занималась изучением материалов массовых политических репрессий, записывала интервью с детьми погибших, а также – депортированными, ссыльными, было снято несколько фильмов на эту тему. Но то, что мы увидели здесь, потрясло всех. От лагеря сохранился лишь один товарный вагон, в котором перевозили женщин и детей.

Все бараки были снесены в годы освоения целины. Так вот, этот единственный вагончик с нарами, 1926 года выпуска, рассчитанный на 40, перевозил по 70 человек. Бесценная музейная редкость. Заглянув внутрь его, теряешь чувство времени. На нарах лежит муляж женщины в фуфайке, платке, валенках и смотрит на тебя. Застывший взгляд, ужас и безысходность в её глазах, в буквальном смысле слова, пронзают душу. Я не смогла, не посмела повернуть к ней фотоаппарат и сделать снимок.

Затем нам показали документальный фильм, музейные экспозиции, фотографии и проводили к бесконечно длинной чёрной мраморной стене-мемориалу. Фамилии, имена женщин и детей – целые семьи разных национальностей. 8 тысяч замученных и безвинно загубленных жизней со всего великого могучего Советского Союза в холодной казахстанской степи.

А если сюда прибавить ещё и жертвы карагандинских лагерей, петропавловских пересыльных тюрем, да плюс тысячи и тысячи депортированных с Кавказа, из Западной Украины, с Поволжья, Дальнего Востока – вот и получается почти полный семейный портрет казахстанцев.

В те безжалостные годы люди разных национальностей, став врагами народа, оказались здесь не по своей воле. Они до сих пор с благодарностью вспоминают о том, как казахи оказывали им помощь, делились питанием, жильём, теплом, чтобы не дать исчезнуть. Для многих Казахстан стал второй родиной, здесь родились и живут их дети и внуки.

Более 130 представителей различных этносов насчитывает сегодня казахстанская семья. Десятилетиями люди трудятся на этой земле, живут мирно, уважая друг друга.

Выступая на 15-й сессии Ассамблеи народа РК, Президент Казахстана Н.А. Назарбаев уделил этому вопросу особое внимание. Он сказал: «Единство народа

Казахстана держится на трёх столпах. Во-первых, это наша общая история. Из её драматических страниц важно извлечь необходимые уроки, не повторяя ошибок. Во-вторых, это общие для всех казахстанских этносов ценности. Мы вместе создаём огромное культурное наследие, разделить которое невозможно. И, наконец, третья опора – это наше общее будущее. С обретением независимости казахстанцы сообща сделали свободный выбор собственной судьбы. У нас будет всё, если мы передадим своим детям и внукам чувства дружбы и братства, доверия и толерантности».

В своём выступлении Н.А. Назарбаев проанализировал деятельность Ассамблеи, которая сыграла важную роль в истории страны как главный механизм межэтнического и межконфессионального согласия, и поблагодарил тех, кто поддержал президента в то непростое время.

Действительно, это оказалось очень ответственным – возглавлять национальный центр в эпоху становления нового государства. Мы были своего рода полпредами в регионах. Мы разъясняли людям о нововведениях в политической жизни, встречались со своими диаспорами, выходили на общегородские митинги, помогали людям, растерявшимся под тяжестью социальных невзгод.

Я горда тем, что всегда была в команде нашего Президента, и мы способствовали сохранению мира в своём регионе, а значит, во всей многонациональной стране.

«Это были годы, когда принимались важнейшие решения, от которых зависел дальнейший путь нашего государства, и один неверный шаг мог существенно изменить траекторию движения страны», – писал Н.А. Назарбаев, вспоминая то время.

В 1995 году в Алматы состоялась первая сессия Ассамблеи народа Казахстана. Помню, как бурно и неоднозначно обсуждались вопросы, как мы учились слышать и понимать друг друга. Казахи, русские, немцы, корейцы, татары, уйгуры, поляки и т.д. – таким многоязычным и богатым предстал собирательный образ казахстанца.

И на каждой очередной сессии главной темой разговора было укрепление национального единства, безопасности и дальнейшего развития страны.

За прошедшие годы АНК выполнила свою основную функцию, способствуя эволюционному развитию и динамичному продвижению Казахстана в новых условиях. Опыт работы Ассамблеи народа Казахстана широко известен за рубежом.

«Дружба и единство нашего народа – основное условие поступательного развития страны, – сказал в заключение Н.А. Назарбаев, обращаясь к членам Ассамблеи. – Мы живём в эпоху, когда все страны тесно взаимодействуют. Кризис, который охватил весь мир, ещё не закончился. Трудности, приобретшие глобальную окраску, могут вернуться. Поэтому, сохраняя наше самое большое богатство – независимость, для укрепления государства нам в первую очередь нужно единство!».

И как всегда, в зале, а это происходило во Дворце Мира и Согласия, сидели представители всех этносов страны, руководители национально-культурных центров, депутаты парламента, члены правительства. А в заключение был дан яркий праздничный концерт, и зазвучали ритмы всего многонационального Казахстана. Плядя на эту светлую, позитивную сцену, думалось о добром и тёплом доме, в котором мы живём, о надёжном будущем наших детей и внуков.

И вновь вспомнилась долгая степная дорога, по которой в разные годы съезжались в Казахстан люди, где обрели свою родину. Благодаря уважению друг к другу и взаимопониманию, мы все вместе строим новую жизнь.

Потому что все мы – дети Земли!

г. Петропавловск.

Ирина СТРУГОВА

(Продолжение. Начало в №№ 7-8 за 2012 год)

26 июля 1996

Провела два замечательных дня с Дериком. Поехала позавчера автобусом в Портланд. Езда на автобусе обогащает меня знаниями о простых американцах. В этот раз я всю дорогу беседовала с водителем. Напомнил мне Володю Ереминова. Удивительно, как типы людей иной раз схожи. Бывший шеф-повар. Бросил работу по настоянию врачей. Говорит, не всякий человек может выдержать работу у плиты. Это правда. Когда же я сказала, что мой сын хочет стать поваром, он вдруг спросил, в каком месяце и какого числа Митя родился. А потом уверенно: “Май, 7-е – будет хороший повар”. Тут он говорил ну точно как Володя, когда тот иногда утверждает что-нибудь абсурдное с блеском в глазах. Сказал, что никогда не был женат и доволен этим, потому что он родился 9 октября, и для людей этого числа женитьба – катастрофа. Мой бедный Валерик, хоть бы это не было правдой!

Видела в автобусе пару очень чёрных людей с четырьмя маленькими детьми. Удивилась благородству их внешности и красоте. Явно не из Штатов. Может быть, тоже заманили их сюда, и через несколько лет работы где-нибудь на кухне эта изящная, как статуэтка, женщина с открытыми благородными манерами превратится в согнутую измождённую рабыню. Ну вот и следующая картинка. В автобусе кого-то вырвало, и шофёр позвал уборщицу, необыкновенно красивую женщину, возможно из Эфиопии, со множеством косичек, одетую в фиолетовый хитон. Она убирала пол и двигалась как королева. Все мы тут – принцессы и королевы, принцы и короли – моем полы и убираем рвоту.

Только что говорила по телефону с Марусей. Она, оказывается, не знала, что вчера в Атланте взорвалась бомба и что полиция знала о взрыве за полчаса, т.е. они получили тел. звонок, что в парке бомба, и что через 30 мин. эта бомба взорвётся. У них было 18 мин. после того, как бомбу обнаружили, и всё-таки одна женщина была убита (ах какая “ерунда”) и много раненых. Она убита, и никто её не сможет вернуть. Её дети, её близкие безутешны (ах какая “ерунда”). За 18 мин. эту бомбу могли легко обезвредить, но запутались в инструкциях. Маруся так и сказала: “Они же monkey (мартышки)”.

А потом она сказала мне, что тот человек, который поставил грузовик около Бон Марше, и все подумали, что там бомба, потому что это был большой предмет и надпись The bomb (бомба), осуждён на 10 лет. Меня это удивило и очень расстроило. 10 лет тюрьмы сумасшедшему художнику, который просто похулиганил. Конечно, ему следовало дать большой штраф и, может быть, пару лет тюрьмы. Они посылают его на гибель. Как раз к этому случаю и программа по телевизору, которую мы с Митей только что закончили смотреть. Показывали тюрьмы и говорили люди, просидевшие в тюрьме 10, 20 и даже 40 лет. И почти все они были сначала осуждены только на несколько лет или даже месяцев. Но тюрьма побуждала их к новым преступлениям, часто совершаемым в виде самозащиты от закоренелых, надолго осуждённых преступников. Вот так. Ужасно жаль всех. Надо бы припомнить или спросить Володю, что случилось с тем немцем, который посадил самолёт на Красной площади. Он тоже был хулиган. Пришла в голову очередная бредовая идея написать воззвание за снижение срока наказания этому горе-художнику.

Кстати, это, оказывается, был он, кто однажды ночью подъехал к молотобойцу у музея искусств в Сиэтле и приковал его цепью к огромному камню. Я помню, какое это произвело на меня впечатление. Как какое-нибудь выступление Солженицына или Сахарова в былые времена. Я, помню, сказала Деррику: “Это смело сделано”. Он согласился, и мы думали, что это сделали сами скульпторы статуи молотобойца, но потом и цепь, и камень исчезли. Я решила, что, разумеется, не разрешили держать памятник художнику-рабу. Но вот сейчас я узнала, что это была просто проделка этого парня. Я думаю, что он заслуживает сражения за него. Посмотрим, как это легко в свободной стране.

30 июля 1996

Маруся спросила меня, зачем мы сюда приехали? Я знаю, что, может быть, они будут проклинать меня за то, что я привезла их сюда. Я, а не их отец, они это знают. Я ходила на демонстрации протеста в Москве, и меня чуть не арестовали. Всё я. Да, однако я стараюсь им объяснить, что иначе было бы хуже. Пусть я стала жертвой обмана и иллюзий, зато они всё уже с детства знают. Здесь надо пожить и помучиться, чтобы понять, а поняв, надо не молчать и не лгать, надо кричать и кричать против американского Мифа и Мифа о деньгах.

Кричать о лжи, быть Кассандрой и быть сожжённой: “Провидцев, впрочем как и очевидцев, во все века сжигали люди на кострах”? Может быть, правильно делали, что сжигали. Кто знает? Однако почему потом, по прошествии времени, люди воспевают их как героев? Почему слова Горького: “А вы на земле проживёте, как черви слепые живут, ни сказок про вас не расскажут, ни песен про вас не споют” завораживают и зовут к подвигу. Почему? И никому не хочется, чтобы эти жестокие слова про червей были обращены к нему. “Безумству храбрых поём мы песню”?

“Да, это всё так”, – ответит мой рациональный сын Валерий, но: “Ты лучше, мама, помолчи, ты мне няньку поищи”. И мама приводит к сыну кошку. И кошка съедает глупого мышонка. Ах, всё это глупости.

Вчера первый раз в жизни пошла на пляж одна. Всё хочу приучить себя жить одной. Было хорошо, но странно. Люди вокруг какие-то дикие. Один парень весь в татуировках, в туфлях и брюках, спущенных до середины зада, прыгнул в воду, почти оттолкнувшись от моей головы. Ему было мало места вокруг или просто хотелось как-то оскорбить меня. Здесь они оскорбляют вот так, что даже и не скажешь ничего, потому что всё на некой грани.

31 июля 1996

Вчера Фейт пригласила меня в какой-то очень фешенебельный ресторан. Это в её стиле, и еда была в её стиле, безвкусная и дорогая, и очень мало. Мне забавно смотреть, как она восхищается холодными варениками с картошкой. Вареники должны быть горячими и со сметаной, и тесто должно быть тонкое. Она ела, как всегда помогая себе пальцами. Это странно, ведь они видят, как едят другие (кто?). Здесь ножом и вилкой пользуются только рабы из других стран, разные африканские принцессы, убирающие грязные уборные. Вот такая путаница в Америке. Так называемые высшие сферы едят руками, ходят без штанов и кладут ноги на стол. Так появилась преемственность, традиция. Дети принцесс будут богаче и постараются забыть “рабские манеры” своих родителей.

В журнале “The New Yorker” замечательный рассказ. Стала читать и сразу будто Тургенев или Бунин. Нет, только Тургенев, и там, где он о любви. Посмотрела – автор вроде не русский. Заинтересовалась ещё больше. И совсем удивилась, прочитав:

«Когда вам целовали руки? И если целовали, то как вы узнали, что он делает это хорошо? Или того лучше, когда кто-нибудь писал вам, что он целует ваши руки? Здесь мы имеем аргумент самоотречения. Если мы знаем больше о потреблении, они знают больше о желании. Если мы знаем больше о числах, они больше об отчаянии. Если мы знаем больше о бахвальстве, они знают больше о памяти. У них принято целовать ноги, у нас – сосать большой палец на ноге. Вы всё ещё предпочитаете нашу систему воспитания? Вы, возможно, правы. Тогда примите более простую формулировку: «Если мы знаем больше про секс, они знают больше про любовь». Вот это да!

2 августа 1996

Сегодня Маруся привела своих собак к нам, потому что в её квартире проводилась так называемая инспекция, и хотя их приняли в эту квартиру с собаками, но через месяц сказали, что дают два дня на их удаление. Такие подлости творятся здесь часто. Сначала я хотела сдать и просила Марусю убрать куда-нибудь псов. Но она так за них борется, что и я решила поддержать её. В связи с этим у нас было прекрасное утро втроём и с целым зверинцем. Слушали Аллу Баянову. «Две гитары за стеной» – Маша помнит эту песню. И почему так грустно, спрашивает? Это тоска по Родине? А в России всё равно эта тоска, ведь она и пришла из России. Это наше, русское, внутреннее чувство – тоска. Может быть, мы тоскуем по той далёкой родине, о доме, где всем хватит места и где не будет страданий. Здесь нет этой тоски, по крайней мере незаметно. А может быть, их одиночество и их слёзы за закрытыми дверями есть то же самое?

Позавчера была в кафе «София», куда меня пригласил Коля Соколов на выставку своих картин. Я подобрала этого Колю на улице. Интересные картины. Чем-то напоминает Чурлениса, но только теплее. Тоже очень музыкальны. У него мама в Мурманске музыкант. Маша взяла своих двух псов, и мы пошли в кафе. Кафе старомодное и выглядит необычно прилично. Потом Чак сказал нам, что там раньше было место поминания усопших. Я заметила, что здесь места погребения довольно приличные. Пришли. Коля сидит в баре с видом отрешённого поэта, пьёт что-то и курит. Тоска в лице необыкновенная, русская. Играет джаз, бас рвёт струны, виолончель тоже, и тренькает душераздирающе пианино. Душераздирающе не в смысле грусти, а в смысле полного отсутствия мелодии и гармонии. Звуки века. Головная боль усилилась. Вдруг Коля сказал, что пойдёт к пианино сам. Я спросила, что будет играть. «Я сам сочиняю». – «О, Боже, – сказала я. – Опять моя голова должна разрываться. Сыграй что-нибудь русское». Он мне: «Хоть я и сам сочиняю, но я ведь русский». И правда, его игра доставила мне удовольствие и успокоение. Потом он познакомил нас со своей женой Элизабетт. Такая востренькая девица, смелая снаружи, но, видимо, робкая внутри и довольно беспомощная перед ним. Трудно понять, что за брак у них. Может быть, тоже, как и его английский паспорт, который он купил за 400 долларов, всё фиктивное. Но они вполне могут любить друг друга. Оба артисты. Вначале на пианино брэнчала она. Маруся смотрела на них с восхищением, слушала Колю с грустью. Мне интересно, неужели её не тянет к скрипке? Она играла божественно, но никогда по-настоящему не любила ни играть, ни слушать классику, которую так хорошо играла.

Вчера, когда лежала и болела, Митя включил «Реквием», и мы оба слушали. Это замечательно, что он любит музыку. Я сказала ему, что для меня музыка всегда значила очень много – это мой мир, это моя самая сильная любовь, помимо людей, я думаю, музыка – это Любовь в чистом виде. Митя посмотрел на меня с сожалением и сказал: «И ты никогда не играла ни на каком инструменте, потому что боялась испортить?». Да, это правда. Это я ему когда-то открыла секрет моей музыкальной, нотной безграмотности.

8 августа 1996

Сейчас чувствую себя почти святой. Только что закончила урок с Дион (чёрная девочка). Перед уроком считали с Митей деньги, и я сказала, что после урока получу, как всегда, 10 долларов, и мы сможем купить сыр и ещё что-нибудь, потому что у меня были чаевые сегодня – 3 доллара. Но увы и ах! Мать девочки сказала мне, что у них сейчас совсем нет денег, и она не может заплатить за урок. Ну что же, это ничего, и не впервые. Но в отличие от других, кто был богат и избегал платить, эти люди бедны и, кстати, раньше всегда безупречно платили, даже когда отменяли урок. Так что я не святая, а стараюсь отдать то, что в своё время получила от других. И мне делали бесплатно. Бен, особенно Бен. Он такое для меня сделал! Он вернул мне Митю. А в Москве и не сосчитать людей, делавших мне бескорыстно добро. Вот и отдаёшь с большой радостью.

11 сентября 1996

Что произошло за эти дни? Уже был в прошлую субботу наш поэтический клуб, потом “Афинская школа”. Это я по примеру Жоры веду занятия для американцев, дабы прославлять нашу русскую культуру. В пятницу у меня была лекция по заказу Форреста о лидерах и лидерстве. Готовилась в отеле, убирая туалеты.

Интересно и почти чудесно с этой лекцией то, что через несколько дней после моей предыдущей лекции, т.е. когда Форрест изъявил желание поговорить о лидерстве, я нашла в мусорной корзине в одной из комнат журнал (это, как они сказали, журнал для учёных) с огромным эссе на тему “Лидеры и лидерство”. Удивительно. Журнал за 1994 г. Мне и тогда показалось, и сейчас кажется это странным. Также странным показалось, что когда в день моего рождения мы с Дериком гуляли в университетском районе, наткнулись на распродажу старых книг – 25 центов любая. Обычно я не очень обращаю внимание на такие распродажи, потому что, как правило, это чепуха. Но тут я остановилась, и первая книга, которую я увидела, была книга Макиавелли “Принц”. Вот так. Когда я им рассказала об этом, они (зал был забит, как выразился Митя) тоже удивились, а Форрест пошутил, что это он подбросил мне в мусорное ведро тот журнал. Пришли в этот раз Хоганы, принесли на своей тарелке немного сыра Бри. Точно на два человека, шесть-восемь крекеров и шесть-восемь слив. И ещё бутылку вина. Я так думаю, что у них здесь принято приносить и еду и вино только для себя персонально. Форрест обычно приносит открытую бутылку вина. Ирина Дюфей принесла тоже бутылку вина, которую я, видя уже две принесённые бутылки, унесла на кухню и вообще не дала им. Только сейчас после 9 лет жизни здесь мне вдруг пришло в голову, что я нарушала их правила и традиции. Я помню, как Синди принесла однажды вино, и когда мы его не допили, она забрала бутылку с собой домой. Вот так. А я им давала по нашим обычаям еду на всех и ещё давала с собой пирожки или что-нибудь. А, видимо, надо ставить стакан чая для себя и не предлагать им, и пусть пьют и едят каждый своё.

Так было однажды в русском клубе, когда мы только приехали. Нас было много за столом (тогда мы ещё были с Димой), и все пили своё, принесённое спиртное и ничего не ели. Я помню, попросила Диму купить еду на всех, и он купил, хотя мы тогда жили на милостыню. Надо было видеть, как они набросились на эту еду. Я думаю, что сейчас я бы ни за что не стала покупать еду для людей, имеющих по два дома и по десять машин.

Они думают, что деньги и богатство определяют цивилизованных людей. А вот такую картину, как я наблюдала сегодня, ожидая автобус, я ни разу не видела в России. Здесь же это обычное явление. Напротив через улицу, у стены, вижу, сидит женщина на асфальте в позе явной прострации. Сначала я не обратила внимания, ну подумаешь, невидаль, пьяная или под наркотиками. Но вот,

вижу, она встаёт. На ней дорогая одежда, туфли, платье. Хорошие волосы, не запущенные, деликатные руки и ноги. Она смотрит с ужасом на свою юбку и обирает невидимых существ с подола, как можно отряхивать мышей или насекомых. Пальцы дрожат и сжимаются в судорогах. Лица не видно, потому что длинные золотые волосы закрывают его. Потом она начинает собирать разбросанные вокруг вещи, бельё, платья. Застывает на пять минут в одной полусогнутой, удивительно скорбной позе, потом опять собирает в мешок, потом опять разбрасывает. Вот она взяла ремень и пробует его растянуть. Опять застывает. Потом берёт какие-то огромные фиолетовые штаны и трясёт их, стараясь найти перед, потом озирается вокруг и начинает надевать их под юбку. Вот так. Кто она? И почему в таком положении? И никто, даже я, не подойдёт и не поможет ей. А потом она, может быть, повесится на этом ремне. Что происходит с людьми? Я не представляю себе, чтобы в России люди так равнодушно наблюдали такую душераздирающую сцену.

Сегодня пришли на урок мои прежние студенты-друзья: Кетлин и Ирина Дюфей. Я сказала им, что хотела бы иметь хотя бы 20 долларов за час и напомнила, что раньше они мне платили меньше, чем 10 долларов за час, потому что я давала им по полтора часа за встречу, а платили они 10 долларов за встречу. Конечно, когда их было трое (с Джоном), это было неплохо, но ведь потом они перестали ходить втроем, а продолжали платить всё те же 10 долларов. Они закивали согласно, но в конце урока оказалось, что Кетлин не имеет с собой денег вообще и нет чековой книжки даже (как Дерик тогда шёл покупать кровать без чековой книжки. Возможно, это опять же их традиция). Ирина же, конечно, гораздо порядочней других, и дала мне десять долларов наличными, но при этом так странно улыбалась, то ли порицая меня за меркантилизм, то ли стыдясь прошлых недоплат. Она, кстати, имеет три моих картины, хорошие картины: портрет Жени в чёрной шляпе, портрет Анны Нельсон и букет фиолетовых цветов. Я не дарила этих картин, кроме букета цветов, а дала на время, потому что она их хотела, но, как сказала, не могла позволить себе купить их.

После урока Кетлин поразила меня известием, что ей предложили преподавать русский язык в школе. Это частная школа. Вот так у них здесь нанимают на работу в школе. Как же она может учить, если она меня спрашивает, как это делать, и если она ни одной почти фразы не может сказать без ошибок. Она говорит неплохо, но с ошибками. Она не знает грамматики. А меня нигде не принимают обучать детей русскому языку. Ирония судьбы. Или, как Митя сказал: "Друзей надо иметь". А я от них уехала. Будем надеяться, что эти мои новые помогут моим детям. Но думаю, что нет. Что им мешает помочь мне, если они друзья? Но Кетлин и не подумала, как мне обидно объяснять ей, что и как делать с детьми во время урока, во время обучения их русскому (не английскому) языку. Я объясняла ей по-английски, как учить детей русскому языку, потому что она не понимает сложные предложения по-русски. Парадокс. «И гений парадокса друг» – может быть, это имел в виду Пушкин.

Неделю назад приезжала Алина со своими девочками. Мы гуляли в парке. Митя всё время был с Мартиной. Она красивая и, видимо, хорошая, добрая девочка.

Мария и Педро решили изучать Библию и историю мировой культуры и философии со мной. Сначала я думала, шутят. Но вот уже два воскресенья приходят и слушают внимательно, как прилежные ученики. Митя сидит с ними. Было смешно, когда я упомянула Черчилля и оказалось, что только Митя знал, и то приблизительно, кто такой был Черчилль. Он сказал: "Это был английский генерал во Вторую мировую войну".

17 сентября 1996

Сегодня счастливый день – видела как мой сын делал уроки. Правда, по сравнению с тем, как мы делали уроки, это всё равно была просто небольшая разминка с прихлёбыванием чая, но всё-таки он что-то делает. Ему явно нравится латынь, которую мы начали учить вместе. И ещё нравится биология, во всяком случае, её историческая и беллетристическая часть. Вчера набралась храбрости и позвонила всем своим студентам и потребовала платы. Надо бы написать так называемый police с условиями оплаты, а то всё получается нескладно и нет никакой определённости. Говорят, что они считают нас дураками потому, что мы, русские, якобы не умеем вести бизнес, что в принципе означает, что не умеем договариваться о деньгах так, как надо, или жульничаем. Это отчасти правда, потому что нам, русским, видимо, всё это противно. (Помните, как Обломов говорит о перспективе унижений по работе, которой ему так не хочется заниматься. “Противно”, – говорит он). Нам бизнес противен, поэтому мы или так называемые дураки и работаем бесплатно, или воруем бесстыдно и глупо, между прочим. Здесь воруют так хитро, что это даже воровством не назовёшь и не подкопаешься.

Вчера работаю в отеле на этаже и вдруг слышу противный голос Пегги (наш новый инспектор. Она мой враг номер один): “Ирина, тут для тебя сюрприз”. Выхожу и вижу Роджера Олсона, моего давнишнего студента. Он начинал русский почти вместе с Тони, но давно бросил и не показывался на моём горизонте. Но когда был, то его присутствие было весьма заметным. Во-первых, он огромный и очень толстый, и очень богатый. Во-вторых, у него дочь в инвалидном кресле (я её никогда не видела), и на него это наложило определённый отпечаток. Очень рьяно верующий и промышленяющий миссионерством в России. Тем же занимается и его сестра Руфь. Они носились со мной и моими детьми примерно так же, как Наташа Хан, когда мы приехали. Однажды пригласили нас на обед. Приготовили много еды, много расспрашивали, в основном наводящими вопросами, примерно так: “А это ведь правда, что в России живут в коммунальных квартирах, а мужики пьют много водки?”. Потом привезли однажды кучу платьев и барахла, как всегда то, что невозможно никому носить, но и выбрасывать жалко. При этом приходилось, конечно, выражать благодарность, хотя я уже в то время прекрасно понимала, что движет такими благодетелями и что они интересуются нами просто как насекомыми. Эта Руфь ездила в Москву, и я просила её передать что-то Валерику, уже не помню что, может быть, только письма. Когда же она приехала, то позвонила и сказала, что у неё есть видео с Валериной свадьбой и обещала мне привезти. С тех пор, а это уже, может быть, четыре года, я не видела и не слышала её. И видео никогда не видела. Кажется, и вещи, которые я посылала с ней, до Валерика не дошли.

И вот появился Роджер. Он попросил перевести официальное письмо для представления в таможню. Я сказала, что перевожу только за определённую плату. Ему это понравилось, и он мне заплатил больше, чем я просила. Вот так. Говорить об этом противно, но получать деньги приятно. Так всё это и затягивает. Очень опасно. Кроме письма, Роджер рассказывал, как он покупает разные произведения искусства в России, потому что он-де любит Россию. Я это про него и раньше знала, и это мне тоже не нравилось. Он показал, что покупает потому, что по каким-то непонятным причинам носит с собой кучу разных вещей: шкатулки, брошки, картины, русские ордена и значки. Среди этого барахла было несколько хороших работ, особенно роспись на шкатулках типа Палех (но это не Палех). Глядя на всё это барахло, я подумала, что он может скупать в России всё, что хочет, потому как настоящего он не узнает и не увезёт из России. Пусть себе подделки покупает.

Сегодня говорила с Джойс, Маришиной мамой. Говорю: “Зачем вы позволяете Марише носить такие безумно тяжёлые рюкзаки с книгами?”. – “Это хорошо носить такие тяжести. Это развивает мускулатуру”, – отвечает Джойс.

“Я, конечно, понимаю, что в Америке другие представления о медицине, но мне кажется, что такие тяжести вредны для 17-летней девушки”. – “Ну что вы, конечно нет, это полезно. Мы никогда не слышали, чтобы это было вредно”.

И это говорит женщина с образованием, жена врача-педиатра. Это мне напомнило, как Наташа утверждала, что в Америке нет простуды, а есть только вирусы, и что в Америке заболевания горла не связаны с заболеваниями сердца, и пить много пива полезно для почек (в Америке). А в журналах сейчас печатают, что большинство лекарств в Америке имеют очень плохие побочные эффекты. А Наташи и Джойсы сначала калечат себя, а потом лечатся рекламными лекарствами. Тяжести носят с пелёнок. И у подростков, у многих, я сама свидетель, проблемы со спинами. У нас в России это были проблемы почти исключительно старых людей.

18 сентября 1996

Моя депрессия продолжается. Может быть, потому, что сегодня с утра у меня в банке было только 5 долларов. Феноменально. Так у меня было только, может быть, год назад. Однако сегодня же утром я положила в банк те деньги, что вчера мне принесли Мариша, Арон и Хайди. 250 долларов, из них на сегодняшний вечер (сейчас вечер) осталось только 100. Ужас. Всё тает под руками. Долги и долги, счета и счета. Пошла на рынок с 40 долларами и вернулась с 10. Купила некоторые лакомства, в которых уже давно нам с Митей отказывала. Купила сыр Бри 150 грамм, две коробки сардин – одна за 1,75 и другая за 3,75, хочу посмотреть, есть ли разница. Зашла в магазин к Марусе. Она сразу увидела, что я в миноре. Спрашивает: “Это потому что дождь?”. – “Нет, я люблю дождь. Это потому, что сегодня опять был урок с Ириной и Кетлин, и опять Кетлин на очень ломаном русском спрашивала меня, как учить детей русскому языку”.

Маруся позвала свою сотрудницу Ребекку, о которой я слыхала, что она очень образована, и вот просто продаёт кофты так же, как моя Маруся, не умеющая фактически ни читать, ни писать, и поведала ей мою историю.

Мы разговорились. Она говорит, что на рынке половина продавцов с докторскими степенями. Вот так. Мир идёт к полнейшей деградации. А в школах преподают неграмотные люди. У Мити учителя просто смех один. Он берёт (так они здесь говорят) латынь, так вот его учительница сказала, что она не знает точно, как произносить латинские слова, что, мол, это мёртвый язык и никто не знает, как он звучит. Может быть, в Америке действительно не знают, так как у них не было людей, знающих этот язык от своих учителей. Даже моя мать знала, как читать латынь.

19 сентября 1996

Итак, мой ребёнок, мой Манифест, робко, но пошёл своими ногами. Вчера в Сиэтле был Клинтон с его предвыборной кампанией. Город немного прибрали, убрали куда-то знаменитых и постоянных бездомных, наводнили полицией. Днём он выступал на публичном рынке, в связи с чем там установили огромные ворота, как в аэропорту, и все, кто хотел послушать президента, должны были пройти через эти ворота. Выстроилась огромная очередь, напоминающая по духу знаменитые очереди в Ленинский мавзолей. А вечером Клинтон должен был быть почётным гостем в Парамонте – театре рядом с моим домом. И вот это оказалось очень интересным событием для меня.

Где-то в 7.30 вечера я начала готовить ужин к приходу Мити с Акидо и, как всегда, включила радио, чтобы готовить и слушать, но оказалось, что я не могу слушать радио из-за криков на улице (сначала я думала, что это на радио): “Долл, Долл – аборт, курение! Клинтон подлец! Клинтон обманщик! Клинтон курил марихуану! Долл! Долл наш кандидат!”. Я вышла на балкон и увидела напротив театра, как раз около моего отеля, толпу человек в 100 с жалкими (как всегда) подобирами транспарантов и лозунгов, провозглашающих необходимость избрания Долла президентом. Было очень смешно. Да, смешно было мне, когда я, закончив приготовление ужина, пошла на улицу и имела большое удовольствие наблюдать это перекрикивание. Оказалось, как я и ожидала, на стороне Клинтона были симпатичные люди типа художников и бродяг в основном с примесью лиц явно интеллектуального труда. На стороне Долла были лица типа Наташи и Дэвида Ханов, лица партийных и торговых работников. И подумать только, что когда мы приехали, мы были приняты именно республиканцами с такими вот лицами. Какая ирония. И целый год мы не понимали, кто есть кто.

Во время предвыборного уличного противостояния я говорила с некоторыми людьми. Например, одна женщина, завёрнутая от начавшегося дождя в чёрный пластиковый мешок для мусора, рассказала мне, что два года назад она ездила по Европе, была в Польше, а потом в России. Она сказала, что, когда была в Польше, ей что-то не нравилось и стесняло её, и она никак не могла понять, что это было, но когда приехала в Москву, она поняла: “В Москве чувствуется сила, вы понимаете, что я имею в виду, сила, так же как в Америке. И вообще мне не понравился Санкт-Петербург, а очень понравилась Москва”. Было интересно и немного странно слышать от совершенно незнакомого человека и иностранца то, за что я бьюсь почти с каждым русским. Потом моё внимание привлёк один симпатичный молодой человек, я ещё подумала, что у него лицо из рассказов Джека Лондона, честное, открытое и красивое. Одет он был по-европейски и стоял одиноко, но внимательно наблюдал. Мне он показался или писателем, или журналистом. Может быть, его лицо или мой разговор с завёрнутой в мусорный мешок женщиной вдохновили и взволновали меня.

Многие раздавали какие-то бумажки, и сначала я не обращала внимания на это, потому что здесь постоянно что-нибудь раздают, и как потом оказывается – это приглашение на распродажу или в ресторан на открытие, но потом постепенно и всё настойчивее во мне застучала мысль: “А почему бы и мне не предложить кому-нибудь свой Манифест?”. Потом другая мысль: “Это глупо”. А вслед за этим: “Это не глупо, а страшно”. А что страшно? Мы в Америке. Ну и что, что в Америке, всё равно как-то страшно. Но потом: надо решиться, нельзя всё писать в ящик, так и умрёшь, никто не услышит тебя. А надо ли, чтобы услышали? Вот так лихорадило мой мозг, и наконец я решила, что пойду домой посмотреть, пришёл ли Митя, и, если не пришёл, то, может быть, я возьму мой Манифест и дам кому-нибудь. Пришла домой, Мити нет. Собрала Манифест, скрепила 5 копий и пошла опять к театру. Публика была прежняя. Кто-то сунул мне бумагу про Боснию, тогда я предложила ему в обмен мою бумагу. Парень высокий и в лохмотьях взял мою прокламацию, пробежал начало, сказал: “Это глубоко, надо читать дома”. Улыбнулся дружески, и мне стало легче. Я подошла к одной девушке, которую видела рядом с дамой в мусорном мешке (кстати, последняя куда-то пропала), и предложила ей. Она взяла, посмотрела на название и сказала: “Мне не нравится, что Америка выиграла холодную войну”. А потом позвала какого-то парня, и тот тоже попросил у меня бумаги. Я чувствовала себя в революционном Петрограде (так мне нравится называть этот город). Когда у меня остался один экз., я увидела молодого человека из Джеклондоновских историй. Он посмотрел на меня, и я тут же ему сказала: «Хотите знать, что русские думают про

Америку?». Он сказал, что хочет, и взял бумаги. Тут он сказал, что он не американец, а немец из Берлина (Западного, конечно) и здесь с визитом на радио. Вот это да, подумала я – РАДИО! Хорошо бы они там все почитали мою бумагу. Я его прямо так и попросила: мол, пожалуйста, дайте почитать вашим коллегам. Он обещал. Разговорились. Его имя Стефан. Что-то больно славянское имя, так что, может быть, мы родственники, и неправ Педро, который, узнав от Маруси про мои приключения, сказал по-детски: “Зачем твоя мать разговаривала с немцем?”. А если и не славянин, я в обычной жизни не против немцев, не против даже англичан. На этой стороне улицы собрались близкие по духу люди, и не потому что Клинтон хороший, а потому что Долл очень плохой. И эти люди сделали меня вчера счастливой.

Мы не одни в этом мире, бродяги и артисты.

Кстати об артистах, было очень смешно, когда вдруг появились огромные марионетки, ростом с двухэтажный дом. Это фактически крест с надетой на него рубашкой и сверху голова из картона, с одной стороны Клинтон, а с другой – Долл. Крест несёт здоровый мужик, а за рукава рубашки дёргают двое идущих по бокам, и получается, что фигура размахивает руками и обещает что-то. Было две такие процессии артистов, и они пели что-то про то, что оба они (и Клинтон, и Долл) – хороши. Вот такой был у меня вчера день.

27 сентября 1996

В нашем отеле уволили женщину за то, что она якобы сказала одной из самых разбитых и грубых особ в нашем подразделении, что она, мол, разобьёт ей голову о стену. Я не верю, что она это сказала, а если и сказала, то это было не больше, чем обычная шутка из какого-нибудь телевизионного шоу. Но нет, так как она не нравилась нашей Пеги-инспектору, эта Пеги пошла к Майку (наш генеральный менеджер), и её уволили. Я слышала, как Френ, менеджер нашего департамента, сказала Дарнелле (это та, которую уволили), что если ей нужны рекомендации и т.д. Я слышала только эти слова, но несмотря на то, что Дарнелла чёрная, я увидела как она не то чтобы побледнела, а “спала с лица”, так у нас в народе говорили. И это более правильно, чем сказать побледнел или побледнела. Её лицо как-то упало. Я пошла за ней в раздевалку и спросила, в чём дело. Она мне и сказала, что её уволили ЗА СЛОВА, которых она не говорила. Никогда не забуду слёз в её глазах. В этот день она пришла на работу особенно красивой, с крупно завитыми волосами. В ланч я спросила её: идёт ли она на свидание? Она только счастливо улыбнулась. И вот вам результат. Сколько историй, сколько горя. Теперь я знаю, что даже на такой работе, как моя, т.е. уборка туалетов – сплошное подсиживание и подлость.

7 октября 1996

Через два дня Валерин день рождения. О, какая я была тогда счастливая, хотя чуть не умерла, – так болела.

Сегодня получила странное письмо от одного моего студента, которого я называла body guard (телохранитель). Когда я его впервые встретила (а мне его практически никто не рекомендовал), я подумала, что он скорее мафия, чем служба безопасности, как он сам себя представил. Огромный, весь в татуировке и странный. Исподлобья, пристальный взгляд и какие-то плотоядные губы. В общем, здоровое, грубое животное. Но я стараюсь всегда встречать человека, даже если он мне не нравится, как хорошего, изначально хорошего. Иногда это срабатывает, иногда нет. В этот раз мне показалось, что сработало, и что он вроде хороший и мне нечего обращать внимание на его татуировки и странное выражение лица. А вот на днях, когда мы встречались с Леночкой, я неожиданно увидела его и Виктора Сиротина на улице. И вот тогда мне показалось, что

наши занятия пришли к концу, потому что он, встретив меня на улице случайно, даже не улыбнулся, не поздоровался, а отвёл глаза. Вот так здесь заранее узнают, что что-то неладно. И точно. Сегодня это письмо:

“Вы такая изумительная, замечательная учительница. Вы замечательный человек, но мне неудобно брать уроки, потому что тот день, который устраивает вас, не устраивает меня. Моё решение окончательное и не подлежит обсуждению. Я знаю, что вам будет это тяжело читать, потому что вам приходится работать в отеле, но у меня нет выбора, и я буду искать другого преподавателя». Вот такое письмо. Но у меня было в самом начале подозрение, что он искал вовсе не преподавателя, а что-то другое или кого-то другого, и помоложе.

А ещё интересно то, как они это делают всегда – как нож в спину. Почему бы раньше не поговорить, не предъявить какие-нибудь претензии? Вот и другая история с увольнением. Прихожу на урок к Марион (Марион и Джим), и она мне говорит, что уволила только что свою секретаршу Селину. И так говорит об этом, будто хоронит её. Тогда зачем увольнять? Ведь явно они не найдут лучше.

Вчера уехал Дерик. Он приезжал на субботу и воскресенье на наш так называемый поэтический клуб. Пришёл Тони, принёс хлеб, сыр и вино, потому что хотел есть. Когда я дала ему салат, он схватил его с жадностью, а потом так застенчиво сказал: “Но я ведь принёс только хлеб и сыр”. Мне смешно видеть их лица, когда я им даю больше, чем они ожидали в обмен на свои приношения, или видеть их лица, если я не даю ничего. Митя откровенно поедает их еду. Короче, мы вместо чтения поэзии (не написанной) смотрели “С лёгким паром”. Прелестный фильм. Я переводила им, сколько успевала. Смеялись.

9 октября 1996

Ещё одно разочарование, или обман, со студентом. Прошлую пятницу пришёл один по рекомендации Виктора. Моего возраста, из Пакистана. Весь в кольцах, на шикарной машине. Думала, серьёзный человек и хочет заниматься языком. Посидел час, взял кассету с записью ряда выражений и алфавита, сказал, что заплатит в следующий раз, т.е. сегодня, и... не пришёл совсем. Не буду звонить и приставать, он явный жулик, и хорошо, что сразу показал себя. Однако с учётом того, что телохранитель ушёл, и этот ушёл, это – минус 300 долларов, на которые я уже рассчитывала. А теперь, когда у Маруси так плохо, мне придётся как-то им помогать.

Включила Шопена. Хоть иногда послушать музыку. Как странно, что здесь люди потеряли чувство музыки. Ведь музыка – это всё, что нам дано в чисто божественной форме, и когда мы теряем это, мы теряем божественное. Надо слышать, какой кошмар они здесь называют музыкой. И странно, что Володя Р., помню, рассердился на меня, когда я сказала, что больше всего здесь мне не хватает музыки. Конечно, в кастовом обществе, таком, какое мы имеем здесь, музыка и поэзия не для неприкасаемых. Сегодня объясняла Мите, что он должен вырваться из круга неприкасаемых, в который мы здесь попали. Объясняла, что надо одеваться красиво и аккуратно, сидеть прямо, ходить, не разваливаясь и не раскачиваясь, есть правильно, пользуясь ножом и вилкой, учиться танцевать и петь, читать поэзию и т.д. И если раньше он мне кричал на это: “Мама, ты не понимаешь – это Америка, и здесь все носят грязные футболки и бейсбольные кепки, пьют пиво, рыгают и смотрят постоянно телевизор”, – то теперь он, кажется, начинает понимать, что та жизнь, из которой пришли его родители, существует и здесь, только это для избранных и спрятано от большинства.

15 октября 1996

У меня есть, наконец, приглашение в Москву. Завтра пойду с ним в русское консульство и безумно боюсь, помня историю с переводом детских свидетельств о рождении. Они там все мерзавцы и наживаются, как могут. Ничего не переменилось, поэтому я понимаю, что с августа Валера не мог достать из ОВИРа приглашение. Посмотрим, что будет. Говорила с Фейт по телефону, она гордо сказала, что Джон не имеет никогда проблем с визой, потому что он по бизнесу и потому, что он настоящий американец. А я, слава Богу, русская. И ещё вчера Ирина Дюфей пригласила меня на просмотр русских фильмов “Сто лет кино” и “Раба любви”.

Первый фильм, явно обрезанный и без русского текста, назывался “Русская идея”. Текст был на английском и представлял собой безобразную пропаганду против русских, как всегда. Кадры, однако, поражали своей гениальностью. В основном это были кадры из «Ивана Грозного» и других работ Сергея Эйзенштейна. “Раба любви” снова потрясла меня своей безысходной печалью, но светлой. Пушкинская печаль. Русская идея по этому тексту к фильму – это идея Евхаристии. И это правильно, однако, они как-то унижают эту идею, приводя её к понятию мифа или некому примитивизму, забывая, что это и есть идея Христа. Дженнин, которая была с Ириной, сказала, что с её точки зрения – это ближе к магометанству, потому что – страдание. По её мнению, христианство это сплошное наслаждение жизнью и материальными благами, причём индивидуально довольство, жизнь в полной изоляции от страданий человечества. Как Калягин в фильме говорит: “Господа, давайте не открывать глаза. Когда я был маленьким, и мне было страшно, я всегда закрывал глаза, так что, господа, давайте не открывать глаза”.

Что ещё случилось? Да, вчера был ужасный день. Мы с Машей отправились в иммиграционный центр за получением свидетельства о гражданстве. По крайней мере та бумага, которую мы получили, гласила об этом. Бумага была точно такая, как те, что получили мы с Митей. Однако теперь всё изменилось, говорят, потому, что Конгресс принял решение сократить иммиграцию. Переключатель сработал, и любезные и дружелюбные работники иммиграционной службы мгновенно превратились в цепных собак. Короче, пришли мы в это здание, прошли металлодетектор и сели в ожидании интервью. В комнате ожидания сидит человек пятьдесят с детьми и без детей. Все выглядят подавленными, разговаривают шёпотом. Периодически в комнату заходит огромный полицейский и строго предупреждает всех, что они должны оставаться на своих местах и не ходить туда-сюда по зданию.

Наконец вышла маленькая серая женщина азиатской наружности и очень строгим и злым голосом произнесла Марусино имя. Мы пошли за ней в её комнату. Там она очень злобно предложила нам поднять правые руки и сказать, что мы клянёмся говорить правду и только правду. Мы так и сделали. Потом она так же злобно предложила нам сесть и углубилась в Марусины бумаги. Через секунду она спросила меня, и это прозвучало заранее подготовленным вопросом, сколько раз я была замужем. Меня это удивило, и я не очень радостно ответила, что три раза. Тогда она злорадно спросила: “Вы принесли копии и переводы всех свидетельств о предыдущих разводах?”. Я была потрясена. Как, чтобы получить свидетельство о гражданстве, моя дочь, которая приехала в эту благословенную страну, когда она была 11 лет от роду, должна предоставить все разводные документы её родителей? “Да, она должна,” – ответила азиатка. Я попросила разрешения говорить с её начальником. Только я произнесла эти слова, как из-за шкафа, перегораживающего комнату, выскочило что-то, что нельзя назвать ни

женщиной, ни мужчиной. При ближайшем рассмотрении это оказалось женщиной, которая хочет быть мужчиной. Она небольшого роста, но очень костистая и широкая, с огромным задом, обтянутым форменными брюками, в сером вязаном жилете и в белой блузке с засученными рукавами, открывающими мускулистые руки. Она моментально встала рядом со своей сотрудницей, за её стулом, как бы показывая, что она будет насмерть стоять за её ошибки и, жестикулируя, как будто боясь, что мы не поймём простую речь, стала говорить такие слова: “Спокойно, спокойно, спокойно!”. Такой тон я слышала в фильмах о цирке, когда дрессировщики успокаивают тигров. Но только если они действительно имеют успокаивающий подтон, то она имела подтон, возбуждающий и раздражающий. Я думаю, это типично для людей, провоцирующих скандал.

Я чувствовала, как моё кровяное давление идёт вверх и как мне хочется повернуться и уйти из этого здания, как хочется уехать из этой страны, которая заманивала людей и потом убивала их, как мне хочется сказать им: «И не нужно нам ваше гражданство». Но Маруся толкала меня под столом ногой, и это помогло. “Да, – сказала женщина-палач (так её засученные рукава напоминали мне тех, кто делает смертельные уколы приговорённым к смерти и которых я видела по телевизору). – Да, это закон, и мы ничего не можем сделать. Надо отменить это интервью и подождать, пока вы предоставите все нужные документы”. Маруся спросила: “Почему же тогда вы дали гражданство моему брату без этих бумаг?”. Она вдруг подбоченилась, положив руки на широченные и крепкие бёдра, и сказала, наклонившись к Маше: “Вы хотите, чтобы мы пересмотрели гражданство вашего брата?”. И тут Маруся нашлась и сказала слова, которые пугают здешних людей: “Вы меня запугиваете?”. Баба испугалась моментально, и вдруг несколько изменившимся тоном сказала мне: “Когда вы сможете принести документы?”. Я ответила, что не знаю, потому что надо их переводить и заверять. Тогда она сказала, что я могу перевести документы сама и сама их заверить. ПАРАДОКС. Они так принципиально требуют соблюдения каждой буквы закона и позволяют мне (иммигранту и неофициальному лицу) заверять важные, как они считают, документы. А если они не важные, то почему надо их так требовать и мучить девочку, которая в принципе не имеет никакого отношения к разводам своей матери?

10 декабря 1996

Поехали 6-го в Сан-Франциско с Митей. Конечно, я купила билеты и зарезервировала отель, ни с кем не посоветовавшись. В результате, мы прилетели туда, а университет Berkley, в который мы, собственно, и приехали, находится в Окленде, далеко от Сан. Фр. Ну прилетели, и сразу же были «арестованы» каким-то субъектом, предлагавшим нам свои услуги по транспортировке. Он наскочил на меня, будто бы уже давно ожидал встречи, и закричал: “Стойте здесь (показал на стену) и не двигайтесь, я подхватываю ещё других и потом вас всех отвезу. 20 долларов с человека”. Мы с Митей, как загнипнотизированные, подошли к стенке. Субъект, размахивая длинными руками и ногами и длинным плащом, побежал дальше и вскоре вернулся с двумя растерянными и так же, как и мы, загнипнотизированными дамами. Они смотрят на нас, мы смотрим на них. “Вы знаете этого человека?”. – “Нет, не знаем”. – “И мы тоже не знаем”. Митя сообразил раньше и уже до того, как этот дилетант вернулся, предложил мне уйти. Но я всё ещё колебалась, думая, что 20 долларов – это хорошая цена. Но когда он привёл нас в нижний этаж подземного гаража аэропорта и мы увидели, что это просто “левая” машина, мы дрогнули. Не мы, а все остальные, кроме меня. Им не понравилось, что машина не имеет надписей о принадлежности к какой-либо транспортной компании. Мне

же было всё равно, так как я привыкла в России пользоваться «леваками». Но здесь этого лучше не делать. И я согласилась, что надо уйти. И мы все дружно покинули бедного предпринимателя, а он послал нам вслед пару неприличных слов. Потом Митя решил, что мы возьмём такси. «Ну уж нет, – сказала я, – теперь я уже вышла из-под гипноза и постараюсь думать сама». Есть же, в конце концов, здесь городской транспорт?

Подошла к информационному окну. Спрашиваю, есть ли простой автобус до Сан. Ф. Не понимает, всё про такси и про разные дорогие услуги лопочет. Вдруг слышу за спиной: «Я вам помогу, я иду туда же». Уже по голосу поняла, что если это бандит, то очень изощрённый, и что среди бела дня убивать не станет, а в городском транспорте – трудно убить (не всегда, конечно, говорят иногда легко). Смотрю: такой интеллигент, будто из нашего ВНИИГПЭ. Спрашивает Митю: «Откуда ты?». Митя отвечает: «Из Сиэтла». Тогда ко мне: «А вы? – И сам продолжает: Из Москвы». А потом и вовсе по-русски: «Здравствуйте». – «Вы знаете русский?» – спрашиваю. «Нет, только одно слово». Оказался очень приятным человеком. Провёл нас к обычному автобусу, и мы за 2 доллара доехали до центра С.Ф. Потом на метро, которое напомнило мне московское до боли в сердце, хотя совсем не такое красивое, доехали до ст. Беркли. Когда же пришли к гостинице, оказалось, что я посмотрела не на тот адрес, и это была совсем другая гостиница. Ужас! Митя моментально начал злиться (я бы тоже на его месте злилась). Пошли искать наш отель, где я заказала номер. Оказалось далеко, три автобуса поменяли. На одном шофёр не хотел объяснить, как добраться до отеля, потому что, как он выразился: «Я могу говорить только на одном известном мне языке, на английском». Такая фраза, если не к месту, означает, что он не желает говорить с человеком, у которого акцент. Сам он был чёрный и явно неграмотный. Не стоит обижаться, но всегда обидно.

В конце концов мы нашли отель. Неплохой, но вокруг пустынное противное место. Позвонила Саше Бурштейну. Подумать только, что когда-то я писала ему в моём дневнике: «Дорогой Пьер». Так вот, мой Пьер ответил мне, что очень занят и сможет встретиться со мной только завтра часов в 11 утра. Мы встретились в час дня, после того как я провела 5 часов в парке Беркли, беседа с белками и слушая журчание ручья. Митя был в это время на конференции по астрономии, ради которой мы истратили столько денег.

Саша постарел, но узнать можно. Меня он тоже узнал и ничего не сказал про мой вид, видно, не хотел врать. Я наивно думала, что после стольких лет дружбы, встретившись в Америке, мы могли бы провести время повеселее. Но нет, Америка всех меняет. Когда я сказала, что ничего не ела с 5 утра, он ответил, что он, мол, уже поел. Хорошо, говорю, поедем в ресторан, просто посидим. Он отвечает таким задушенным голосом, что, мол, по ресторанам не ходит. Хорошо, давай пойдём в столовую, и ты просто посмотришь как я ем, не бойся – я сама за себя заплачу. Это его немного успокоило, и он привёз меня в такую харчевню, какой я уже лет девять не видывала. Спросила его про деньги, мол, сколько ты, дорогой, получаешь, видно, тяжело тебе, если за три года в Америке ты в ресторане не побывал. Отвечает: 46 тысяч в год. Дерик сказал, когда я ему это рассказывала: «Он имеет больше, чем Маруся, Педро, ты и я вместе». Это правда. Довольно большие деньги. В чём же дело? Почему такая подавленность и жадность?

Маруся объяснила: «Они, русские (мы, вроде, уже не русские), когда приезжают, смотрят на богатых и только на богатых. Они не дружат с простыми, а богатые их не принимают, вот и получается изоляция, к тому же они копят на дом, на машину. Получается, как Захар из «Обломова» говорит про немцев: «Целую неделю одну кость гложут». Вот что, я думаю, и с Сашей произошло, но по

натуре он не может быть счастливым от этого, да и никто, даже немец, в общем-то, не может. Вот так мы встретились с Сашей. И он даже нас к себе не пригласил. Может быть, мы уже слишком бедные для него? Ну да пусть ему будет не по себе, когда очнётся. Так прошла наша поездка в Сан-Ф-ско. Да, самое смешное (всё хорошо, что хорошо кончается), утром следующего дня после конференции мы приехали не в тот аэропорт. И хорошо что я всегда имею время в запасе. Успели переехать на правильный. А как же это я умудрилась? Вот через неделю я еду в Москву. Не потеряться бы по дороге. Волнуюсь. И страшно. И денег нет совсем. И хочется привезти хоть какие подарки, и не знаю, где взять денег. Так много надо платить здесь. Конечно, как даже Митя сказал, что, может быть, не надо было возить его в Сан-Ф. Может быть.

В Москве

23 декабря 1996

С утра поехала в ОВИР, вернее, пошла пешком. Сначала по Ярославскому шоссе, вдыхая воспоминания с морозным воздухом, потом перешла через мост в Лосинку и пошла дальше, не зная точно, где ОВИР. Шла по интуиции, спокойно, не содрогаясь от ужасного вида прохожих, не ожидая, что вот сейчас кто-нибудь из них откроет пальбу. Дошла до какого-то перекрёстка и не знаю куда идти, знаю, что мне нужна ул. лётчика Бабушкина (слава Богу, не переименовали). Стою, вижу бабу, спрашиваю: “Не скажете ли, где улица лётчика Бабушкина?”. Она поднимает на меня малюсенькие глазки. Потом смотрит вокруг себя с недоумением, а потом говорит: “Да вот даже не знаю, как вам и объяснить-то”. Вижу, дело дохлое. “Ладно, спасибо, найду”. И точно, спрашиваю другую женщину, она мне и говорит: “Так мы с вами и находимся на улице Бабушкина. А что вам надо?”. А история с бабушкой напомнила мне знаменитый анекдот про Дерибасовскую в Одессе. Наконец, нашла ОВИР. Там пусто. Ни объявлений, ни людей, кто бы мог объяснить. Прошла прямо в один из кабинетов, сжимаясь от ожидаемого окрика (это не уходит никуда, так этот страх и живёт во мне, как, видимо, будет жить страх перед американскими прохожими с их потенциальной стрельбой. Да уж лучше ждать окрика, чем выстрела в спину). Но никто не кричал на меня. Просто не улыбались, а сказали, что надо приходиться с Валерой. Так я и ушла незарегистрированная. Спросила их, будут ли штрафовать за опоздание на пару дней, сказали, что не будут. Вот поэтому мы и считаемся отсталым народом, потому что у нас нет такой налаженной и железной машины насилия.

На обратном пути зашла в магазин, где раньше, помню, бывало много хорошей одежды. Теперь тоже, но всё какое-то иностранное, не то, что было. Продавцы довольно вежливые. Потом рынок в Лосинке. Каждый кустик, каждый камень говорит мне о чём-то. И это больно. Будто сердце моё там, в этих камнях, и спрашивает меня: “На кого же ты меня променяла?”.

В 6 часов встретились с Мариной у Пушкина. Шёл крупный мягкий снег. Всё запорошило. Сказка, снежная сказка. Встретилась с Мариной, будто бы и не было этих 9 лет. Так и с Галей, и с Иркочкой Якубович, и с соседями, и с Валериком. А с Верочкой – будто знали друг друга вечность. Это моё сердце жило там без меня и с ними. Поэтому и получилось, что не расставались. Марина принесла мне тюльпаны, на которые плавно и мирно падал русский снег. Марина похорошела и словно бы помолодела. Перед моим отъездом её угнетала история с Севой. Она тяжело это переживала, поэтому и выглядела хуже, чем сейчас. Ну дай Бог. Работает у мэра Москвы, у Лужкова, которого все хвалят не нахвалятся. Пригласила меня в Русское бистро. Взяли несколько пирожков и салат. Сидим и

говорим, говорим и говорим. А потом мы пошли на Ильинку. Тут я вспомнила свою юность, и как целовалась под часами башни на углу со Столяровым. Вспомнила, что не любила его совсем, а вот целовалась, зная, что он Оли Антиповой парень. Это было плохо, но я всю свою молодость шла навстречу романтическому мгновению, разрушая свою и чужие жизни, не сознавая, что это плохо. Да и сейчас я не знаю – было ли это плохо. Кармен, Земфира и т.п. Я всегда чувствовала в браке или ещё в какой-либо связи тяжесть СВЯЗИ, я всегда чувствовала, что любовь должна быть свободна, но как – не знала. Теперь тоже не знаю, но немного догадываюсь. То, о чём догадываюсь, находится за пределами понимания. Просто это будущее, просто это свободная любовь, а не секс. А вот с сексом не надо торопиться, замуж надо выходить один раз и желательно по расчёту. Но кто же это хочет понимать в молодости. Я слышала об этом и раньше миллион раз, – не доходило. Вспомнила свои давнишние стихи “В беспокойном море усталости тонет лёгкая шлюпка юности”, теперь я старая шхуна, но ещё на плаву. Сразу после ужина пошли с Валериком курить на площадку. Едва докурили, выходит из квартиры на 8-м этаже Саша, которому я когда-то написала стихотворение “Мой милый, память нелегка” и с которым целовалась, танцуя, на глазах его жены Жени. Вот была умная женщина – и виду не подала. Саша седой совершенно. Говорит: “Давай к нам, покурим у нас”. Опять всё как будто бы только вчера виделись. И Женья совсем не изменилась, только немного поправилась. В квартире так же красиво и очень чисто. Сидели, как бывало, на кухне и пили каюю-то наливку, курили, говорили и говорили. Немного спорили, но не очень. Вообще теперь никто со мной не спорит. Ведь всё получилось, как я когда-то говорила. Только иногда пытаются защитить Америку. Саша был поражён моими рассказами об образовании в США. А потом сказал, что если там решили, что 2 плюс 2 будет 5, то значит так оно и есть, потому что ведь некому возражать – Америка диктует.

24 декабря 1996

С утра поехали с Валериком в ОВИР и всё устроили с моей регистрацией. Когда офицер ОВИРА сказал, что я должна всё время носить с собой паспорт и визу, я было перепугалась, что это и вправду так (уже западная дисциплинированность и безнадёжность), но Валера успокоил меня: “Не носи, не надо. Да не арестуют тебя, посмотри на себя, ведь у каждого есть мать”. Вот это по-русски. Потом Валерик купил стол для своей работы. В магазине, где он покупал стол, я видела много красивой мебели и множество необыкновенно красивых светильников. Вот светильников красивых в Америке совсем нет, только однообразные вазы с одинаковыми белыми простыми, как в отеле, абажурами. Вообще в Америке гостиничный стиль во всём. После этого я должна была встретиться с Таней и поехать к Серёже.

Серёжина квартира грязная и неухоженная. Они живут там вдвоём с Вовой. В Серёжиной комнате узкая кровать, тумбочка, стол, шкаф. Между окном и шкафом протянута верёвка и на ней висит полотенце. Мне это напомнило, как на Маросейке у нас в комнате всегда были развешены Серёжины носки по стульям. Серёжа и его жена Шура наготовили разной еды и напитков. Проигрыватель проигрывал Аллу Пугачёву – «Миллион алых роз». Потом, когда немного выпили, Серёжа поставил классику. Арию Генделя. Когда мы пили и ели, говорить было не о чем, кроме как о том, как Таня ездила в Бразилию и как ей там ничего не удалось выудить из Виктории. И тут я поняла, что нас с Серёжей объединяет любовь к поэзии и музыке. Мы с ним любим это ОДИНАКОВО. Серёжа расписал одну бутылку обрывками из разных стихов и предложил мне угадывать, какая

строка откуда. Я угадала только “Утро туманное, утро седое”. Потом пришёл Володя. Ему уже больше сорока. Страшный, злой мужик. С места в карьер стал орать на нас и прогонять (он не видел меня больше 20 лет). Проблема в том, что они с Сергеем не могут поделить эту самую квартиру. И странно и больно слушать, как он с глазами, устремлёнными куда-то в угол кухни, где мы беседовали и где он пил пустой чай, обвинял своего отца в том, что тот не заботится о нём и что он бил его до 15 лет.

После я думала, что Володя находится в состоянии самоубийства. Старалась пробудить в нём сыновьи чувства к отцу, который, конечно, всегда был похож на Фёдора Карамазова, но которого я бы не хотела видеть убитым, потому что Володя очень смахивает на Смердякова. Ушли от Серёжи очень поздно и подавленные сценой с Вовой. Серёжа и Шура смотрели на нас из окна. Красота была необыкновенная, и стало легче. Снег шёл мягкий и тихий, как бывает всегда, когда творится волшебство русской зимы. Мы даже сфотографировались под окнами Серёжиной комнаты.

25 декабря 1996

Целый день сидела с Катей. Было трудно. Это, как всегда, работа, потому что, если не работаешь, а просто проводишь время, тогда это тоска страшная. Если не заниматься с ребёнком, если не придумывать всё время что-нибудь, то невозможно выдержать. Вот так я старалась быть со всеми своими детьми. Работа точно как в школе, где меня ждут мои американские дети. Надо всё время изобретать и думать. Мы с Катей рисовали красками. Много грязи, но много и смысла. С утра мы, правда, гуляли с Верочкой. Опять же снег и солнце – сказка. Холодно, но мы бегали и было даже жарко. Потом, когда Верочка ушла, Катя предложила играть: “Давай ты будешь злым медведем, а я буду доброй собакой”. В наших с ней взаимоотношениях начинает проскальзывать то раздражение, которое почти всегда сопутствует моим отношениям с детьми. Я учу, а им это не нравится. Я не примиряюсь с тем, с чем не могу примириться, а их это сердит. Мой характер трудно принять тому, кто думает больше, чем чувствует. Катя – девочка думающая, а значит я не могу нравиться ей безоговорочно. Когда она ударила своего кота Сильвера ногой, я тут же сделала ей замечание. Она рассердилась и резким движением разбросала все игрушки, которые были под рукой. Жест и взгляд говорили мне – я не люблю тебя. Но потом, когда мы живописали красками, она несколько раз повторила: “Бабушка, я так тебя люблю”.

26 декабря 1996

Сегодня с утра встретилась с Галей Есиной. Странное совпадение. Говорит, что на Ваганьковском – поминание декабристов. Я думала сначала, что каких-нибудь современных декабристов, но потом оказалось, что нет, тех самых. Пришли на кладбище. День блестящий. Всё сияет и горит. Снег, купола – ну Кустодиев или Юон, да и только. Холод жуткий, опять как по заказу о русской зиме. Подошли к Высоцкому. Всё та же боль о нём. Сфотографировались. Видела стрелочку с надписью “К могиле Андрея Миронова”. Один из моих любимых актёров, которого, по-моему, так и не поняли. Я всегда думала, что он был бы замечательным Гамлетом, но почему-то всегда играл комедийные роли. Помню, в каком-то интервью он и сам говорил, что хотел бы сыграть серьёзную трагическую роль. Умер рано – вот его трагедия и свершилась. Было в его лице и в его манерах что-то благородное. Он был принц.

Потом Галя показала новую могилу с большим мраморным ангелом и сказала, что это, мол, могила какого-то известного мафиози, что они, мол, купили это место рядом с Высоцким, и все знают, что он был мафиози, но ничего нельзя

поделать. Панихида у могилы Филиппова (?) – декабриста. Одна из присутствовавших дам умно и интересно говорила о декабристах. Она назвала их подвиг ФЕНОМЕНОМ РУССКОГО САМОПОЖЕРТВОВАНИЯ. Моя бесславная жизнь в Америке среди равнодушных и холодных людей помогла мне понять смысл её слов.

(Да, декабристы и все, кто были после, даже мы, определённо – феномен русского самопожертвования). Итак, я на кладбище около могилы одного из декабристов. Удивляюсь, как священники держат свечи голыми руками на таком морозе. Говорили о русском героизме. Пришли журналисты из какого-то радио, и я произнесла речь в защиту России против американизма. Все слушают со вниманием, точно как и американцы. Похоже, не так много людей говорит в таких же выражениях, как я. Мои слова не похожи на пропаганду, скорее, на самопожертвование, поэтому и привлекают, но и пугают одновременно.

Потом мы с Г. пошли в Третьяковскую галерею. По дороге я купила Марусе белый пуховый платок за 10 долларов.

В Третьяковке. Здравствуй, это я! Сразу же предупредила Галю, что иду на свидание с любимыми картинами. Это не помогло. Она не отлипала от меня и, рассматривая ту или иную картину, старалась рассказывать мне про свою жизнь, про путешествия во Францию и в Израиль (как замечательно теперь они живут), либо спрашивать меня про мою жизнь, будто бы, стоя перед картиной “Боярыня Морозова”, мне хотелось рассказывать про то, как живут в Америке русские ссыльные. Это было невыносимо. Потом и того хуже. Вот её высказывания об искусстве: Борисов Мусатов – русская эротика. Иван Грозный убил своего сына потому, что сексуально перевозбудился, увидев жену Ивана-царевича (звучит фантастически), когда она вышла к царю в момент ссоры, и была она в одной ночной рубашке и беременна притом. Мерзко! И это выходило из уст воспитанницы Московского института иностранных языков. Она продолжала всё в том же духе: “Сейчас есть такие художники в России, которые делают порнографические картинки из копий великих мастеров. Например, они раздевают боярыню Морозову догола или Наталию Гончарову. Тут даже был процесс, родственники Пушкина подали в суд”. После этого последнего сообщения я заплакала. Галя была в шоке. Так я, помню, однажды заплакала, будучи студенткой, когда кто-то из мальчишек рассказал мне неприличный сальный анекдот. Ничего во мне не изменилось. И так больно жить.

Вечером этого же дня беседовали на кухне с Верочкой. Спорили об искусстве. Она очень прагматична и трезво мыслит. Будет удачлива. Не понимает концепции ТАЙНЫ. Или ещё не понимает. Она очень хорошая и умеет слушать. Валерик тоже не очень понимает Тайну, ему это кажется только делом времени и старания в науке. Однако ему всё-таки тайна ближе, чем ей, может быть, потому, что он мой сын. Вера утверждает, что нет никакой тайны, а всё идёт от таких, как я, и от тех, кто придумал это. “Если бы не было Бога, его следовало бы изобрести”. Как патентный работник, могу утверждать, что никто ещё никогда не изобрёл чего-нибудь нового того, что не было бы уже заложено в природе. Всякое изобретение вытекает из ОТКРЫТИЯ, а открытие – это просто обнаружение уже существующего).

27 декабря 1996

Ездила в центр. 4 часа ходила по Тверским переулкам. Вышла на Каменный мост. Вспомнились мамины слова, что это самый красивый вид в Москве. После 4-х поехала к Вадиму. Дом Вадима старый, в подъезде воняет. Купила на 20 долларов: бутылку армянского коньяка, печень трески, сыр швейцарский 400 гр., сырок “Дружба” (ностальгия), 2 буханки чудного хлеба (75 центов – обе). У

Вадима – мрак. Религиозный дурман. Встретились опять, как со всеми моими друзьями, будто бы и не расставались на 8 лет. Какой-то человек по имени Анатолий опекает Вадима. Может быть, зарится на квартиру. Вадим ничего сам не может делать или не хочет. Мне он в этом смысле напоминает Георгия Степановича, но только тот умел читать и писать и делал это без отдыха. Это был труженик. Анатолий похож на Смердякова. Вадим, к сожалению, ещё раз напомнил мне Фёдора Карамазова, когда смотрел на меня.

29 декабря 1996

С утра ходила на рынок через Лосиноостровский мост. Всего навалом. Цены в три раза ниже наших.

Вечером ходила с Игорем Барсуком на Таганку. Его друг Серёжа Подколзин (актёр весьма плохой. Как Игорь сказал, что Серёжа в жизни актёр, а на сцене не актёр). Однако его актёрство придало нашему посещению театра некое очарование, потому что он не принимал в спектакле участия. Я бывала в этом театре 30 лет назад с Кшиштофом, когда Любимов подал заявку на световой занавес. В этот раз мы смотрели “Подростка”. Всё было прекрасно, Таганка была Таганкой.

После театра поехали к Игорю. Сусанна удивительно гостеприимна. Однако же везде грязь и вонь страшная. Но я ещё раз поняла здесь в Москве, что мне всё равно всё нравится, даже вонь, которая будто делает вещи натуральней. Вонь человеческих тел и отходов мне выносимей, чем плохая парфюмерия, так любимая моими новыми согражданами.

30 декабря 1996

Утром поехали с Игорем и Вадиком в деревню. Оказывается, Игорь никогда не водит машину зимой, а в этот раз решил рискнуть ради меня. Это знаменательно, как, впрочем, многое из того, что делал Игорь в моей жизни для меня. Холодно, мороз. Машина превратилась в снежный ящик. Ничего не видно ни нам, ни Игорю. Однако доехали. Было ещё светло. Было невыносимо больно узнавать и не узнавать места. Пошли к Нине. Помню, пили у неё в доме (или нет, это было у Гали) и помню её мужа Володю, которому я посвятила стихотворение “Деревенский поэт”. Нина совсем не изменилась. Трагедия с сыном. Она похожа на меня. Добрая, но требует, постоянно требует от всех порядочности, честности, чистоты, поэтому ничего не получается. Сын буквально издевается над ней. Ворует, пьёт. Рассказала, как погиб её муж. Его зарезали, и никто не знает кто. Поехали в Веселево. Вот там я рыдала впервые по приезде в Москву. Рыдала долго и безутешно, да никто и не старался утешать. Молча смотрели и не успокаивали, как не успокаивают человека, рыдающего над телом любимого существа. Все узнавали меня, хотя я не сразу всех узнавала. Евдокия Ивановна осталась одна. Похоронила Колю несколько лет назад. Суровая, без тени улыбки. Вдруг сказала мне, после всех моих рыданий: “Возвращайся, будешь жить у меня”. Вот так. А дом мой они называют “Ирин дом”, хотя раньше называли “Димин дом”. Не знаю, может быть, это только при мне, а может быть, и нет. Это ведь правда, что я любила этот дом больше, чем Дима, и вложила в него больше души. Это был мой дом. Моя сосна, которую я посадила, стала совсем высокой. Люди, которые купили дом, строят на участке какие-то хоромы в восточном стиле. Смешно бы, да плачу. Ели, пили, потом поехали опять к Нине. В её квартире холод был страшный. Две комнаты, большая отдельная кухня. Прекрасная мебель, ковры и масса книг. Игорь живёт с ней и помогает ей деньгами. Она говорит: “Без него я бы пропала”. Я вспомнила про Дерика. Всё у неё прекрасно и за квартиру она ничего не платит, а всё чувствует себя нищей. Преподаёт в школе. Им не платят

месяцами зарплату. Однако всё у неё есть. Но жалуется. А потом сама говорит: «Вот мы такие русские, всегда жалуемся. Возвращайся, Иринушка, всё-таки среди своих лучше». Да, в этой поездке мне было особенно тяжело.

31 декабря 1996

Приехали в Москву из деревни. Заболела Катя. Я думаю, что она заболела потому, что под окнами всё время взрывали всякие хлопушки и фейерверки, что её, да и нас всех, страшно пугало. Вот и получилась встреча Нового 1997 года немного грустной, хотя я почему-то так себя не чувствовала. Мне так хорошо в моей старой квартире, которою я так любила. Пришла Аня Ярондайкина. Пришла неожиданно, смотрит странными глазами, такая жалкая. Мне её стало безумно жалко. Пошла спросить Верочку, можно ли пригласить её на встречу Нового года. Вера сразу же, ещё до того как я раскрыла рот, сказала: «Конечно, конечно, приглашайте». Итак, уже почти 12 часов, а Валерик и Вера в Катиной комнате, потому что Катя всё время пугается этих дурацких выстрелов и плачет. В Америке этих стрелцов уже давно бы арестовали. Сидим вдвоём с Аней. Я опять чувствую себя как в клинике, потому что она совершенно явно больна. Спрашиваю, пробовала ли наркотики. Кивает положительно, улыбается странно, всё время облизывает губы, поправляет слипшиеся, грязные на вид волосы, поправляет всё время что-то на своём мятом платье. Мне невероятно больно видеть всё это, и я почему-то чувствую себя виноватой. Вспоминаю её в прошлом, когда я писала её портрет со скрипкой, который сейчас висит в моей (нет, не моей) квартире в США. Она была такая умненькая, такая талантливая. Помню, однажды она сказала мне, что иногда чувствует, что за её спиной стоит ангел, и тогда она особенно хорошо играет на скрипке. Ещё один раз она пожаловалась, что чувствует, что чем ближе она к Богу, тем дальше от людей. Ей было тогда не больше 15 лет. А потом был мой отъезд, и её письма ко мне с просьбой о приглашении. Я помню, как я хотела, чтобы они с Серёжей приехали. Я по своей слабости и тогдашнему отчаянию мечтала, что, может быть, с ними мы сможем начать какое-нибудь дело, потому что ещё тогда поняла и сейчас ещё больше убедилась в правоте мысли, что только сплочённые семьи или полные одиночки преуспевают здесь. Мне казалось, что мы сможем представлять такую сплочённую семью. Но куда там! Они приехали, когда я с детьми уехала от Димы на Мерсер-Айленд. Это была дорогая квартира, и мне не по средствам. Аня, Серёжа и Максим хотели от меня внимания, расходов. Я работала день и ночь. Они спали и ели, даже не убирали за собой в комнате, которую я им уступила. Стоило мне сделать им замечание, они тут же превратились в моих врагов. Вот вам и семья. Устроила их к Лиде, хозяйке «Калинки». Она, как все они здесь, падкая на дешёвую рабочую силу, дала им маленькую комнатку размером в двухспальную кровать и эксплуатировала их, как все они здесь делают, т.е. без стыда и совести. Когда однажды при встрече Аня спросила меня, стоит ли им оставаться в Америке, я сказала, что если она готова лет 10 батрачить на Лиду, забыть про скрипку, то стоит. Они уехали, но Серёжа приехал через год назад и уже не возвращался в Россию. Говорили, что они развелись, и Аня превратилась в проститутку в полном смысле. Когда я это услышала, мной овладел такой страх и стыд, что я даже не пыталась связаться с ней. Мне было страшно и стыдно, что я не могу ей помочь. Как? И вот теперь она такая истрёпанная, такая больная. Говорим странно. У неё явное нарушение психики. Эти странные движения, в разговоре всё время перескакивает с предмета на предмет. Молчит, а потом вдруг спросит: «А какие сигареты курят в Америке?». Я спросила, сколько лет теперь Максиму. Она вдруг задумалась и ответила: 8 лет. Я помню, 9 лет назад мы крестили её сына в моей квартире. Я его крёстная мать. Вот ещё откуда у меня этот стыд перед ней. Крестил Максима Глеб Якунин.

Вот так мы и встретили Новый год с ней. Как в больнице. После 12 всё-таки пришли Валерик с Верочкой. Долго говорили, до 5 утра. Валерик подарил мне записи Высоцкого, тронул моё сердце тем, что помнит и знает, что я так люблю Высоцкого.

1 января 1997

Катя проснулась в 8 утра, и я была с ней до часу. Потом выяснилось, что заболела Вера. Высокая температура. День пробыла дома, а вечером поехала к Марине Соколовой. Дверь открыла Верочка, дочь Марины. Боже мой! Совсем не узнать. Только те же огромные голубые глаза да удивительно белокурые волосы. Лиза расплнела, стала мамой. Марина просто тает над внуком. Была Светлана с мужем. Это те люди, которые любили спорить со мной прежде по поводу Сов. России. Теперь они так же спорили по поводу Америки. И тогда и сейчас они всё знают лучше. Им не очень интересны сведения об Америке, их интересует лишь один вопрос – как выжить? И как бы хорошо жить? Я смотрела на замечательно сервированный стол, на рояль в углу с блюдом фруктов на нём, на массу картин и книг, на этих образованных и умных людей и думала, что всё это – моё прошлое, всё, что я собственной рукой вычеркнула из своей жизни. Я думала про свою жизнь в Америке, про почти такие же (или даже красивей) столы, но без этих людей, без их духовности и образованности, даже без их капризности и самодовольства (без божества, без вдохновенья, без слёз, без жизни, без любви). Америка – моя тюрьма, и вот я на побывке дома.

Верочка говорила очень разумно, видно, она многое понимает. Работает в какой-то инспекции. Лиза и её муж – математики, как их дед, знаменитый Нобелевский лауреат Кантарович. Сразу же согласились со мной, что в Америке нет математики, но продолжали утверждать, что жизнь в Америке замечательная. Они гостили там в разных университетах. Вспомнилось, как однажды этот Кантарович был у нас на даче. Ещё Игорь тогда сказал, что мы должны быть горды тем, что он нас посетил, что это всё равно, если бы Моцарт к нам пришёл в гости, что, мол, Кантарович – Моцарт от математики. Мы спорили тогда с ним до хрипоты. Я, по-моему, очень обидела его, упрекнув всех академиков сразу и его в том числе (хотя они утверждали, что он невинен) в том, что они подписывались под исключением Сахарова из академиков. Хотелось бы мне видеть, как было бы возможно такое явление, как Сахаров в Америке, где даже за поездку в Союз арестовывали и лишали работы, где все поголовно ненавидели Союз и были очень солидарны в этой ненависти. Вся Америка жила в страхе и ненависти, возбуждаемыми средствами массовой информации. Они строили подземные убежища, запасались продуктами на случай, если коммунисты нападут на них, и т.д. Такой паранойи, как была в США, мы и в сталинские времена не знали.

2 января 1997

Сегодня пошли с Валериком в Художественный театр. Смотрели “Лес”. Я никогда не читала и не видела эту пьесу, но с детства знаю и про Счастливецва, и про Несчастливецва. Такие русские характеры. “Так много денег прошло через твои руки, а всё ты нищий”, – говорит Счастливец. – “Горд я, Аркашка, горд”. Но когда надо помочь бедной девушке, Счастливец, который якобы жадный и не альтруист вовсе, сам отдаёт для неё последние деньги. И даже новый капиталист, тот, что скупает лес, имеет какие-то странные и великодушные черты в характере. Русские. Актёры играли прекрасно. Была Дороница. В театре было два с половиной человека. Несколько матросов. А театр всё такой же нарядный и красивый (это новое здание).

3 января 1997

Абсолютно не помню, что делала с утра. Вечером пошли с Валериком в цирк. В новый. И вот цирк огорчил меня до слёз. Где же то огромное мастерство, где атмосфера риска и блеска? Где львы и тигры? Где тот цирк, который мы называли философией? Я помню ЦИРК. Это был мир, это было что-то, что Томас Манн называл запредельным мастерством, тем мастерством, когда человек перестаёт быть простым смертным. Где та женщина, которая в блестящем костюме под прекрасную музыку входит в клетку ко льву или идёт по проволоке под куполом? Где слоны, фокусники и клоуны? Ничего этого мы в этот раз в цирке не увидели. Была одна мишура, как в Америке, блёстки на полу, а не на костюмах (костюмов не было), воздушные разноцветные шарики. Нет денег больше, нет денег на цирк. Цирк – это дорогое предприятие. И теперь нет целой огромной страны, которая платила за радость иметь цирк. Теперь эта страна разбита на маленькие рынки, на которых со временем, как в Америке, можно будет увидеть истинное искусство бездомного цирка. Мы снова шагнули в прошлое, во времена Белого пуделя и Гуттаперчевого мальчика. Цирк на улице.

21 января 1997

С утра был урок с Маришей. Рассказывала ей про мою поездку в Россию. Кстати, она очень хорошо меня спросила, когда вошла в комнату: “Ну как вам Америка?”. Похоже, она понимает, что я в Америке всё ещё гость. Когда я говорила, что люди живут хорошо в Москве, опять, как и с Хоганами, я заметила в ней какое-то переживание, типа ревности. Странно, им всегда (а может быть, всем нам) хочется слышать, что где-то, где нас нет, хуже, потому что что-то внутри нас говорит нам (обманчиво), что, мол, там лучше, и потому притягивает и заманивает далёкая страна. Часто заманивает в ловушку.

28 января 1997

Сегодня был урок с Маришей. Читаем “Обломова”. Гениальная вещь. В самом начале книги мысли ленивого Обломова о работе в ведомствах. “У нас это называется карьерой. Писать бумаги, сидеть в ведомстве с утра до вечера и потом ещё вечером работать над тем же. Как мало человеку нужно для всего этого, как мало чувств, мыслей, воли. Зачем же всё это?” – приблизительно так рассуждает наш ленивец. И он искренне жалеет тех, кому приходится делать карьеру. И он прав, ах как он прав. И позже в романе он не раз будет возвращаться к этой теме – к бессмысленности и убогости такого труда. Это ли не есть мысли самого Гончарова? И нам иногда жаль Штольца, нам, русским. Я сказала об этом Марише. Посоветовала ей постараться понять эту мысль, потому что это значит понять русского человека.

Вспомнила, как вчера беседовала с Марион, сидя в её шикарном трёхэтажном доме, где они живут с Питером вдвоём. Когда я рассказывала ей про Россию, ту, в которую я верую, когда сказала ей, что все пенсионеры, которых я встретила в Москве, включая моего “обиженного” брата, отставного офицера, живущего теперь на минимальную пенсию, живут в основном много лучше здешних пенсионеров с минимальными деньгами, потому что они имеют квартиры и всё остальное бесплатно, Марион спросила меня: “Но ведь они не могут жить, как я живу?”. Тогда я сказала ей, что многие русские просто не хотят иметь трёхэтажный дом на двоих потому, что это слишком хлопотно.

Мариша на это сказала, глядя мне в глаза с таким знакомым мне вызовом оскорблённой праведности западного человека, которому вдруг показали всё убожество материализма: “Да, но ведь и в России многие хотят жить так, как Марион живёт?”. На это у меня был ответ: “Да, это правда, так же, как правда и то, что в Америке есть много людей, которые не хотят жить, как Марион, считая

это аморальным. Не это главное, главное то, кого большинство. Вот мы и пришли к большинству. Понятие, которое я так всегда презирала. Но теперь вынуждена признать, что количество всё-таки переходит в качество. В России любят вдохновение, а накопывание материальных благ для себя не только не приносит вдохновения, а наоборот приземляет и унижает. Это закон. Какой ещё закон? – спросите вы. Такой же, как то, что все любят природу. Нет доказательств этому, кроме опыта, а опыт говорит нам, что это закон. Так вот, в России любят жить по вдохновению, вот почему в России всегда было так много общественных деятелей и революционеров. Потому что всегда есть либо Обломов, который мечтает, лёжа на диване, и перестаёт быть членом общества в силу своей бездеятельности, либо это Рахметов, или Декабристы, или Народники, или большевики и Ленин. Либо Лев Толстой с его «Не могу молчать». Все они мечтатели и поэты. Они все поэты, и все живут по вдохновению, и все ошибаются. Даже такие как Пушкин ошибаются, потому что убивают себя.

В России всегда было больше мечтателей, чем обывателей, и все они задавали себе один и тот же обломовский вопрос: «А зачем нам дано так много чувств, если только и надо-то для благополучной жизни – уметь аккуратно вести счета, или аккуратно обманывать ближнего, взвешивать и продавать, отмеривать и отрезать, соблюдать те или иные правила, будь это правила, предписанные правительством или каким иным диктующим аппаратом. Вот и всё, что нужно для благополучной мещанской жизни. Зачем нам даны любовь и страсть, зачем ревность и негодование, зачем чувство стыда?». Вот это последнее особенно беспокоит. Зачем? И даже Пушкин: «Я пережил свои желанья, я пережил свои мечты. Остались мне одни страданья, следы душевной пустоты». Какой-то там пустоты? Пустота – вот что нам остаётся, если мы пережили все наши желания и мечты. Однако на Западе понимают под словами «мечты и желания» деньги, деньги и деньги. И никто не понимает, что, работая по 18 часов в сутки в невыносимых условиях, мы убиваем свои желания и мечты. Прав Обломов. Несчастные! Однако что же делать? Один выход – творить молитву, смотреть на звёзды и принимать труд по возможности творчески, ну а если это бюрократическая работа, механическая, при которой невозможно ничто творческое, тогда надо принимать это как несчастье, как трагедию, но неизбежную, как судьбу. Иными словами, это осознанная необходимость, как писали марксисты. Как любое правительство и его установления. Надо просто подчиняться, тогда останешься свободным. Вот это я теперь поняла доподлинно. Ницше писал, что сопротивляемость – это свойство рабов. Парадокс, но правда. Шекспир писал – лучше служить им, чем быть как они. Тоже парадокс, и тоже правда.

Надо видеть, где ты и что ты, тогда ты свободен. И смириться. Прав Достоевский. Это вовсе не значит, что неправ Горький, кричавший через боль и отчаяние: «Человек – это звучит гордо!». Да, может быть, Обломов был больше человеком, чем Штольц, но он убил себя и дал дорогу, широкую дорогу Штольцам. А как же не убить себя, если даже и Пушкин убил себя? Есть ли пример, следуя которому мы бы не хотели убить себя? Как убрать себя с дороги Штольцев? Есть ли пример, следуя которому мы могли бы сохранить в себе человека, оставаясь в человеческом обществе? Да, я думаю, такие примеры есть. Разумеется, во всех хороших романах и различных писаниях мы находим изображения людей, тихо и незаметно творящих добро. Почему они не видны? Да потому, что опять же закон. Если кто-нибудь вырывается наружу – это тяжкий путь, и, как правило, путь нечистый. Если кто стремится завоевать славу, т.е. стать видимым, тот неизбежно попадает в машину зла. Исключений почти нет. Все исключения, типа Пушкина, убивали себя сами. Шекспир? Но как мало мы знаем про Шекспира. Может быть, Шекспир боролся за правду до конца и убивал себя в каждой

трагедии. Человек высокого калибра всегда свободен. И Мольер, конечно, никогда не продавался.

Это мои мысли после урока с Маришей. Потом я поехала на урок с Ароном. Арон сказал, что он думал, будто слово «бюрократ» означает коммунист.

30 января 1997

Встречалась с Фейт. У меня такой исследовательский подход почти ко всем моим здешним друзьям. Наверное, это по-западному не совсем честно так наблюдать людей и так их препарировать. Однако я люблю их. И никогда не ставлю превыше всего мой литературный интерес. Я знаю, что это люди, которые по каким-то соображениям ищут у меня ответа на терзающие их вопросы. И мне кажется, что это те же самые вопросы, которые так занимают русских. Поэтому они очень часто только по причине моей русскости обращаются ко мне за ответом. Это интересно. Мы встретились с ней в кафе «Бон-Марше», где обычно встречаемся с Ириной Дюфей. Мне не нравятся это кафе, и я предложила там встретиться просто по инерции. По инерции же Фейт предложила купить мне кофе. А я теперь практикую преодолевать инерцию не только как я это делала всегда в духовной и мыслительной сферах, но и в области повседневной жизни. Именно поэтому я отказалась от кофе, рационально рассуждая, что чистая вода значительно вкуснее.

Вот так, я думаю, можно часто не делать и не есть того, чего не хочется, и не пить того, чего не хочется, но тогда надо быть весьма осторожным, потому что это и есть путь в пустоту, где нет чувств и вдохновения. Возможно, вдохновение – это и есть желаемый обман. Короче говоря, мы встретились и, конечно, много философствовали. Она имеет странную, почти ещё непонятую мной философию. Иногда это похоже на Жан-Жака Руссо. Что-то пантеистическое.

Рассказала ей про фильм “I am not Rappaport” (Я не Раппапорт). Этот фильм мы смотрели в прошлую пятницу с Митей. В зале было 6 человек, включая нас. О чём фильм? О том, как два очень старых человека, один чёрный, другой еврей, беседуют и общаются на лавочке Центрального парка в Нью-Йорке. Старый еврей, назовём его Матвей (я не помню имён) и старый негр (назовём его Давид), сидят на лавочке и разговаривают минут 10, по фильму, вспоминая свои первые влюблённости. Матвей видит скромную еврейскую девочку с огромными глазами, а Давид – молодую крепкую женщину с печальным таинственным лицом. Давид говорит про неё: это моя первая жена, номер три, а влюбился я первый раз в белую женщину. Тогда Матвей привстаёт с лавочки и спрашивает: “А разве ты чёрный?”. Давид смеётся: “Конечно, я чёрный”. Матвей надевает очки и разглядывает лицо Давида: “О, и вправду ты чёрный”. Так они, не видя друг друга из-за плохого зрения, очень уж старые оба, не придают значения цвету кожи. Здесь это намеренно сделано неверно, так как они вполне могли знать о цвете кожи друг друга просто по выговору. Однако авторы фильма хотят подчеркнуть их безразличие к расе. И это очень трогательно. Потом показывают, как этот самый Матвей в магазине исправляет цены на товарах, потому что, с его точки зрения, это слишком высокие цены. Потом он старается урезонить бандита-мексиканца в тёмном углу парка. Тот почти убивает его. Давид следует за Матвеем всё время, стараясь убедить его в бессмысленности попыток исправить мир. То же самое говорит и дочь Матвея, которая утомилась разыскивать своего отца и волноваться за его жизнь. Она говорит: “Ничто не меняется. Всё осталось по-прежнему. Даже русские отступились. Ничего не изменишь”.

Потом эти старики становятся свидетелями того, как один ковбой избивает девушку. Оказывается, он из мафии по наркотикам, а она каким-то образом должна ему 2000 долларов, и вот за эти две тысячи он собирается её убить. Матвей, конечно, хочет спасти её. Он переодевается в старого итальянского гангстера, берёт с собой Давида, а тот нанимает индийца с «Роллс-ройсом». И они все едут на встречу с ковбоем. Они хотят убедить этого нового бандита, что они из старой мафии, что девушка принадлежит их «семье», и чтобы этот новый бандит не трогал её. И как нам всем хочется, чтобы у них это получилось. Но фильм честный, и у них ничего не получилось. Их обоих чуть не убили. Зачем так много чувств? Вот тебе и американский фильм! Митя сказал: «Так ведь они ничего хорошего не сделали, только всё портили». Это правда по фактам, но ведь они, эти старики, посылают в мир свой призыв к свободе и смелости. Они жили по вдохновению и передают это молодёжи. А в зале было шесть человек. Ну так что же? Там был мой сын. Так не сторают рукописи и хорошие фильмы, как этот.

3 февраля 1997

Сегодня получила письмо от Шерри (капитан Solvation army – Армия спасения, моя бывшая студентка). Не письмо, а так что-то вроде их газеты, где она описывает «ужасную» жизнь в Грузии, где она уже пару лет «спасает бедных грузин» и старается привести их к истинной религии, т.е. к баптизму. Так вот, она пишет, что они там подолгу сидят без электричества, нет отопления (в Грузии!), что так трудно стирать руками и ходить на 4-й этаж без лифта, что не работают, как надо, компьютеры. Какой ужас! И в конце призывает помогать Грузии, собирать деньги в помощь бедным грузинам. Слышал бы это Окуджава с его виноградную косточкой! Пришёл бы в уныние. А мне так хотелось бы спросить этих из Армии спасения, почему бы вам не помочь мне или другим американским гражданам? И я слышу в ответ: «У вас в Америке есть масса возможностей заработать (например, мыть туалеты), а грузины продолжают жить в солнечной Грузии и продолжают музицировать и пить вино, поэтому им, как инвалидам или убогим, надо собирать денежки». А так ли это? И им ли Армия спасения собирает деньги? А если и собирает, что, верю, часто случается, не есть ли это просто-напросто захватническая политика без оружия?

8 февраля 1997

Митя рыскает в Интернете и наконец нашёл себе какую-то подругу в Мариэн. Говорил с ней сегодня около двух часов. Страшно доволен, а я немного боюсь, особенно узнав недавно, что Виктория решила разводиться с Тимом из-за того, что тот имел роман с какой-то дамой по chat-room. Настоящая трагедия. Вики приехала ко мне в совершенно растрёпанных чувствах. Мне жалко их семью. И в ночь, когда Вики уехала, мне приснилось, что Тим просит меня о чём-то, так сильно просит. Утром я решила поговорить с ним, хотя не знаю, как это принято в Америке, если с ним я никогда не была в особенных друзьях. Пока не могу его достать.

Позвонила ей. Сказала, чтобы простила его, так как по себе знаю, что подобные увлечения проходят почти без следа, что это просто поэзия, а уж я-то знаю об этом много. Она обрадовалась, что есть зацепка простить его, только, говорит, он не просит прощения. Надо добиться от Тима уступки. Всё это напоминает мне историю Марины Соколовой. Если Вики разойдётся с ним, вернее, если Тим потеряет её, как Сева потерял Марину, я боюсь, он сильно проиграет в жизни. Эти две женщины сочетают в себе редко сочетаемое: рациональное и практичное с артистизмом души.

Продолжение в следующем номере.

Виктор КИЯНСКИЙ

Евразии лик в общих звуках

Казахско-русский ассоциативный словарь

(Продолжение. Начало в №№ 5-8 за 2012 год)

О

Отан (родина), **отбасы** (семья), **Отечество**, **отец** – одного корня

Ассоциативные подходы можно широко применять для изучения казахского и русского языков, где звуковые сходства буквально на каждом шагу. Это особенно проявляется в архетипических словах, где на казахском и русском широкий спектр сходства и аналогий. Посудите сами, с «от» начинаются священные слова у казахов – Отан (родина), отбасы (семья), отау (юрта молодых), а у русских – Отечество, Отчизна, отче наш, отец.

«От» у русских указывает на исходную точку чего-нибудь; на источник; на непосредственную связь с чем-нибудь; на целое, которому принадлежит часть; на другой предмет, который противопоставляется первому; указывает временную последовательность. Удивительная универсальность значений. В словаре Д.Н. Ушакова его следы в наибольшем числе слов – на тридцати страницах.

Не меньше впечатляет казахское слово «от», которое имеет два фундаментальных значения: 1) трава, 2) огонь. Оно и понятно, ибо все трофические цепи и экологическая пирамида дала (степи), всё богатство степняка, табуны скота начинаются от «от» (травы).

Трава – это законсервированная энергия Солнца. Высушенная, она помогает выжить зимой, накормить мал (скот) – братьев наших меньших и согреть детей Адама – адамдар (людей), дав от (огонь). Всё это дала (степь) нам дала, и это следует помнить вглядываясь **вдаль**. **От** (трава) – это начало начал, истоки энергии! Поэтому человека, который энергичен и пылок, с высоким запасом внутренней энергии, казахи называют «от-жігер». Неслучаен этот звук и в словах **отау** (юрта молодых, гнездо) **отагасы** (отец семейства). И когда говорят, что на защиту **Отан – Отчизны** должны встать все – «**айда** на **майдан** от **мала** до **велика**», то вдумаясь в общий смысл слов: **айда** (пойдём), **майдан** (поле брани, площадь), **от** (трава, огонь), **мал** (скот), **малай** (слуга), **лы** (великий), **билік** (власть). На подсознании призывной смысл понимаем одинаково всеми евразийцами.

В иерархии понятий в казахском языке обращает на себя слово орыс – русский. Если учесть, что близкое казахское слово арыс имеет несколько значений: остов, опора, защитник, человек, союз родов, ржаной хлеб, горноста́й, то близость звучания с тремя жузами казахов акарыс, жанарыс, бекарыс тоже совсем не случайна. Наше братство запечатлено в корне «рыс» навечно.

В этом ряду акарыс, жанарыс, бекарыс, орыс очень хорошо смотрятся слова **ырыс** (богатство, изобилие, благо, счастье), **ырысты** (удачливый, счастливый), **ырыстылы** (удачливость, везучесть). Воистину, **и рысь** ты лик удачливости и везучести.

Не будем также упускать из виду, что в русском языке словом рысь обозначили очень ловкого дикого рыжего хищника, а также мощный вид бега коня!

Обал (грех, греховный, жаль, жалко). **О, бал** прошёл, а в душе **обвал**, и жаль.

Обыгу (быть обжорой, сильно проголодаться). Всех **оббегу**, когда сильно проголодаюсь. **О, бегу** к соседям обжорой.

Одыр (дерзкий, грубый). От дерзкого и грубого жди **удар**. **Одарит** ударом. **О, дыр** сколько принесёт.

Одыраю (смотреть искоса, смотреть косо). **Одаряю** косым взглядом. **О, дырявлю** косым взглядом.

Одыра! (вести себя грубо, производить неуклюжие движения). **О, дрянь** ведёт себя грубо, но задорен. **О дыр он** заслуживает.

Озы! **ы** (опережающий, находящийся на более высоком уровне развития). Саратовская станция **Озинки** высокий статус имеет. **О, зенки** твои пусть вперёд смотрят.

Ой (мысль, дума). **Ой**, вспомнила мысль и что было.

Ойдагыдай (как следует, хорошо, нормально, как полагается, успешно). **Ой, догадайся**, как хорошо, и **отгадай**, как следует.

Ой ыл (колдобина, ухабистая местность). Когда колдобины, то **ой-кал** кучер.

Ойлы (умный, задумчивый). **Ой ли** – такой умный, как думают.

Оймалы (украшенный узорами, узорчатый). **Ой, малы** украшения. **Ой**, мало их.

Оймышты (украшенный орнаментом, инкрустированный). **Ой, мечты** мои в орнаменте.

Ойна ылы (игривость, шаловливость). **Ой, на-ка лик** шаловливости. **Ой, накликаем** игривостью беды.

Ойнас (блуд, любовник, прелюбодеяние). **Ой, нас** осудят за блуд.

Ойнату (заводить, забавлять). **Ой, нате** вам забаву.

Ойран (гибель, разрушение). **Ой, ран** сколько. Гибели не избежать.

Ойын (игра, шалость, шутка). **Ой, он** делает шалость.

Омырау (грудь, лиф, упрямый, самодур). **О, мира** просит и **умираю**, когда лезет упрямый самодур туда, где грудь.

Ондай (такой). **Он дай**, говорит, и всегда такой.

Онда (там, туда, тогда, в таком случае). **Он да** говорит в таком случае.

Опай-топай (беспорядок, переполох, сумятица). **Опай, топай** где беспорядок. **Опа, опять** беспорядок. **Апай, топай** ты отсюда, а то устроили переполох.

Опалау (пудрить лицо). **Опыляю** щёки пудрой. Попадёшь в **опалу** за то, что рано начинаешь пудрить лицо. **О, пылает** лицо и его надо пудрить.

Опыр (суматоха, переполох, содом). **О, пёр** на себе сколько и **упёр** в суматохе вещь.

Опыраю (обваливаться). **О, пыряю** – и противник падает.

Орай (места с хорошей сочной травой). **О, рай** настоящий, где такая сочная трава.

Оралу (быть завернутым, закутанным). **Орали** дети, когда их закутали.

Орда (дворец, ставка, центр). Ак **Орда** – это дворец Президента Казахстана. Золотая Орда – это общее наследие Казахстана, России, Украины. **Ордена** дают в Ак Орде.

Ору (жать, косить, порезать). Если порежу руку, то **ору**.

Орыс (русский). **О, рус** как русский.

Осылай (так, туда). Туда его **отсылай**. **О, ссылай** туда подальше.

Осындай (такой же, подобный). **О, сына дай**, подобного мне.

Ота (прополка). **О, так** правильно делаешь прополку.

От (трава, годная для корма скоту). **От** травы идёт энергия для скота.

Отар (колония). **От ар** – эта колония. Где **встарь** жил **бунтарь**. **Отара** те, кто в колонии.

Отшыл (любящий пастись). Я его **отшил**, любящего пастись за чужой счёт.

Ошару (собрать в толпу людей, согнать в одно место скот). **О, шарю** и сгоняю скот в одно место. Собрать людей и **ошарашить** новостью, а скот согнать в **кошару**.

Оя (совершеннолетие). **О, я** уже совершеннолетний и всё могу.

Оязнай (начальник уезда, уездный начальник). **О, я знаю**, кто начальник, и начальника уезда знай.

Ояну (просыпаться, пробуждаться). **О, я «ну** вставай» себе скажу и проснусь.

Ояту (будить, пробуждать). **О, я ту** буду будить.

Оятушы (тот, кто будит). **О, я тушу** сон. **О, я-то уши** разбужу, ты только свет пока туши.

П

Пайдалы (полезный, выгодный). **Пай дали** выгодный

Кандидат филологических наук из г. Семей Илиуф Хаджи Мурат в проекте «викизнание» опубликовал объёмистое исследование «Опыт выявления архетипов слов и их этимонов», где показывает на многочисленных примерах, как человек учился языку у природы, подражая звукам, порождаемым окружающими его предметами, веществами и явлениями. И следы этих звуков во множестве казахских и русских слов: ау, ба, тук-тук, пых, тык, пай-пай, ах, ма, пырх, чу-чу, шу, динь-динь, пыш-пыш, дык, бах, пыс-пыс, пыр-пыр, тыр-тыр и т.п.

Именно такие звуки мы инстинктивно начинаем использовать в общении с только родившимися детьми: ку-ку, кис-кис, цок-цок, тик-так, цып-цып, гав-гав, пых-пых, чик-чирик. И первые звуки младенца тоже из природы ма-ма, па-па, ба-ба, де-да. Звуковые природные аналогии мы пытаемся применять при общении с иностранцами.

Попробуем в словах на букву «П» найти русские ассоциации, облегчающие запоминание. Слов на букву «П» в казахских словарях на порядок меньше, чем в русских, однако многие из них активно используются на всём евразийском пространстве, и в качестве примеров можно привести: пай (доля), палас, палач, палаш, пампуша, папаха, папуч, парча, пахлава, пахмура, пахта, паша, пашалык, пекелек, пенька, пери, пёсий, пешкеш, пиала, плов, пирог, порт, постолы, притоманный, пурга, пустельга.

Незначительная реконструкция слов показывает звуковую близость многих из них, что способствует быстрому запоминанию.

Пайда (польза, прибыль). **Пойди**, и появится прибыль.

Пайымдау (разумение, рассуждение). **Пай им даю**, если есть разумение.

Пайымды (разумный, сообразительный). **Пай им да** дам, если сообразительные.

Па ыр (нищий, бедняга). **Покорный** нищий.

Пана (кров, приют, защитник, покровитель). У **пана** кров и приют.

Па ! дану (быть гордым, надменным). **Пану дано** быть надменным. Пап, да ну его, надменного.

Пар-пара (два, двое). Это и есть **пара**.

Пар (взятка). Во взятке участвует **пара**.

Паралау (рвать листья, страницы). **Порвали** книгу.

Пара – пар (равный, одинаковый). Одинаковые – это два сапога **пара**.

Парлау (парить, летать). **Парили** орлы.

Пасы (гнусный, омерзительный). **Посёк** паскуду гнусного.

Патырлау (трещать, стрекотать). **Потёр, лая** и треща.

П киза (изящный, чистый). Для **показа** изящный.

П ле-жала (всякая ложь, клевета). **Пели, жали** всякой ложью.

П рмен (сила, мощь, повеление). **Перемены** по повелению.

П рмендеу (действовать со всей силой). **Перемены даю** со всей силой.

П рім (сокол). **Парим** с соколом.

П с (низкий, низкорослый). Этот **пёс** низкий.

Пейіл (любезность, желание). **Поил** и проявлял любезность.

Перзент (дитя, сын). Сын – **презент** от Бога.

Пошым (внешний вид). **Пошьём** – и внешний вид будет.

П -л (деньги, ценность). Организуясь в **пул**, получают деньги.

П -т (идол). **Путы** от идола.

Пыр (вспархивание при взлёте). **Пырхнула** птица.

Пыс ыру (фыркать, фырчать). **Поскорей** фыркала лошадь.

Пысы ай (ловкач). **Пускай** ловкач, но его к себе не **пускай**.

Пысыл (сопение). Сопение – это **посыл** тем, кто рядом.

Пышту (отвращение, пренебрежение). **Пошто** ты так делаешь?

Пыпыл (шипение, сопение). **Пошёл** отсюда, если шипение.

Пікір (мнение, суждение). Суждение **пикировал** моё.

Пікірлі (определённого мнения). Если определённого мнения, то значит **покорили** пикируя.

Піл (слон). Слоно много **пил**.

Пістелену (становиться красивым). Красиво будто **постелено**.

Пішен (сено, травостой). **Пшено** из травостоя.

Пішу (кроить). Когда крою, то **пищу** мелом.

Пішім (покрой, раскрой). Когда делаем раскрой, то **пишем** на материале мелом.

Р

Ру (род), **рух** (дух). Если **руха** нет, то всё **рухнет**

Слов на букву «р» в казахском словаре не так уж много. При этом значительная часть пришла от евразийских соседей как звуки единой картины Мира, касающиеся божества, рая, названия цветов, блаженства. Примерно третья часть слов начинается со звука «Ра» и ассоциативно согласуется с представлением о боге солнца Ра. В Древнем Египте и в славянской «книге Коляды» бога солнца Ра подняла на своих рогах Небесная Корова, и он потёк по небу молочной рекой, фактически стал Млечным Путём по представлениям древних.

А на Земле в качестве отражения небесной Ра-реки разлилась земная Ра-река, ставшая знаменитым Беловодьем, духовным царством, ведическим раем в преданиях славян. Эта река упоминается и в книге Велеса, и в ведах Индии, и в Авесте. Российские исследователи высказывают гипотезу, что истоком Ра-реки является Ирийская гора, на которой расположен славянский рай. После открытия Аркаима появились предположения, что Ра-рекой является река Белая на Южном Урале, которая берёт начало у горы Иремель. Для подтверждения этой легенды приводится много русских слов, которые «живут под солнцем Ра»: рай, рассвет, рано, радушие, радуга, расстояние, рассеяться, рассада, раскрыться, рана, раздуть, и ещё сотни ассоциативно связанных слов.

Как я уже сказал выше, в казахском языке этот элемент тоже присутствует: Раббы (господь), рай (намерение, состояние, рай), разы (удовлетворённый), райлы (весёлый), райхан (красный цветок), райыс (благодарить, блаженство), рахатты (благодать), ра ат (блаженство), ра мет (спасибо), ра ым (милость), рамазан (пост), расты (подтверждение), расул (посланник), расында (в самом деле), рас (правда, истина). Кажется, что в данном случае реконструкции излишни. Приведу лишь несколько слов с другими звуками для подтверждения системного правила.

Р пат (лицо, лик, черты лица). **Ропот** лица слышу.

Реніш (обида, огорчение). **Ранишь** обидой.

Рет (очередь, черёд, ряд, порядок). **Рет** – это **ряд**.

Ретті (уместный). **Ряд ты** уместный поставил.

Реттік (порядковый). **Ряд – так** порядковый идёт.

Реттілік (порядок). **Ряд – ты лик** порядка.

Риза (согласный, довольный). На ком **риза**, тот согласный и довольный.

Ризалау (удовлетворить желание, просьбу). Тому, кто в **ризе**, **лаю** удовлетворить желание.

Ризы ты (обеспеченный). **Ризыкто** имеет, то обеспеченные.

Рия (лицемерие, двуличие). **Рея** ждёт лицемера.

Риялы (лицемерный). Лицемерные **реяли** и рдели.

Рулас (сородичи, люди одного рода). **Ру лаз** сородичи делали и нельзя до седьмого колена на них жениться.

Рухтану (воодушевляться, вдохновляться). Когда **рух тяну, то** воодушевляюсь.

С

Возводят в **сан** ничтожный **сан** (число, количество)

В ходе научных исследований Н.В. Дмитриук из международного Казахско-турецкого университета им. А. Яссави выяснила, что анализ ассоциативных материалов открывает реальную возможность выявить специфику системных образов сознания, т.е. в определённом смысле установить, обозначить, определить систему ментальных этнических ценностей. Такая система ценностей наиболее значимых языковых концептов определяется через построение на основе обратных ассоциативных словарей ядра языкового сознания. Им той или иной этнической общности называется условно принятое число (от 10 до 100) наиболее значимых, активно функционирующих в сознании, актуальных в речемыслительной деятельности слов-концептов. Считается, что в это ядро входят слова, имеющие наибольшее количество связей с другими словами в ассоциативно-вербальной сети. Сегодня во всём мире создано более двух десятков ассоциативных словарей, но не один из них не рассматривает пространственные межязыковые ассоциации, которые формируют, например, евразийскую ментальность. С этой точки зрения поиск евразийского ядра языкового сознания через омонимы в казахском и русском языках представляется полезным для изучения этих языков.

Слова на букву «С», кажется, убеждают в этом и дают пищу для размышлений. Например, слово «сал» в казахском языке имеет более десятка значений. В зависимости от контекста может переводиться как «разносторонний человек искусства». **Сал** должен быть и поэтом, и певцом, и композитором, отличаться своим костюмом и поведением. **Салы** пользовались большим уважением и были щеголеватыми франтами. А поэтому **салдау** (щеголеватому), чтобы пели и плясали, **сало даю** и **сало дай**, ибо на голодный желудок трудно петь. И тогда франт приобретёт **салдарлы** (серьёзность, солидность) – это будет **сала дар** и **лик**. А если приходит **сал ын** (прохлада), то **сала кинь**, чтобы не замёрзнуть. Самое интересное, что аналогичное многообразие порождают и ассоциации, производные от слов с этим корнем.

Сала (длина, например, пальца). У русских толщину **сала** меряли пальцами и говорили, например, что толщина **сала** в два пальца.

Сала (неряха, растяпа, небрежный). **Салага**, так говорят о неряхе.

Сала сыт (допускать небрежность). Заелся, **салага сыт** и допускает небрежность.

Сала ты (неряшливость, неаккуратность). **Салага так** неряшливость проявляет.

Когда появляется издалека **салтты** (всадник), то готовь **сало ты**, чтобы угостить.

Если до революции был **салы** (налог, подать, дань), то в первые годы советской власти **салым** (продразвёрстка) тоже проводилась **салом**, маслом и молоком. И получалось, что если **сало им**, то это настоящее **салым** (везение, удача) для власти. Когда сборщик приходил с **салом**, то был **салымды** (везучий, удачливый). При необходимости сравнения и сопоставления эквивалентом часто выступало не золото, а **сало**, и это было **салыстыру** (сравнение, сверка), что реконструируется в **сало тырю**.

Этот корень входит и в казахские пожелания здоровья и приветствия, которые при реконструкции очень понятны евразийцам, если учесть, что «сало-жир» для русского человека всегда было богатством и обеспечивало здоровую жизнь в условиях сурового климата. Поэтому **сало мать** клала в торбу для сохранения здоровья в пути. В казахском языке **саламат** – здоровье. И если **саламатты** (здоровье, благополучие), то **сала мать так** даёт для благополучия, а когда **салтанатты** (торжественный, роскошный, пышный), естественно, **сало то нате** на столы и в **сале тоните**, чтобы роскошно было.

Показательно, что в казахском языке есть также слово **сау** (здоровый, цельный, невредимый), которое стало основой для **саулы** (здоровье), переросшего в широкоупотребляемое **денсаулы** (здоровье) и пожелание здоровья. Есть даже дуплет **сау-саламат** (здоровье, благополучие).

На русском эти слова также складываются в пожелание при встрече: «Счастливый **день сею – лик** здоровья». И получается, что **саулы** (здоровье) – это **сей лик** здоровья, или сею лик здоровья меня встретившего, что понятно всем евразийцам на архетипическом ментальном уровне.

Недавно поймал себя на мысли, что просто по окончаниям числительных в казахском языке можно легко определить и понять качественно, о каком времени дня идёт речь, если использовать ассоциации с русскими словами. Начиная с шести часов утра, выстраивается следующий ряд окончаний:

6 (-дан), 7,8 (-ден), 9 (-дан), 10 (-нан), 11,12,13,14 (-ден), 15, 16,17 (-тен).

Если вспомнить, что у русских мудрый, везучий человек – это тот, кто рано встаёт: «Кто рано встаёт, тому и Бог даёт. Ему будет богом **дано**». И в казахском языке слово **дана** (мудрец, гений), а **да!** (прославиться) хорошо коррелирует со слово **дана** (мудрец) и русским словом **дано**. Свет солнцем **дан**. И многое дано тому, кто **дан**. А ещё **алты** (шесть), а **алтын** (золото). Кто встаёт в шесть часов, тот озолотится и станет золотым, ему Богом будет дано. 7,8 (-ден) – это уже день, начало дня – самое плодотворное время для работы. А ещё в это время **д н** (зерно) начинает активно расти под действием света дня.

9(-дан). Девять – это перевернутая шестёрка. Это время талантливых, золотых. 10(-нан). Им в десять часов будет дан нан (хлеб).

11,12,13,14 (-ден) – это время продуктивного действия – день. Это также **д н** (основа), и если будешь **д н** (довольным), то весь день будет таким.

15, 16, 17 (-тен) – это время, когда начинается тень и лучше от жары уйти в тень, пока не станет сагат алты жарым.

Это, конечно, версия, но которая способствует хорошему запоминанию ритма дня, что за чем следует.

В мусульманской традиции правоверные едят пищу правой рукой. Поэтому южане у нас самые правые и удачливые, ибо даже в топонимике слов «правый», «удачливый», «счастливый» обозначаются – о | , а потому они идут о | у (хорошо, правильно), одним словом, представляют о | т стік (юг).

А северяне – это сол (тот, та, то, левый), которых для проформы могут лишь спросить солай (так)? Им предопределено словами солу (увядать, блёкнуть), не исполнив своё соло, одним словом, сол (левый) всегда не о | (правый), а потому сола ай (левша), конечно, солбыр (вялый, инертный), привыкший сол ылдау (трястись и качаться), а их дом солт стік (север) – и в этом суть различий.

Впрочем, не только в этом. Вся географическая интерпретация символична. Шаг шығу (выход) солнца начинается с шығыс (восток), а заканчивается там, где батыс (запад). В это время надо делать бата (молитва, напутствие), глядя на бату (закат, заход). При этом помнить, о | т стік (юг) – справа, а солт стік (север) – слева, когда делают утреннюю молитву и смотрят туда, где сделает шаг к н (солнце).

Мой **сын**, пока ты мой (фигура, изваяние, испытание) и **сын** (критика).

А может, кто тебя использует как **сына** (клин), пытаюсь оторвать тебя как **сын** есім (прилагательное) к моему имени существительному.

А когда слышу сын-сипат (свойство, качества), то мне кажется, будто говорят, что сын симпатичный. И в словах **сынау** (критиковать, испытание, проверка), **сындас** (похожий, подобный), а также **баласыну** (считать ребёнком, принимать за ребёнка), улавливаю свойства русского слова **сын**.

А когда старший сын вырастает, то в дом приходит **абысын** (невестка). И русские родители скажут: «**Абысын** с невесткой жил хорошо, то нам будет хорошо».

С т (молоко) и **су** (вода) –

Основа жизни, её **суть – су** (вода) и **с т** (молоко).

На том стою, меня не **обессудь**.

И это подкрепляют **с тті** (молочный) и **с ттей** (светлый, самый чистый).

Сабадай (большой). Больше **себе дай**.

Саба ты (со вдетой ниткой). Как **собака ты** со вдетой ниткой, когда собака на привязи.

Сабыр (терпение, сдержанность). В **Сибирь собирайся** и прояви терпение.

Сабыт (тяжесть, трудность). Кто **подсобит** в трудности. Это трудное **событие**. **Сам бит** буду в трудности.

Сагыну (тосковать, скучать по кому-либо). Так и **сгину** тоскуя.

Саздау (заболотиться, налаживать). **Создаю**, чтобы налаживать жизнь.

Сайг лік (скакун). Скакун – это **сайги лик**.

Са алы (возмужание, взросление). **Сака лик** говорит о взрослении. **Соколик** ты мой возмужавший.

Сана (беспокойство, сознание, тревога). От **сана** исходит тревога. Тревога – и потому нет **сна**.

Санамалы (считанный, немногочисленный). **Сана малы** значения, если немногочисленный.

Сандалу (болтать без дела, бесцельно бродить, молоть чушь). Если **сан дали**, то можно молоть чушь.

Сандыра (бред, белиберда, чушь). Если у него **сан дурака**, то его речи – чушь.

Сапа (качество). Качество достигается тихой **сапой**.

Сарайшы (маленькое хозяйственное помещение). **Сарайчик** был в конце двора.

Себебі (потому что). **Себе бы** лучше потому, что это себе.

Себелену (накрапывать, брызгаться). **Себе ленну** (лейну) это накрапывание.

Себелеу (накрапывать, моросить). **Себе лью**, если накрапывает.

Себеп (причина, повод, мотив). **Себе бы** повод найти.

Себеп-салдар (причина, повод, действие). **Себе бы сала дар** – и повод будет.

Себепті (вследствие, по причине). **Себе бы ты** вследствие этого.

Себепшіл (отмахивающийся). **Себе бы шил** и отмахивался.

Себу (сыпать, сеять, поливать). **Себе** сыпал, сеял, поливал.

Себілу (быть посеянным). **Се было** посеяно.

Себіну (брызгать, опрыскивать). **Себе ну** брызгать.

Секіру (прыгать, прыгание). Попадая под **секиру**, остаток прыгает.

Серт (клятва, крепкое слово). Клятва идёт от **сердца**.

Сертгесу (договариваться друг с другом). **Сердиться** не надо, а надо договариваться.

Сипат (вид, наружность, характер, облик), **сипаттау** (характеристика). Его вид **симпатичный**.

Сыыр (корова). **Сыр** от коровы.

Соғыс (война, удар). Если война, то **согнись**, и если удар, то тоже **согнись**.

Сом (крепкий, плотный). **Сом** в реке плотный.

Сондай (очень). **Сон дай** мне – очень устал и хочу спать.

Соны (нетронутый, целинный, свежий). Когда вижу **сон** и сны, то после сна голова свежая.

Со! (конец, затем, после, за). **Сон**, а затем опять бодрствование.

Сор (засохшие капли грязи, пот на теле и одежде). **Сор** (несчастье, беда, бедствие, неудача). Из-за несчастья часто возникает много **ссор**, а грязь – это **сор**.

Су (вода), **с т** (молоко). Вода и молоко – это двигатели жизни и её **суть**.

Сужылан (обыкновенный уж). Если жылан (змея) становится в сказках **желанной** женой, то мужа назовём «**суженый**», или «**сужеланный**», как вода.

Су ан (ненавидит всем нутром), **су ит** (врун, лгун). Врун этот **сукин** сын.

Сусату (вызвать жажду, хотеть пить). Если жажда у ребёнка, то хочет **сосать** грудь.

Сусек (кормушка, закрома). По **сусекам** закромов поскреби и набери муки для колобка.

С_рлы (серый цвет, серость). Серость – это **серый лик**, или сур лик.

С тей (светлый, самый чистый). Он светлый человек, и это является его **сутью**.

Сыгыраю (смотреть прищурившись, еле гореть, слабо светить, тлеть). **Сгораю** и еле тлею. Ах, **сыграю** я сейчас.

Сызулы (начертанный, разлинованный). Начертанный объект **сузили**.

Сыйлы (уважаемый, почётный). Если есть **силы**, то уважаемый.

Сыла! (красивый, кокетливый). **Силён** красивый человек.

Сымбатты (стройный, статный). **Сим бит ты** будешь. **Сам быть ты** стройный должен. **Самобытний ты** парень.

Сын (испытание, критика, вина, проступок, внешнее и внутреннее качество). **Сын** – это испытание для отца и его критика.

Сын-сипат (свойственное чему-либо качество, свойство). **Сын симпатичный**, если у него хорошие качества.

Сырга – серьга.

Сырдете (закадычный, ближайший). **Сыр даст** закадычный. **Сердитесь** зря, мой закадычный друг.

Сыту (давить, выдавливать). Если **сыт**, то давит ремень.

Сілею (изнемогать, неметь, столбенеть). **Силою ослаб** и изнемогаю.

Сілет (повод). **Слёт** – это повод собраться.

Т

Табиғат (природа) – и **ты богат** с ней

Табиғат (природа, натура, характер, нрав). **Ты богат** и тот богат, когда вокруг природа, ставшая твоей натурой. **То, бегать** можно, где и есть природа.

«Ми» в казахском языке имеет значение «мозги», а ещё «трясина, грязь, болото». Их использование зависит от обстоятельств. Каков глубочайший смысл, диалектика и борьба противоположностей всего в двух буквах!

Конечно, это дар божий – мозги, которые могут поднять человека до высочайших вершин человеческого разума. Но они же могут опустить его в болото суеверий, трясины невежества, грязь предубеждений и тьму дремучую.

Ми (мозги) не станут **ми** (болото), если местоимение «**мы**» будет всегда выше эгоистичного «я», которому море по колено. Конечно, лучше, когда они скажут в одной упряжке по ухабистой дороге жизни – как коренной и пристяжной.

Кстати, в древнерусском языке «ми» обозначало «мне». Вот несколько строк «Слова о полку Игореве» на древнерусском и современном русском:

«Что **ми** шумить,
что **ми** звенит –
далече рано предъ зорями?»
(Что мне шумит,
что мне звенит –
издалека рано до зари?).

Чем больше присматриваюсь к близко звучащим словам, тем больше открываю новых для себя граней, возможно, случайных, но не перестающих возбуждать любопытство.

Ана (мама), **нана** (мама), **она** говорит нам с первых шагов – «**а, на** возьми» и даёт **нам нам** (имя) и первый **нан** (хлеб).

Есім (имя) **дано** как **дана** (мудрый, экземпляр) и **е, с им** сделаешь первый **адам** (шаг) к **Адаму** думающему, и к тебе придёт **да!** (слава), как к **Данко**. И если тебе имя **Ерболат** (ер-мужчина, воин; болат-сталь, клинок), то **яр булат** будет в руках этого мужчины.

В словах, начинающихся на букву «Т», наверное, наибольшее количество слов в казахском и русском языках, которые имеют близкое звуковое и смысловое сходство. Будто они развивались в одном пространственном поле. Предложения с этими словами имеют часто разную архитектуру и стиль, но из-под их штукатурки и обшивки проглядывает и угадывается одинаковый стандартный кирпич (ырпыш), использованный при строительстве ещё в давние времена.

Конечно, время и естественно-географические причины внесли существенные коррективы в отчуждение братьев от единой матери Евразии.

Нахожу нечто неестественное в сочетаниях «тюркизмы в русском языке» и «русские слова в казахском». Для меня более приемлема модель, в соответствии с которой казахский и русский языки – два прочных ответвления от одного крепкого алтайского ствола, как слова-напоминания о предках:

Т - ия (предки, праотцы). **То Кия** предки кияты, от Кия ты предок.

Т п-т - иян (родословная). Дно **то Киян** – моя родословная живых существ.

Т - иян (необозримая давность). **Ту Киян** давность представлял. Знаешь ту давность, когда ту Киян-море представляло т ым-т иян (потомство)? **Ты кем** доводишься, когда **тут Киян** был, какое потомство?

Вот образные свидетельства этой единой звуковой родословной.

Тажал (чудовище, обжора). Как он **тяжёл**, обжора. То жал на меня, то обижал.

Таз (плешивый, голый). Плешивый как пустой **таз**.

Та та (доска). Из доски **тахта**.

Та -та . Со слов **так-так** начинает обычно разговорчивый.

Танаула (запахаться, учащённо дышать, раздуть ноздри). Учащённо дышала, будто **тонула**.

Таныс (прощаться). Прощаясь, **тянишь** к ней.

Тамыр (друг, приятель, любовник, сожитель). **То мир**, где друг.

Тамыр-таныс (приятели и знакомые). **То мир, тянишь**, где приятели и знакомые.

Тапта, таптал, таптат (топтать, мять, порочить, позорить). Он позорил и **топтал** мою душу.

Тату (дружный, мирный). **Та ту** дружно поддерживает.

То ы (ткать, вязать, плести). Ты **тки**, и я **тку ткань**.

Тол у (волнение). Что **толку** волноваться?

Топырла (толпиться, сгрудиться). **То пёрла** толпа.

Т п (густой, сгущённый, каша). Эта **топь** как каша.

Т рт (четыре). **Торт** имеет четыре угла.

Т_шала (кушала). **Тушила** мясо и кушала.

Ты! (целина, бодрый, подслушивание). Выйду за **тын** и послушаю.

Тыпырла (проявлять беспокойство). **Ты пёрла**, и я проявлял беспокойство.

Тис (зуб). Стисну зубы, а **тиски** закручу и скажу «**тс**».

Тисен (зубастый). Если зубастый, то рот ему **тесен**.

А вот небольшая часть из словаря, где сделана незначительная реконструкция.

Табала (злорадствовать, ехидничать). Ехидничать, когда **ты была** или **та была**.

Табанда (тут же, сразу, немедля). Немедля следует заставить платить **ту банду**. **Та банда** прошла.

Табу (запретные действия, слова). Запрет и есть **табу**.

Табында (отправлять в табун). Отправлять в табун, где **та банда** пасётся.

Табыт (гроб). В гробу, когда **ты бит**. **Там быть** всем нам.

Тагы (дикий, одичалый). Дикий, как из **тайги**. Тога для тайги.

Та ал (подойти, упереться). Упёрся и **тыкал** в меня пальцем нахал.

Та ым (слабый, слабохарактерный, несчастный). Каким ты был слабохарактерным, **таким** ты и остался.

Тал (лоза). **Тал** и тальник используют для изготовления корзин.

Тала (селезёнка, развод супругов). **Толку** нет с этого **бестолкового**, и надо разводиться.

Там_ (му́ка, мученье, ад, преисподняя). **Там му́ка** в преисподней.

Тамылжы (становиться приятным, сладкий, выразительный, вдохновенный). **Там лжи** нет и становится приятно.

Таныл (быть опознанным, известным). **Ты ныл и тянул** время, но тебя опознали.

Та | ба (клеймо, тавро, метка, тамга). Моя **тамга** на гербе Украины. Это трезубец рода **Тарак иян**.

Та | дау (выбор, избрание, подбор). Если **тень даю**, то выбор будет правильный.

Тапа (топтать, травить). Ребёнок от злости **топал и топтал** свои игрушки.

Тарантас – тарантас.

Тарих (история, предание, рассказ). **Старик** знает историю и спрашивай у **старых**.

Тарлы (теснота, нехватка, скупость). На **тырле тёрлись и тёрли** других в тесноте.

Тарпы (брыкаться, бить передними ногами). **Терпи** и брыкайся.

Тарпыл (шлёпанье, шарканье). **Терпел**, когда было шлёпанье.

Темір (железо). **Тем мир** достигался, и сегодня из железа всё оружие. В **Кантемировской** дивизии есть железный след.

То | (упрямый, крутой, грубый). Что за **тон** у этого грубого человека?

Тотай (баловень, баловник, баловница). **То той** баловень.

Тура (прямой, прямо, ладья). **Тура-ладья** ходит только прямо.

Ту-гала ай (нарасхват, беспорядок, неразбериха). **Ту толкай** в неразберихе.

Т_з (соль). Соль идёт на **тузлук**, и тот **туз**, у кого есть соль.

Т_спалда (намекать, делать предположение). Напекаю: **ты тут спал**, да.

Т_щы (пресный, несолёный). **Туши** были несолёные. Если **тощий**, то пресный.

Т немел (кумыс, постоявший более суток). От такого кумыса **тут немел** язык.

Тыгыл (прятаться, скрываться). **Тягал** того, кто прятался.

Тызылда (чувствовать острую, жгучую боль). **Ты зол, да**, когда чувствуешь боль.

Ты ыл (частый стук). Кто-то **тыкал** в дверь.

Тыраш (хвостун, всё делающий ради показухи). **Ты раж** имеешь, хвостун. **Теряешь** авторитет в наших глазах, хвостун. И не **тараць** глаза.

Тілес (просить, умолять). **Ты лез** и умолял.

Тіріл (возрождаться, расцветать). **Ты рыл** и зырил, а его тырили, и он возродился.

У

Благодаря самоотверженному труду выдающегося учёного Казахстана Зифы-Алуа Ауэзовой в 2005 г. впервые издан на русском языке тюркский лексикографический словарь Махмуд аль-Кашгари «Диван Лугат ат-Турк», который открывает новую страницу в понимании глубокой связи тюркских и славянских языков и того, что в XI веке тюркский язык, распространившись по обширным географическим ареалам, являлся важным объединяющим фактором в общении народов, когда Дешт-и-Кипчак простиралась от Иртыша до Волги и далее до Днепра и Дуная. Верно отмечает Бахытжан Канапьянов: «Древнетюркский вклад в философию жизни каждого и в представления об общем государственном строительстве – это блестящий ряд сочинений, идущих от Орхоно-енисейских поэм VIII века, «Ырк битига» – «Книги сентенций» X века, от «Книги Коркута», вобравшей в себя легенды VII-XII веков Ахмада Югнаки, энциклопедии «Словарь тюркских наречий» – «Диван Лугат ат-Турк» XI века Махмуда Кашгари, «Кодекса Куманикуса» XII-XIII веков». А сколько ещё предстоит открытий!

В восьмидесятых годах XX века на Южном Урале при сооружении плотины были обнаружены останки древнего города, основанного четыре тысячи пятьсот лет назад. Он существовал ещё до строительства египетских пирамид. В домах были обнаружены печи для плавления бронзы. Вспомним, что в Грецию, согласно академическим утверждениям, бронза пришла только во втором тысячелетии до нашей эры. Этот уникальный город на Южном Урале называли Аркаим, который не вписывается в рамки традиционного понимания истории. Этот город имел уникальную «солнцеподобную» архитектуру, а строители в совершенстве использовали арки. **Арка им** была близка в конструкциях, и переключка **Аркаим, Сары-Арка, Арка, Аркалы, Аркалык** очень символична для Евразии. И это только начало, ибо сегодня в Казахстане обнаружены городища, откуда по миру за человеком пошли одомашненные лошади, запряжённые в повозки и познавшие узду... Это одна из самых загадочных страниц в истории человечества. Здесь придумали металлургический горн, сконструировали земледельческий плуг, которые затем принесли при переселении в Европу.

В ноябре 2007 г., когда мы только приступили к работе в мажилисе четвёртого созыва, ко мне обратился доктор исторических наук, профессор Виктор Зайберт с просьбой дать отзыв на его научные исследования, которые он проводит уже 30 лет. Результатом археологических находок учёного стало открытие энеолитического поселения Ботай, что изменило многие представления о развитии древнего мира. Я внимательно ознакомился с обширными археологическими данными и на депутатском бланке написал рекомендацию с просьбой на продолжение грантового финансирования.

И вот в 2009-2010 годах появились публикации в немецких, английских и американских изданиях, в которых подтверждается, что именно здесь, на территории современного Казахстана, была одомашнена лошадь. Этот вывод сделан в результате кропотливого совместного труда маститых учёных Казахстана, России, Великобритании, Германии, Франции, проявивших к Ботаю особый интерес. На Ботае найдено самое раннее из всех известных свидетельств одомашнивания лошадей. Об этом недавно в академическом журнале «Science» сообщила группа археологов, руководимая британскими учёными из Эксетерского и Бристольского университетов. Они отметили, что речь идёт о четвёртом тысячелетии до нашей эры, а это примерно на одну тысячу лет раньше всех иных доказательств одомашнивания лошади и на две тысячи лет древнее тех одомашненных лошадей, останки которых были обнаружены в Европе.

«Раньше среди историков бытовало мнение, что до эпохи бронзы эта земля была только транспортным коридором, через который шли индоарии, европейцы, тюрки и другие, но никогда не селились надолго, – говорит профессор Зайберт. – Открытие Ботая позволило полностью это опровергнуть. Ботайцы создали тёплые жилища, в которых они жили зимой до начала летней кочёвки. Именно ботайцами был сформирован тот тип деятельности, при котором люди могут выживать в степи, именно здесь формировалась степная цивилизация, подарившая

древней Ойкумене великие открытия. На территории поселения обнаружены черепа людей нескольких рас: экваториальной, средиземноморской, протоиндо-европеоидной и монголоидной. Всё это говорит о подвижности. Эта тенденция сохранилась и позже, в первом тысячелетии до нашей эры, по данным антропологов, расовый тип степного населения на 70 процентов являлся европеоидным и на 30 – монголоидным (сейчас это поменялось местами). Вероятно, отсюда и происходит феномен евразийства! Как это складывалось, великолепно написал в 2009 году русский учёный А. Бушков в книге «Чингисхан. Неизвестная Азия»: «Гунны, насколько известно – несомненные тюрки, пришедшие из Центральной Азии. А следовательно, можно слагаемое преспокойнейшим образом поменять: если имеются веские основания считать, что гунны-тюрки – это славяне, то остаётся всего один шаг до логического завершения: славяне – это тюрки. Один из тюркских народов, не из прозрачного синего воздуха сформировавшийся на берегу Днепра, а пришедший из великой Степи, когда масса тюркских народов пустилась в многотысячекилометровый путь, пока не достигла Европы». Это же подтверждает уникальная выставка таштыкских масок, проходившая в Астане во Дворце мира и согласия в апреле 2010 года. Были продемонстрированы изображения наших далёких предков, возраст которых определяется 1500-2000 лет. Гипсовые маски – портретные изображения древних тюрков, извлечённые из склепов и могильников Южной Сибири археологами, начиная с 1883 года до недавних научных экспедиций, хранятся в фондах Эрмитажа, Государственного Исторического музея, музея искусств народов Востока, Хакасского государственного музея. Таштыкские маски изготавливались древними мастерами, современниками людей, изображённых на этих масках. Маски являются результатом творения древнего скульптора и передают индивидуальные особенности внешнего облика человека таштыкской эпохи».

Я смотрел на эти каменные оттиски и ловил себя на мысли, что внешне мы мало изменились за эти тысячелетия, и во многих ликах узнавал своих современных знакомых, а сами маски выглядели как застывшие человеческие лица. Хакасский учёный Сергей Нарылков, который представлял выставку в Астане, также считает, что древние тюрки походили обликом на европейцев и что в библейские времена существовала мощная прототюркская цивилизация, которая попала в историю под названием арийской, а ещё дальше – в андроновской культуре. Учёный говорит, что ему довелось лицезреть одно из первых колёс на Земле. Этот артефакт хранится в музее номадов в Китае, в так называемой Внутренней Монголии. Колесо, которому около четырёх тысяч лет, очень неплохо сохранилось – это подлинное доказательство значимости кочевой цивилизации. Первое колесо покатило по свету из наших краёв. Может быть, этим и объясняется, что лошадь и колесо позволили доехать тюркам до самого Альбиона!

И на Дальний Восток тоже... Известный японский историк Эгами Намио аргументированно доказал, что первое японское государство Ямато, как и другие древнейшие государственные образования на Корейском полуострове, было создано евразийскими кочевниками, которых он именует «всадниками алтайского происхождения». Эту точку

зрения поддерживает казахстанский историк Жумажан Байжумин в двухтомном исследовании «История рождения, жизни и смерти пастуха Авеля. Арийский лексикон». Согласно его точке зрения большинство государств, возникших в древности, обязаны своим появлением исключительно кочевникам Евразийских степей. «Основной причиной миграционной активности покидавших её кочевников являлось периодическое вытеснение из неё постоянно воевавших друг с другом за необходимое жизненное пространство. Потерпевшие поражение скотоводы выдавливались за пределы Великой степи и перемещались на пространство «цивилизационного пояса» континента. Оказавшиеся здесь «изгнанники из Скифии» выступали уже в роли завоевателей оседлого населения... Внутренняя степная часть Евразийского континента являлась особым культурно-географическим пространством, в течение многих тысячелетий генерировавшим один из двух ключевых компонентов (земледелие и скотоводство), необходимых для поступательного развития человеческого общества», – считает Ж. Байжумин. И может быть, совсем не случайно историческая перекличка пассионарных евразийцев. Именно из наших степей с Байконура человек отправился в Космос и впервые смоделировал на Земле термоядерные реакции, бушующие на Солнце.

Впереди новые открытия во славу Евразии и через изучение общности языков тоже...

У (яд, отравка, токсин). **У**, змея, яд приготовила.

Уагда (обещание). **У, а где** обещанное? **Угадай**, какое обещание. **Уа, где** обещание?

У ждеме (мотивировка). Мотивировку **уж ждём**.

Удай (очень). **У, дай** это очень горькое и солёное кому-нибудь другому.

Удай-дудар (вздохмаченный). **У, дай, дударь** вздохмаченный.

Уда-шу (шум и гам). Шум-гам и кричат: **удушу**.

Усу (водка). Водка по **усу** текла, а в рот не попала.

Ура (бей). **Ура**, бей, мы победим.

Окончание в следующем номере.

Дополнительный урок

Вера ЕРЕМЕЕВА,

учитель русского языка и литературы
Бобровской средней школы Глубоковского района
Восточно-Казахстанской области

Õöäî æ èê ì í î ã öââòí î ã ñëî âà

Пейзаж в романе А. Егорова «Таёжный затворник»

Использование пейзажа как отражение описываемых событий, характера героев – это не новое явление в литературе. Писатели довольно часто в своих произведениях обращаются к описанию живой природы.

Из современных произведений о природе, созданных писателями Восточного Казахстана, пожалуй, наиболее ярким является роман А. Егорова «Таёжный затворник». Пейзажные описания в романе несут эмоционально-психологическую нагрузку. Они включают в себя дыхание Родины, теплоту солнца, медовый запах лугов, звук метели, отзвуки военного времени – и всё это через восприятие героя и самого автора. Александр Иванович настолько живописно изображает природу родного края, что возникает реальное ощущение личной сопричастности описываемым событиям.

Роман Егорова современен во все времена, так как он воспитывает человека нового поколения, человека-гражданина, самоотверженно любящего свою малую родину, способного на подвиги, сильного духом. Образ Сеньки Желаева, прототипом которого является сам писатель, близок и понятен людям любого поколения. Те, кто постарше, вспоминают себя или своих знакомых в этом возрасте, а современные школьники невольно сравнивают себя с Сенькой и задумываются о том, как бы они поступили в той или иной ситуации на месте главного героя.

Истоки романа лежат в биографии писателя.

Александр Иванович Егоров родился в селе Кутиха Зырянского района Восточно-Казахстанской области 10 апреля 1926 года. Родители работали пчеловодами на колхозной пасеке, дети помогали им в работе каждое лето.

Постоянное общение с природой одарило будущего писателя любовью к окружающему миру, научило его видеть прекрасное в каждой травинке. Его произведения – это как бы ожившие в словах картины о родном крае. И это не случайно: Александр Иванович не только писатель, но и удивительный художник.

Необыкновенная красота родного края на протяжении всей жизни подпитывала его любовь ко всему окружающему и давала ему силы на преодоление любых преград и испытаний. Жизнь особо не баловала Егорова, но из любой ситуации он мог найти выход, потому что преодолевать трудности ему пришлось с детства, как и герою его романа.

В 17 лет Александр Иванович ушёл на фронт. Награждён двумя орденами Отечественной войны второй степени, орденом Славы третьей степени, имеет много медалей. Уже в мирное время был награждён медалями «За освоение целинных земель», «100-летие В. И. Ленина», «50 лет Казахстану», «Ветеран труда».

А.И. Егоров в годы Великой Отечественной войны.

В настоящее время А.И. Егоров является членом литературного объединения Восточного Казахстана «Звено Алтая», организатором Международного фестиваля творчества «Золотой Тургусун», который проводится вот уже в течение четырёх лет на родине писателя в селе Кутиха. Благодаря этому фестивалю имя Егорова стало известно далеко за пределами республики (Россия, Израиль, Болгария...), а пейзажи, описанные в романе «Таёжный затворник», можно увидеть на картинах и фотографиях гостей фестиваля.

Рассмотрим разнообразие приёмов изображения пейзажа, видов пейзажных зарисовок и цветовую палитру, встречающуюся на страницах романа.

Текстовые исследования показали, что для характеристики событий, описываемых в романе, для более точного представления образа главного героя Сеньки Жслаева, автор использует почти все виды пейзажа. Это пейзажи вертикального и горизонтального пространства; географические пейзажи; годовой и суточный природный цикл; спокойные и бурные пейзажи; естественный и искусственный; земной.

Сопоставительный анализ выбранных из всего текста пейзажных описаний позволяет сделать вывод, что в романе тесно переплетены все виды пейзажа. Невозможно, говоря о годовом или суточном природном цикле, не сказать о географическом пейзаже или о пейзаже вертикального пространства. Как невозможно, говоря о естественном пейзаже, не сказать о географическом или земном пейзаже. Искусственный

пейзаж включает в себя сельское описание или описание усадьбы, то есть нечто, созданное человеком, то и такой пейзаж в романе встречается. Вот, например, какой вид открывается Сенькиным глазам, когда он в последний раз перед зимней эпопеей приходит домой: «Пока дотопал до взгорка, откуда открывался вид на посёлок Тургусунской ГЭС, тучи уже начисто закрыли всё небо. Посёлок состоял из двух десятков деревянных домов барачного типа. В конце его чётко выделялись на небольшом возвышении зелёная железная крыша станции и высокие красновато-коричневые стены её, выстроенные из прочного лиственничного леса... Прямо за зелёной крышей станции синела раздольная хвойная падь Банной. Там, в лесу, был ещё один посёлок за колючей проволокой – колония № 29, невесёлая тюрьма для всей местной округи» [с. 61-62]. Если считать описание неба не только пейзажем вертикального (верхнего пространства), но и рассматривать небо как элемент космоса, то следующее описание: «Небо у Кедровки уже высветлело и млело в сочной утренней голубизне, а на западе, над смолевой колючей гривой Мельничного уголья ещё стоял иссиня-сизый сумрак, где у самого горизонта истаивали, трепыхаясь, последние потускневшие звёзды. Вот пропала одна, другая... Звёзды словно напарывались на чёрные копыта пихт и лопались» [с. 53], вполне можно отнести к космическому пейзажу. Скорее, проще выделить те виды пейзажа, которые отсутствуют в данном произведении: это экзотический, фантастический и национальный пейзажи.

Пейзажи годового и суточного природного циклов встречаются на протяжении всего романа. Так как описываемые события происходят в период с 1939 по 1941 год включительно, то и пейзажные зарисовки включают в себя описания летних, осенних, зимних и весенних месяцев, а также изображение природы в разное время суток.

Переплетение различных видов пейзажа можно проиллюстрировать на следующем примере: «Утро уже обыгралось, когда он вышел с Фомкиной пасеки. Истаял, поблёл уже яркий румянец на вершинах горных кражей, и солнце заливало Развильскую долину ровным, безмятежным, прозрачным светом. Что-то в природе заметно изменилось. Лютые морозы уже явно отгуляли свой срок. Но время весны ещё не пришло. Она пока далеко на тёплом юге и сюда, на Алтай, не очень-то спешит, хотя ветры уже властно гонят её на север вместе с лёгкими, иссохшими шарами перекати-поля. Да, ещё зима, и нет ещё весны по календарю. А воздух уже напоён влагой и той удивительной чистотой и светлостью, какие только и случаются в феврале, в последние дни отзимья. Осины, кусты тальника по ручьям и берегам Тургусуна сияли вызывающе свежо, будто кто-то их заново одёрнул краской, только не акварельной, а масляной. Особенно выделялись чащобы из мелкого краснотала, загивки которого бездымными горами бордово-алым пламенем» [с. 195].

Если говорить о бурном и спокойном пейзажах, то особо ярко эти два вида пейзажей можно рассмотреть на следующих примерах описаний природы. «Ураган, мощный, свирепый, налетел неожиданно. Это был невероятной силы удар тугого спрессованного воздуха. Заскрипели, застонали стволы вековых пихт, тополей и берёз. Заметались,

заструились белыми гривами чёрные кряжи, вершины густолесья, заваленные снегом валуны и пни. На макушках обмысков с треском лопались поваленные старые деревья. Гулко хряснулась одна дуплистая сухостойна прямо неподалёку от нашего путника, взбив фонтаны снежной пыли» [с.105]. Это изображение бурного пейзажа. Пейзажная динамика передаётся за счёт глаголов и глагольных форм, которые чаще всего встречаются парами: «заскрипели, застонали», «заметались, заструились»... А вот описание спокойного пейзажа: «...день выдался с самого утра – лучше не надо. Стояло покойное безветрие. Перепады температуры последней недели, во многом переломной в преддверии весны, сотворили чудо... Земля хоть и была всё ещё далеко, под толстым слоем снегов, но и она, почуяв отходную зимы, исходила уже вся испариной, точно потела под мощным серебряным покровом, как под шубой ... – Ну и денёк! – не переставал восхищаться наш лесной отшельник. – Каждая берёзка как невеста в кружевах!» [с.220].

К данному пейзажу применимы слова Б.О. Кормана, сказанные о лирическом герое совершенно другого автора, принадлежащего к другой эпохе: «Характер... пейзажа мотивирован психологически – особым состоянием героя, обострённостью чувств, свежестью восприятия» (Б.О. Корман «Лирика Некрасова». // М. «Просвещение», 1964).

Возвращаясь к началу главы, где даны определения, что же такое пейзаж, мы можем сказать, что автор «Таёжного затворника» настолько умело с помощью слов воссоздал картины описания природы, что в воображении читателя ярко и образно предстаёт картина жизни живой природы. Эта картина показана то через восприятие главного героя – Сеньки Желаева, то через восприятие самого автора. Иногда эти восприятия сливаются воедино.

«Природный мир», по словам Л.Н. Демченко, – «один из самых распространённых характеристик художественного мира писателя» [с. 31]. Эти слова Л.Н. Демченко отнесла к поэтическому миру Павла Васильева, но эти же слова можно отнести и к произведениям А.И. Егорова, добавив, что это ещё и способ отразить любовь к Родине, родной тургусунской природе.

А.И. Егоров пишет: «Без Родины невозможно жить. Она всегда с нами, во всём нашем существе, в каждом сокровенном уголке памяти. Мы можем не произносить о ней высоких слов, но всегда, в крутые минуты жизни, когда нам становится больно или тяжело, она встаёт пред глазами в своей пронзительной ясности и необоримой силе» [www.kitaphana.kz/ru.].

Рассмотрим подробно, как же изображён пейзаж на страницах романа «Таёжный затворник» и как природа раскрывает характер главного героя, пятнадцатилетнего Сеньки Желаева.

На первых же страницах романа появляется пейзаж, отражающий годовой природный цикл – осеннее урочище. Егоров даёт яркое описание урочища, где находилась колхозная пасека, включая метафорический эпитет «щетиновые горы». В осеннее время это урочище местные мужики называли «ямой». Урочище «действительно выглядело ямой, окружённой с трёх сторон щетиновыми горами, покрытыми лиственным и хвойным лесом» [с.11].

Мастерски автор использует изображение суточного пейзажа, переплетая его одновременно с изображением вертикального пейзажа (верхнее пространство – изображение неба). Знакомство с характером главного героя, Сеньки, первый раз оставшегося ночевать на пасеке только с собакой Ерёмкой, происходит на фоне ночного пейзажа, который мы видим через призму восприятия подростка: «Звёзды, точно разбросанные по чёрному небосводу, как зерно, пригоршнями, светились густыми гнёздами и редкими неровными гроздьями, сияли ярко и ясно, будто их только что промыли. А кромка восточного горизонта неба, как бы притаяв, уже млела в голубом отсвете: оттуда скоро выплывет луна. Пчельник с ульями утопал в кромешном мраке. Ни зги не значилось и у ворот изгороди. Темнота пугала, настораживала» [с. 13]. Автор использует сравнительные метафоры, приближая до максимума космический пейзаж к живому житейскому восприятию мальчика-подростка, со своими страхами и с очень тонким чувством восприятия окружающей природы.

Во второй главе романа «Опасный рейс» показаны картины географического ландшафтного пейзажа: прекрасное описание лога, поросшего берёзами и пихтами. «С нижнего закрайка лога частоколом уходили ввысь белые, с тёмным крапом стволы берёз. Верхний же закраек скала сплошь покрывался чёрными островерхими пихтами, которые вздымались всё дальше и дальше в небо и едва обозначались там затем синевато-голубыми, тающими в солнечном мареве гребешками густого хвойного леса» [с. 19]. Насколько прекрасно выглядел этот лог, настолько он оказался опасным. «Поначалу раздался треск. А потом огромная масса снега с шумом рухнула вниз, поднимая ураганный ветер. Мгновение – и русло Тургусуна уже перехлестнуло гигантской гривой лавины» [с. 19].

Тургусун.

Плёт.

С любовью описывает автор «Таёжного затворника» родную пасеку, которая знакома А. Егорову с детства и на страницах романа стала действующим лицом этого романа вместе с Сенькой Желаевым. Соединение разных видов пейзажа и цветовых образов, образов-запахов позволяют читателю насладиться ароматом трав и мёда: «В середине июля наступает медосборный пик. В это время, как говаривал Иван Карпеевич (отец Сеньки), пчёлы мёд тачками в ульи прут. Цветут луга, цветут лога и лесные взгорья, и вся Развильская долина, напоённая ароматом пышного разнотравья, дышит густым и тёплым, ни с чем не сравнимым духом высокогорного мёда» [с.31].

Спокойный географический пейзаж предстаёт перед читателем, когда он знакомится с главой «Тургусунские плёсы». Поражает точность и одновременно образность описания Подкорытова плёса. Эта образность достигается за счёт сравнения берегов плёса с корытом: «Плёт и точно будто покоится в гигантском гладком каменном корыте. Правый берег плёса (это по ходу вверх) пологий, в чёрной стене пихтача. А весь левый берег как раз и отвечает свойствам корыта. Крутой его гранитный скат гладко обрывается от самой верхотуры прямо в глубокие пенистые водовороты реки» [с.32].

Пейзаж на страницах романа меняется в зависимости от того, как меняется судьба героя. Меняется налаженный жизненный ритм. Мирную жизнь нарушила внезапно ворвавшаяся в судьбы людей война. На страницах романа нет описания событий, связанных с военной судьбой главного героя, Сеньки (Александра). Это будет значительно позже. Сейчас же война героя идёт в другом направлении – это война с самим собой. И, возможно, эта война могла бы быть проиграна, если бы не чудо природы, окружающей Сеньку.

Традиционно в произведениях классиков какие-либо жестокие события в жизни героя, страны сопровождаются символическим описанием природы – предвестницы страшных событий. У Егорова природа живёт своей жизнью, отдельной от исторических событий. Пейзаж построен по принципу контраста: война – страшная трагедия в жизни человека, но, несмотря ни на что: «... природа жила сама собой, в своём неуёмном летнем цветении и буйстве, и ей не было ровным счётом никакого дела до бедствий людей». Сенька не мог не залюбоваться этой красотой. «Хорошо сёдни, ах, как хорошо!.. – Вот только эта война...» [с. 40].

Автор постепенно ведёт нас всё дальше по страницам своего романа, раскрывая красоту природы в разное время суток, любуясь раскрывающимся пейзажем вместе с героем романа. Плагольные формы: «млело», «трепыхаясь» [с. 53], используемые для описания утреннего неба, когда Сенька отправляется пополнить запасы мяса на зиму, словно передают состояние только что проснувшихся, но ещё не успевших отойти ото сна человека или птицу. Описание зимнего утра в главе «Тоска по дому» наполнено яркими цветовыми метафорами: «А утро выдалось славное, ведренное. Солнце уже *орумянило, озолотило* вершину Чёрной горы, каменистую, с *пепельно-серыми языками россыпей, с пятнистыми хвойными оподольями* и *хвоцинками голых уже* лиственниц по верховым её заливкам» [с.60].

В главе «Снег, снег», когда Сеньку захватил снегопад (он уже один хозяйничал на трёх пасеках), срочно пришлось отправляться утеплять омшаники и на соседних пасеках, потому что в любой момент погода могла поменяться в самую худшую сторону, и тогда пчёлы могли погибнуть. Но даже в этот трудный момент в его жизни Сенька не может не любоваться окружающей его природой. Мы видим зимнее утро глазами пятнадцатилетнего подростка, не утратившего тонкость восприятия, несмотря ни на что. Яркие цветовые образы построены на *контрасте*: белое – чёрное. Автор включает в описание и *метафорические образы*. Эти описания построены на приёме *параллелизма*, что

очень характерно для русского фольклора, когда деревья сопоставляются с человеком: «Острроверхие пихты будто кто-то укутал с ног до маковок в пушистые песцовые шубы. Чёрные до этого дальние горы высветились, точно вырядились во всё белое, свадебное. Тонкие тальничины, черёмушки, берёзки изогнулись в коромысла и дуги под тяжестью причудливых снежных наростов. Казалось, весь мир был сегодня в ватных комьях и серебряных кружевах» [с. 102].

Пейзаж помогает автору романа раскрывать душевные настроения героя. Тяжело пришлось Сеньке на трёх пасеках, страшно, одиноко. Да ещё пугает неизвестность: а ну как фашисты уже и родное село заняли! Чтобы притупить это чувство страха, одиночества и усталости, Сенька начинает увлекаться медовухой. Но даже при всей его пагубной страсти Сенька не перестаёт замечать красоту родной природы. «Лес стоял кроткий и задумчиво-сонный. Пихты, берёзы, рябины были все в снежных шапках и белой, игольчатой пене куржака, мерцающего множеством живых, трепетных, лучистых искорок. Тайга, обрядившись в серебро, будто сама любовалась своим белым ворсистым дивом» [с. 117]. Природа и, конечно же, чувство долга уберегли Сеньку от этой пагубной страсти: «Люди на фронте гибнут. Там хоть за дело. А я за что погибну?! (...) Да ведь и пасеки загублю» [с. 119].

Немаловажна композиционная роль пейзажа. Мы видим вслед за героем, какие происходят в природе изменения за то время, пока Сенька находится на пасеке. От главы к главе ведёт нас автор вместе со своим героем, раскрывая красоту тайги всё в новых гранях. В главе «Испытание за испытанием» дано описание красоты берёз, покрытых зимним куржаком: «Берёзы стояли сегодня, точно богатые невесты, все осыпанные крупной серебряной чешуёй. Стояли тихо, торжественно, как белое диво, как клубы облаков, и, казалось, что они и сами любовались своей несказанной красотой» [с. 124].

В главе «Над пропастью» в очередной раз изображается, как на картине, красота утреннего пейзажа, представшего взору Сеньки. Мы видим пространственные образы природы. Если у земляка А.И. Егорова, Павла Васильева, по словам Л.Н. Демченко, «проявляется тяга к пустынной природе» [с. 39], то у самого А. И. Егорова это «тяга» к утреннему горному и лесному пейзажу. Но каждый раз – это новые картины, новые зарисовки, ещё полнее раскрывающие внутренний мир героя. «Удивительно красивым оказалось это утро! Солнце щедро заливало лесистые распадки огромной горы, чёрное хвойное густолесье, рыжие вспучины скал, серебряные выплески берёз. Чистые, без кустов, проплешины густо перечёркивались прямыми и длинными полосами сочных светло-синих теней. А от редких здесь рябин и берёз тени падали на снег какими-то чудными стогами из голубоватых кружев. Золотой свет слепил глаза. И в то же время в сверкающем от солнца воздухе продолжали пролетать, планировать лёгкие мохнатые звёздочки белой кухты. И недвижимый лес как бы с удивлением глядел на это сказочное утреннее диво, зачарованно любовался им, с улыбкой принимая на себя, на ладони хвойных лап серебряное сево сияющих небес» [с. 144-145].

Автор использует «повторяемость пейзажей». Эта повторяемость заключается в том, что действие происходит, чередуясь, на пасеках и в лесу, утром, днём, ночью, в основном – в зимнее время. И, как правило, утренний пейзаж несёт в себе оживляющую функцию. «Диво дивное» встречается в главе «Мрачные дни и ночи», когда, казалось, Сенька настолько устал от бесконечных забот, бесконечных переходов от одной пасеки к другой, от мыслей о том, где же сейчас фронт, что он даже не способен радоваться этому диву. «А диво, действительно, было дивное. Влажная вчерашняя пороша, облепившая своим пухом все горы, и сегодняшней пышный белопенный куржак сотворили из леса прямо-таки чудо из чудес. Не виделось ни одной голой веточки, ни единой хвоинки, всё утонуло в узорном сияющем серебре, и белое полымя это сверкало, переливалось слепящим разливом мерцающих алмазных огней» [с. 155]. Неужели эта красота оставила героя равнодушным?! Конечно же нет, если через столько лет он вспоминает об этом утреннем чуде.

А вот ещё одно утро: «Дьявольски хорошо сегодня в лесу! – отмечает мимоходом охотник, отправившийся на охоту за рысью. «А лес был в это утро кричаще красив. Какой-то обновлённый и сверкающий. ...всюду по ослепительному снегу хаотично выстигались огромными загадочными знаками тени... А между тенями полыхала, горела, лучилась, звёздно вспыхивала белая пороша, будто осыпанная грудями самоцветов» [с. 192]. И это утро настолько кричаще красиво, что Сенька вновь становится способен искренне воспринимать эту красоту. Она как бы вселяет в него уверенность в своих силах и даже предполагает некую расслабленность (что, кстати, никак недопустимо в тайге, в чём мы и убеждаемся после, когда происходит схватка-поединок Сеньки и рыси).

Долгие зимние месяцы, проведённые на пасеках, закалили Сеньку. Свою жизненную силу, энергию он черпал у природы, которая щедро с ним делилась. Ещё не наступила весна по календарю, но пришло осознание обновления в природе, в душе Семёна. «Да, ещё зима, и нет ещё весны по календарю. А воздух уже напоён влагой и той удивительной чистотой и светлостью, какие только и случаются в феврале, в последние дни отзимья» [с. 195].

Семён радовался вновь наступившему, почти весеннему утру нового дня. Происходит перелом в сознании подростка. Гипотеза, что пейзаж в романе «Таёжный затворник» несёт эмоционально-психологическую нагрузку и часто отражает переходные моменты в жизни персонажей, подтверждают и заключительные страницы романа «Таёжный затворник». Возвращается на пасеку старик Давыдов, который принёс хорошие вести о делах на фронте. И природа становится другой, потому что Сенька воспринимает её уже не как что-то угрожающее его спокойствию. «...На мир он глядел уже совершенно другими глазами – светло и радостно» [с. 220]. Вновь появляются спокойные метафорические сравнения, цветовые метафоры: «долина нежилась», «верх Чёрной горы и вершина её, кряжистая, мощная, стояла как Дед Мороз в красной шапке», «каждая берёзка как невеста в кружевах».

Автор на протяжении всего произведения показывает борьбу между Добром и Злом, причём эта борьба происходит как на всемирном уровне (Великая Отечественная война), так и на уровне одного определённого пространства (родное село автора – Кутиха и пасека в Развилах). Эта борьба происходит и в душе главного героя. Благодаря тому, что Сенька постоянно находится на природе, общается с ней, впитывает в себя её энергию, Добро в его Душе побеждает зло. Этот «взрослый мальчик», как его назвал А. Егоров, становится совершенно другим человеком после борьбы со стихией, с рысью, с заключёнными, со своими слабостями. Оно же (единение с природой) позволило с достоинством перебороть все страхи, все переживания и помогло остаться юному герою Человеком.

Всего на страницах романа насчитывается более семидесяти пейзажных зарисовок. Практически в каждой из них присутствует цвет. Автор мастерски представляет *цветовую палитру* при изображении различных видов пейзажа. Доминанция того или иного цвета зависит от времени года, суточного времени и эмоционально-психологического состояния героя.

Вот, например, какие цвета видит Сенька в то утро, когда отправляется на охоту на рысь: «скалы и перелески... окутаны *таинственной продымью*», «*сизые, бурые, красноватые стволы пихт*», «*тёмно-зелёный шатёр хвой*», «*ослепительный снег*», «*густая синева*», «*бирюзово-голубые*» тени, «*небесный свет*», «*полюхала, горела, лучилась, звёздно вспыхивала белая пороша, будто осыпанная грудями самоцветов*» [с. 192]. Сенька Желаев любит то, что видит вокруг. Осознание того, что, возможно, он в последний раз видит родную тайгу, так как неизвестно, кто победит в поединке – он или рысь, обостряет восприятие героя. Отсюда и буйство красок, хотя события происходят не весной или осенью, а снежной зимой. Удивительно играет красками белый цвет – цветовую динамику передают глаголы «*полюхала, горела, лучилась, звёздно вспыхивала*». Все краски как бы светятся, создавая очень образную картину. Цвет и свет перемешиваются в метафоре «небесный свет».

В романе времена года переплетаются, не всегда показаны в хронологической последовательности, т.к. герой, оставшись глубокой осенью один на пасеке, вспоминает и лето, и весну первого года Великой Отечественной войны; в повествование вплетаются авторские лирические отступления.

Тот или иной цвет может преобладать в описании в зависимости от времени года, суток.

Подробно рассмотрев все пейзажные зарисовки в романе, мы обнаружили, что наиболее часто встречается красный цвет. Покажем это на конкретных примерах.

1. *Довоенная осень 1939 года.* Сенька впервые остался один на пасеке в урочище Яма. Герою немного страшно, чуть-чуть тоскливо, но он ещё не чувствует одиночества, знает, что надолго он один в урочище не останется. Яркие краски перемешиваются с приглушёнными оттеночными тонами оранжевого и бордового цвета: «Берёзы, прихваченные первыми заморозками приближающейся осени, светились чистым червонным золотом;

багрянцем и притушённым пёстрым пурпуром пылали кусты рябины, черёмушника и осинника...» [с. 11].

2. Ещё местами сохранился зелёный цвет, но он уже разбавлен другими цветовыми оттенками: «чёрно-зелёные, острозубые гребешки пихтачей» [с. 11], «зелёно-синие осиновые стволы молодого лесного подростка» [с. 12]. Ночь добавляет чёрные, тёмные краски: «вечерняя *темень* сгущалась»; «*тьма* окончательно поглотила все очертания предметов»; «чёрный небосвод»; «крошечный *мраю*»; «*темнота* пугала» [с. 13]. Сеньке, 14-летнему мальчишке, страшно ночевать одному на пасеке, потому так много появляется тёмного цвета.

1. Весна (март) 1941 года.

В народе март называют «пересмешником», потому что погода, а, следовательно, и краски природы могут поменяться в течение одного дня неоднократно. Вот такую смену красок показал автор. Утренние краски: «Солнце уже *подожгло* снега южных склонов лесистых гор в ровное *розовато-алое пламя*»; «*прозрачный, голубоватый сумрак*»; «*красноватые краски утра*» [с. 18]. Основные краски мартовского дня – *чёрная и белая*: «Щедры облитые солнцем снега *засверкали* так ослепительно *ярко и бело...*»; «*белая пыль*» [с. 18]; «*чистая нестерпимая белизна*»; «*белые, с тёмным крапом стволы берёз*» [с. 19]; обвал сравнивается с «огромнейшим *белым платком*» [с. 21]. Контрастно в один и тот же день представлен чёрный цвет тайги: «*чёрные островерхие пихты*»; «лог..., сдавленный с двух сторон *березняком и хвойной чернотью*» [с. 19]; «*тёмные пихтовые гайки*»; «*чёрный, как соболиный мех, хвойник*»; «*чёрно-синие кряжистые кедры*» [с. 22]; «*сочно-чёрная щетина урёмного пихтача*» [с. 25]. Совсем иными красками представлены горы: «*фиолетово-серые скальные выступы*» [с. 22]; «горы, облитые *пурпурной соковицей*, млели в *яром пожарном зареве*» [с. 25]; «*серые, желтоватые, красновато-коричневые камни*» [с. 26].

2. Лето (июль) 1940 года.

Необыкновенной любовью к родному краю пронизаны страницы главы «Тургусунские плёсы». В июле на Алтае настоящее буйство красок. Рядом с яркими тонами соседствуют более нежные. В этот период нет какого-либо преобладающего цвета или оттенка: все цвета перемешались,

А.И. Егоров
на реке Тургусун (Кутиха).

как на картине художника, написанной акварелью. «*Огненно пламенеют* длинные метёлки кипрея, *сахарно-золотистыми комьями светится* по мочажинам лабазник, *буйно вспениваются* высоко взмётанные *белые шляпки* и *светло-зелёные, крапистые окатыши* могучего травостоя зонтичных – морковника, сибирского дягиля (дидлэвника), медвежьих пучек, омика. И на фоне всех этих *красных, жёлтых, синих и белых пятен* цветов мягко, покойно

млеют в летнем мареве *зелёные* горные гребни, *синеватые* зубцы дальних пихтачей» [с.31]. Даже пихтач уже не чёрного, а синеватого цвета.

3. Лето (июнь) 1941 года.

В начале главы «Война началась» даётся небольшая пейзажная зарисовка. На первый взгляд кажется, что в ней нет ничего особенного – обыкновенный летний пейзаж, вполне мирная картина. Если же обратить внимание на краски, то может сложиться чёткое представление надвигающейся катастрофы, потому что преобладающие цвета – это различные оттенки красного (цвет зарева, цвет пожара): «*Отгорели... рассыпью горячих углей* цветы жарки... Отцвели, отбуйствовали... *бордово-малиновые* бутоны марьиных корений... А на солнцепёках уже кое-где *пыхнули* *пурпурно-розовыми, фиолетово-алыми* свечками длинные метёлки иван-чая» [с. 37].

Но война – это для людей, а природа продолжает жить своей жизнью, наполняет мир и другими красками, не только огненными. Очень ярко предстаёт она перед Сенькой Желаевым. «*Ясная, тёмнопёрая* от пихтачей, она [пола Канайки], казалось, млела в неге и, купаясь в солнечных лучах, едва заметно плавилась в *голубоватом* мареве»; «...уже занимался *самоцветный крап* ранних цветов – *седых* тесёмок кислятки, *яичных желтков* омика, *белых* ошмётков морковника...» [с. 40].

Природа в ярких красках предстаёт на прощание во всей своей первозаданной красоте и перед новобранцами, идущими на фронт. Парни идут защищать Родину – и нет места мрачным краскам. Даже чёрный цвет не предстаёт в чистом виде: пихты «*воронёные*» [с.49], хвойники «*смолево-сизые*», кедрачи предстают «*синими жирными кляксами*» [с.48]. Большой Тургусун «змеился... *серебристыми* перекатами, *синелглубокими* плёсами». «За рекой, за *светло-зелёными* и *оранжево-палевыми* прочерками прибрежных лугов горбились маленькие горушки с *сочными тёмно-зелёными* рядами стрелчатых пихт». «И в этом *ярком тёмно-зелёном* океане пихтача то там, то здесь белоногими грибами выбивались из *хвойной черняти* старые берёзы с *золотисто-зелёными* шляпами листьев» [с.49].

4. Осень (ноябрь) 1941 года.

Ноябрьский утранный пейзаж изображён в насыщенных тонах с преобладанием более тёмных. Природа ещё не проснулась, но появляются краски, каких не было летом, например, фиолетовая: «...над смолевой колючей гривой Мельничного уголья ещё стоял *иссиня-сизый* сумрак». «Под ногами... скрежетала намытая водой *светло-коричневая* дресва»; «... ровными *зелёными* коврами выстилался мох». «Стволы пихт поднимались вверх прямыми, *чистыми фиолетовыми* колоннами, и только где-то на исходе, у вершин, они начинали куститься *тёмными* хвойными ветвями и смыкались потом в сплошную *тёмно-зелёную* крышу» [с. 53].

Отдельно автором выделен день – 2 ноября. Этот день можно считать пороговым днём во всей его дальнейшей жизни. Сенька проводил стариков-пасечников домой и остался один на четыре долгих месяца хозяином трёх пасек. Пока Сенька этого не знает, но в этот момент даже любимая природа показалась ему чуждой, враждебной. Эта враждебность нашла отражение и в цветовой палитре. Горы пугали его «*тёмным* разливом дальних густых пихтачей, притушённых *синеватой* утранный роздымью», они

«давно уже потеряли розовость утра и точно зябли в белом своём одеянии, как зябнут бойцы на снегу в таких же белых маскировочных халатах. Дол же перед Фомкиной пасекой ещё утопал в синем затенении» [с. 90].

Но через неделю у Сеньки уже другое настроение: нет времени предаваться тоске – и без того много забот. Меняется и цветовая гамма в соответствии с настроением: «Чёрные до этого дальние горы высветились, точно вырядились во всё белое, свадебное... Казалось, весь мир был сегодня в ватных комьях и серебряных кружевах» [10, с. 102].

5. Зима (декабрь-февраль) 1942 года.

Очень контрастно автор представляет на страницах романа цветовую палитру зимнего пейзажа. С одной стороны – это белый и серебристый цвета, а с другой – чёрный и оттенки чёрного цвета: свинцовый, траурный.

«Пихты, берёзы, рябины были все в снежных шапках и белой, игольчатой пене куржака...». «Тайга, обрядившись в серебро, будто сама любовалась своим белым ворсистым дивом» [с. 117]. «Вершины высоких пихт» отяжелели от «белых охапок снега»; «берёзы стояли..., точно богатые невесты, все осыпанные крупной серебряной чешуёй». «В этом белом январском разгуле, в этом серебряном сиянии земли печаль навевали лишь одни кусты черёмушника... Черёмуховые кусты и в январе стояли чёрные, как траурные изваяния, словно олицетворяя собой людское горе в этот первый год жестокой мировой войны» [с. 124].

Как оттенок чёрного встречается серый цвет: «тёмно-серые прядки облаков» [с. 128], «серое рваньё туч» [с. 129], «свинцовые, налитые, отяжелевшие от влаги тучи», «чёрная Канайка» [с. 143], «небо заволакивалось низкими серыми космами» [с. 188].

И совсем в другом оформлении, совсем не мрачном, даётся чёрный цвет в следующей зарисовке: «Солнце щедро заливало лесистые распадки огромной горы, чёрное хвойное густолесье, рыжие вспучины скал, серебряные вышлески берёз». А какие цветовые образы зимнего утра показаны далее: «сочные светло-синие тени», «голубоватые кружева теней», «золотой свет», «сверкающий от солнца воздух», мохнатые звёздочки белой кухты», «серебряное сево сияющих небес» [с. 144-145].

Видимо, преобладание именно этих двух цветов (белого и чёрного) связано с несколькими причинами. Во-первых, на дворе 41 год, война. Чёрный цвет – это цвет смерти, траура и родной земли; белый цвет – это цвет юности, невинности, но, в то же время, и цвет савана. Во-вторых, Сенька Жселаев на четыре долгих месяца остался один, в безвестности, а что же там, дома? Для него чёрный цвет – это цвет тоски, иногда и отчаяния. Но Сенька молод, полон жизненной энергии, поэтому он не может не видеть красоту зимней природы, просто не способен оставаться равнодушным к этой красоте. И белый цвет – это цвет юности, надежды и, пожалуй, источник душевных сил. «Влажная вчерашняя пороша ... и сегодняшней белопенный куржак сотворили из леса прямо чудо из чудес. Не виделось ни одной голой веточки, ни единой хвоинки, всё утонуло в узорном сияющем серебре, и белое полымя сверкало, переливалось слепящим разливом мерцающих алмазных огней» [с. 155].

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что одним из главных художественных приёмов при изображении пейзажа в романе «Таёжный затворник» является приём использования цветовой палитры. Основными контрастными цветами выступают белый и чёрный, а также их оттенки. Наряду с белым и чёрным цветами довольно часто встречается голубой, зелёный, красный и различные оттенки красного. В наиболее яркой цветовой гамме изображены летние пейзажи и зимние утренние пейзажи. Пейзажи А.И. Егорова на страницах романа можно сравнить с акварельными и масляными пейзажами.

И в заключение хочется отметить, что пейзажные зарисовки в романе позволяют рассмотреть и нравственно-экологические проблемы: через весь роман проходит мысль, что природа никогда не оставит Человека в беде, даже в самых трудных для него жизненных ситуациях. Она всегда поможет людям найти выход при условии, что они сами не станут обижать природу, не будут действовать как её враги. Только в единении с природой Человек остаётся Человеком.

Список использованной литературы

1. Госархив Зыряновского района. Александр Иванович Егоров (1926 г.) [Электронный ресурс] // Восточный Казахстан: известные имена. Писатели и поэты: <http://imena.pushkinlibrary.kz/lit.htm>
2. Статья: Егоров Александр Иванович: www.biografia.kz
3. Савельева В.В. Художественная антропология и творчество писателя. – Усть-Каменогорск – Алматы ВКГУ им. С. Аманжолова: Казахский национальный педагогический университет им. Абая, 2007, с. 193-202.
4. Егоров А.И. Таёжный затворник. – Алматы: Каржы-Каржат, 1997.
5. Демченко Л.Н. Павел Васильев в воспоминаниях, документах, фактах, – п. Белоусовка – г. Усть-Каменогорск: МОН РК, Глубоковский отдел образования, ГУ «Централизованная библиотечная система» г. Усть-Каменогорска, 2010, с. 31, 39.
6. ГУ «Централизованная библиотечная система» г. Усть-Каменогорска: kitaphana.kz/ru.

Саадат МАМЕДОВ

Որո՞ճա՛յ ի ծի՛ ըո՞ճա՛ի ըո՞ա՛ի ա՞ճա՛ի ա՛ի է

О романе Камала Абдуллы «Долина кудесников»

В течение длительного времени в отечественной философии исследования по проблемам религии и мистицизма в позитивном их содержании были практически невысказаны. В традициях этой философии данные проблемы сводились в основном к рациональному, что нашло выражение в приоритете материального над духовным, идеальным. При таком подходе мистическое, религиозное выступало как вторичное, производное от материальных отношений и отрицалось, в лучшем случае принижалось их значение в духовной жизни человека. Возможность объективного исследования проблем мистицизма открылась совсем недавно. Это связано с переломным глобально-космическим моментом нашей истории. Как показывает практика, в этот период у многих людей образуется духовный вакуум, наступает полоса безверия в те или иные господствовавшие ранее идеи, возникает иллюзия абсурдности бытия. Перед обществом встаёт задача либо поддержания господствовавших ранее идей, принципов, либо построения нового фундамента для новых знаний, новых идей. Но пока эта задача не решается, место её занимают различные мистические и оккультные науки. Поэтому запрос на мистицизм, имеющий своим корнем глубинный духовно-психический опыт, в первую очередь объясняется духовным цейтнотом нашего общества на рубеже двух тысячелетий, дефицитом веры и нравственности и поисками новых ценностей. Другим, не менее актуальным аспектом рассмотрения проблем мистицизма, является проблема раскрытия «нераскрытой» сущности человека, его возможностей и потенции.

Через раскрытие человеческой сущности может появиться возможность определения критериев духовно-душевного бытия, что сделает возможным более осознанно и ответственно оценивать уникальные историко-культурные процессы. Это тем более актуально, что в традициях современной отечественной философии игнорировались различия в мышлении человека по этнонациональному признаку, что отрицательно сказалось на практике социального развития. И сегодня в условиях суверенного Азербайджана имеется уникальная возможность исследовать мышление и психику человека с позиции науки и паранауки, религии и философии с учётом социальных особенностей человека, его образа жизни. Определённые ценностные трансформации претерпевают и духовный опыт прошлого, в том числе и мусульманская культура. Применение образов в азербайджанской литературе всегда имело место. Ими широко пользовался в своей поэзии выдающийся мыслитель и поэт Низами Гянджави. Низами

как поэт-мистик использовал в своих произведениях суфийские символы и образы. В целом, в суфизме богато представлены притчи, символы, метафоры, иносказания и т.д. Во времена великого поэта наиболее распространёнными являлись парные метафоры, например, мотылёк – свеча, соловей – роза, символизирующие соответственно Влюблённого и Возлюбленную. Мотылёк и соловей непременно страдают и достигают единения с возлюбленной, лишь «сгорая в огне любви» или погибая от смертоносных уколов шипов розы. Соотношение человеческого «я» с космическим «Я» передаётся образами капли и океана.

Писатель К. Абдулла в своём романе «Долина кудесников» мастерски обыграл суфийские символы, образы, украшая ими своё произведение. Таким образом, в романе писателя чётко прослеживается пассивная форма протеста против жестокого произвола и роскоши верхушки феодального общества. В то же время он резко осуждает в образе палача Мамедкулу мистико-аскетическое настроение, свойственное суфизму, идеи покорности и терпимости, которые насаждали суфии и христианские миссионеры наподобие «Бог терпел и нам велел». Писатель устами своих героев не устаёт говорить, что главное магистральное явление в развитии человека, формирования его мира образуют нравственность, мораль. Всё в мире должно регулироваться нравственной душой человека, соотношением в нём добра и зла. Мыслитель считает самым главным в бытие человека бытие его души, которое является носителем высших нравственных качеств: дружбы, любви, человечности и др. Но как часто злое, недоброе начало побеждает это изначально доброе, позитивное, нравственное. И если это происходит, то побудительные мотивы кроются в психике человека, в его внутренних качествах и обязательно в той социальной среде, в которой он формируется. Это и объективируется в форме мира человека – как мира доброго, нравственного, гуманного, раскрывающего трансцендентальное, божественное, абсолютное как своё личное, как свой собственный мир. Но если этого не происходит, если в душе человека не проявляется, не просыпается это божественное начало, то, по мнению К. Абдуллы, такой человек имеет мир ущербный, мир односторонний, мир разорванный. Писатель Камал Абдулла в своём творчестве в целом умело переходит от художественно-литературного в философию-перипатетику о человеке, его природы и сущности, который рассматривается как микрокосм, как самое совершенное бытие универсума, как природно-социо-культурная ценность, являющаяся носителем многих разнообразных форм деятельности. В современной азербайджанской литературе функциональная роль мифологемы, унаследованной из классических литературных произведений, с умением переносится в наши дни и играет функцию хронологии прошлого, настоящего и грядущего. Тема, поднятая современным азербайджанским писателем К. Абдуллой, удивительным образом стирает пространство времени

и поднимает проблемы человеческого бытия на уровень общественно-нравственного устоя современного общества. Человек отвечает перед обществом за то, какие моральные качества он воплощает в своём поведении, как он выполняет своё высокое предназначение – быть Человеком. Понятно, что моральный кризис в любом обществе выглядит устрашающе. Человек оказывается как бы в тупике. В такой ситуации не кажется удивительным возрастание насилия как способа разрешения затянувшегося конфликта между человеком и обществом. Что можно противопоставить этому процессу? – Это ценности добра, самоуважения и человеческого достоинства. Он также показывает, что мир ценностей неоднозначен. Диалектика из развития не сводится к простому замещению друг другом. Скорее всего, они напоминают вложенных одна в другую матрёшек, каждая из которых является дополнением по отношению к другой, образующих в совокупности единую и целостную структуру духовного мира человека. Ценности – выражение значимости чего-либо для человека. Это способ жизненной ориентации, придающий смысл различным поступкам и действиям или жизни в целом. Поскольку ценности не равнозначны, то их выбор зависит от моральных качеств личности. Фундамент моральных качеств составляют достоинство («каким быть»), честь («каким слыть») и совесть («как себя оценивать»). Их собственная ценность определяется тем, насколько личность является самостоятельной в ситуации выбора. В конечном счёте, это способность выбора, формирующаяся не стихийно, а целенаправленно. Она заключается в том, чтобы выйти за рамки эмпирической действительности. Это и есть творчество.

Ваятель многоликой эпохи

12 июня в Италии во время служебной командировки по авторскому надзору за изготовлением скульптурной композиции «Квадрига», предназначенной для нового здания Национального театра оперы и балета им. К. Байсеитовой, трагически оборвалась жизнь известного астанинского скульптора Каната Нурбатурова.

Родился он 10 мая 1969 года в районном центре Астраханка Целиноградской области. С 1989 по 1993 год обучался в Алма-Атинском художественном училище им. О. Тансыкбаева, после окончания которого связал свою творческую судьбу с городом на Ишиме – Целиноградом-Акмолой-Астаной, стал участником многих республиканских конкурсов, выставок и симпозиумов. Работы Каната Нурбатурова ныне находятся в частных коллекциях многих стран мира. И не случайно. Уже с первых выставок знатоки и ценители изобразительного искусства обратили пристальное внимание на талант молодого скульптора и с неослабевающим интересом следили за развитием его дарования, год от года крепнущим мастерством.

В 1993 году способный ваятель стал лауреатом республиканского конкурса «Учили домбра», в 2000-м – казахстанского конкурса молодых художников «Жигер» (г. Алматы).

С первых лет проведения в Астане международного фестиваля творческой молодежи «Шабьт» («Вдохновение») номинация «Изобразительное искусство» является самой многочисленной – в ней принимают участие молодые художники в возрасте до 35 лет из Казахстана, Киргизии, Таджикистана и других стран. В 2001 году Канат Нурбатуров стал лауреатом IV фестиваля «Шабьт» в номинации «Живопись, графика, скульптура и декоративно-прикладное искусство», представив скульптуру «Колесница», а кроме того, получил высшую награду фестиваля – Гран-при.

В 1997 году Канат Нурбатуров был участником художественной выставки, проходившей в городе Гданьске (Польша) и приуроченной к Дням городов-побратимов Гданьск – Акмола, в следующем году – выставки «Наурыз» в Санкт-Петербурге, организованной казахской диаспорой северной столицы Российской Федерации.

В 2002 году его работы были представлены на выставке произведений художников разных поколений «Художник и время», посвященной 10-летию независимости РК и проводившейся в музее современного искусства. В том же году он участвовал в выставке, развёрнутой в Новом Манеже

(Москва) в рамках Дней культуры Астаны в столице России. В 2003 году в Омском областном музее изобразительных искусств им. Врубеля в рамках проведения года Казахстана в России экспонировалась выставка «Искусство Казахстана» из коллекции Астанинского музея современного искусства, а среди участников вернисажа был и скульптор Канат Нурбатуров.

Со времени переноса столицы из Алматы в город на Ишиме его имя прочно утвердилось в изобразительном искусстве республики. Высокохудожественные работы Каната Махметовича демонстрируют тесную связь истории и современности, тем самым привлекая внимание музейщиков и организаторов выставок. В разные годы его творения демонстрировались в постоянной экспозиции музея современного искусства г. Астаны «Портрет столетия», на республиканских выставках «Жер ана», «История и современность», «Новые поступления музея за 20 лет независимости».

В 2008 году К. Нурбатуров принимал участие в проходившем в Стамбуле (Турция) 1-м международном биеннале скульптурного искусства тюркского мира на тему: «Мир и толерантность», организованном при содействии факультета изящных искусств университета Малтепе и ТЮРКСОЙ. Его основной целью были создание атмосферы общей культуры и взаимного вклада в искусство родственных народов, обмен теоретическим и практическим опытом. В биеннале кроме Каната Нурбатурова участвовали известные скульпторы Маммад Рашидов (Азербайджан), Саид Айнеков (Казахстан), Токтобай Джумагулов (Киргизия), Эрай Оккан (Турция), Гурбангельди Гайырбердиев (Туркмения), Ханиф Хабибрахманов (Башкирия), Рустам Габбасов (Татария), Айдер Алиев (Республика Крым).

К. Нурбатуров являлся членом авторской группы, создавшей монумент «Казах ели», автором входной группы парка «Арай», декоративных композиций, декоративных оленей на одном из мостов Астаны.

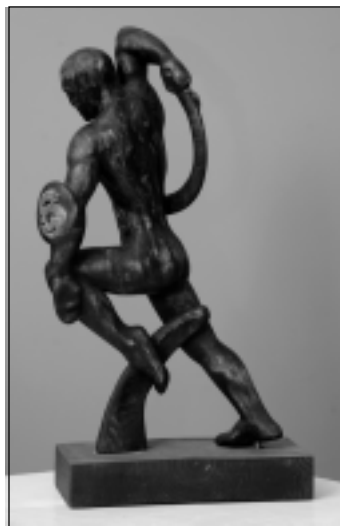

Гордостью казахстанцев стал памятник Кулагеру, изваянный Канатом Нурбатуровым и установленный в 2011 году в Кокшетау при въезде со стороны Щучинско-Боровской курортной зоны. Кулагер – легендарный скакун знаменитого Акана-серэ, подло погубленный недругами великого певца и воспетый прославленным акыном в до сих пор любимой народом песне-плаче «Кулагер». Позднее об этом прекрасном аргамаче написал одноимённую поэму казахский классик Ильяс Джансугуров. Ныне образ Кулагера, ставший своеобразным олицетворением великой степи, является общенациональной гордостью, символом грации и красоты, преданности и дружбы, надёжности и любви.

Экспонаты нашего музея, являющиеся собственностью государства, постоянно пополняются работами многих живописцев и ваятелей. В этой коллекции бережно хранятся и три скульптуры члена Союза художников РК Каната Нурбатурова. Первую из них – «Гладиатор» (кость, металл, дерево, тонировка) – он преподнёс в дар музею в 2003 году, а впоследствии музей приобрёл у Каната Махметовича скульптуры «Томирис» (дерево, металл, кость) и «Тазы» (бронза, мрамор).

Канат Махметович, – как уверяют его друзья и знакомые, – был удивительно скромным и добрым человеком, талантливым художником, постоянно находившимся в творческом поиске и устремлённым помыслами в будущее, он щедро делился своими знаниями и опытом с молодыми художниками, работал в составе жюри многочисленных выставок-конкурсов детского художественного творчества.

У него было громадьё планов и интересных замыслов. Со временем дарование скульптора К. Нурбатурова раскрылось бы полнее, ярче, засверкало новыми гранями. Однако судьба отвела ему всего 43 года жизни. Но то, что он успел сделать в изобразительном искусстве за два десятилетия напряжённой и плодотворной творческой деятельности, – нетленно, изваянные Канатом Нурбатуровым скульптуры навсегда остаются людям во времени и пространстве.

Даметкен БЕКОВА,

руководитель научно-просветительской группы
музея современного искусства г. Астаны.

Юрий ПОПОВ

:

В начале февраля 2009 года я получил письмо.

Уважаемый Юрий Григорьевич!

Выражаем Вам огромную благодарность за материалы, которые Вы представили в музей-квартиру Льва Николаевича Гумилёва. Желаем Вам успехов в дальнейших изысканиях. Ваши материалыполнили наши архивы, связанные с историей жизни выдающегося учёного и замечательного человека. Особенно ценными для нас оказались материалы, связанные с документами о пребывании Льва Николаевича Гумилёва в Карлаге.

Будем всегда рады видеть Вас в нашем музее.

С уважением и благодарностью

Зав. музеем / Козырева

Ст. науч. сотрудник / Харитонова

Гл. смотритель / Голикова.

23 мая 1996 года издан Указ Президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева о преобразовании Акмолинского университета в Евразийский университет имени Л.Н. Гумилёва.

Так была оценена роль дважды доктора – исторических и географических наук Льва Николаевича Гумилёва в создание им евразийской методологии. Учёный, работая на стыке наук, обосновал своё видение расселения народов на Земле, особенно на границе Европы и Азии. Он разработал оригинальную теорию пассионарности, объясняющую возникновение, взлёт и умирание этносов.

Юрий Григорьевич ПОПОВ

родился 27 сентября 1937 года в Караганде, где и окончил в 1960 г. политехнический институт. Горный инженер, кандидат технических наук (1971).

С 1964 года публикует в казахстанской печати краеведческие материалы. Преподавал курс краеведения на кафедре географии КарГУ (1990-1994). Почётный член научно-просветительского общества «Гелиос» имени А.Л. Чижевского (1997). Почётный гражданин Каркаралинского района Карагандинской

области. Митрополитом Астанайским и Алматинским Мефодием награждён грамотой «За усердные труды в помощь Русской Православной Церкви» (2010).

Краеведческие работы Ю.Г. Попова находятся в архивах и музеях Санкт-Петербурга, Москвы, Караганды, Балхаша, Темиртау – всего около 500 единиц хранения. Основатель авторского проекта «Знаменитости в казахской Степи», под эгидой которого уже осуществлено 12 вы-

пусков книг.

В «Ниве» печатается с 1993 года. Живёт в Санкт-Петербурге.

Редакция «Нивы» сердечно поздравляет Юрия Григорьевича Попова с 75-летием, желает счастья, крепкого здоровья, неиссякаемой энергии, бодрости духа, новых творческих обретений!

Лев Николаевич изучал Казахстан много лет, в том числе и как заключённый одного из лагерей обширного ГУЛАГа. В интервью журналу «Литературная учёба»¹ он так говорит о своих годах пребывания в ГУЛАГе:

Четырнадцать лет прошёл на каторге, так что я не кабинетный учёный, а каторжный. Некоторые учёные говорят, что работают как каторжники. Нет, простите, это не каторжный труд, а вольный. Они приходят домой, пьют чай, ездят гулять, а я был за колючей проволокой. А как работал? Думать надо. А иногда мог и писать. Когда начал работу о восточных гуннах, решил, чтобы у меня не отняли рукопись, обратиться к начальству. И начальство сказало: «Подумаем!». А так как думать оно не умело, то спросило более высокое начальство, и то сказало: «Гуннов можно, стихи нельзя!».

Мне в лагерь прислали книжки: мама, мой покойный учитель Николай Васильевич Кюннер. Когда вышла книга переводов китайских хроник, где собраны сведения о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена, я их проштудировал и знал почти на память. Мама прислала книгу Киселёва «Древняя история Южной Сибири», потом «Древнетюркские надписи». Естественно, я их прочёл и по-русски и по-тюркски. Конспектировать у меня, конечно, возможности не было, но сидеть возле костра на закроме канавы, болтая ногами и разговаривая с казахами, татарами, узбеками, учить их язык, такая возможность была...

Интервью сопровождали фотографии. Один из снимков просто поразили. Относительно молодой герой репортажа «позировал» перед фотографом. В руках держал чёрную грифельную доску. На ней чётко выделялась начертанная мелом подпись – «Гумилёв Л.Н.». Текст под фотографией пояснял, что снимок сделан в Караганде, в лагере в 1951 году. В результате дальнейших поисков я добился выдачи из архивов следующего документа.

Генеральная Прокуратура Республики Казахстан.

Центр правовой статистики и информации при Прокуратуре Карагандинской области.

27 июля 1998 года. Архивная справка.

Настоящей удостоверяется, что гражданин Гумилёв Лев Николаевич, 1912 года рождения, уроженец г. Пушкина Ленинградской области, русский, образование высшее, историк, до ареста проживал в г. Ленинграде, действительно арестован 6 ноября 1949 года и осуждён 13 сентября 1950 года Особым Совещанием при МГБ СССР по статьям 58-8, 58-10 часть I, 58-11 УК РСФСР сроком на 10 лет.

Меру наказания отбывал в Особом Песчаном лагере МВД СССР на территории Карагандинской области, куда прибыл из Лефортовской тюрьмы МГБ СССР. 3 сентября 1951 года убыл вместе с личным делом для дальнейшего отбывания наказания в Камышлаг Омской области.

Основание: архивная карточка НР СО-795.

Получил я и ксерокопию названной архивной карточки.

¹ Журнал «Литературная учёба», 1990, № 6.

Форма № 2

1. Фамилия – Гумилёв
2. Имя и Отчество – Лев Николаевич
3. Год и место рождения – 1912 г. Пушкин Ленинградской обл.
4. Соц. происхождение – не заполнено
5. Национальность – русский, подданство СССР
6. Образование – высшее
7. Бывшая партийность – б/п
8. Местожителство – г. Ленинград
9. Профессия – не заполнено
10. Специальность – историк
11. Специальные указания – не заполнено
12. Следственный (за кем числится) – не заполнено
13. Кассационный – не заполнено
14. Кем осуждён – ОСО при МГБ СССР
15. Когда – 13.09.1950 ст.ст. – УК 58-8, 58-10 часть I, 58-11 на 10 лет
16. Начало срока 06.11.1949. Конец срока 06.11.1959.
17. Изменение срока – не заполнено
18. Когда и откуда прибыл – Лефортовская тюрьма МГБ СССР
Заполнял – подпись неразборчива
19. Где находится: наименование подразделения – 3 л/о, дата прибытия 23.11.50 г.; 10 л/о – 13.12.50 г.
20. Когда и куда выбыл – 03.09.51 Камышлаг
Подпись картотетчика – не заполнено.

Литературовед Эмма Герштейн переписывалась с Л.Н. Гумилёвым весь срок его тюремного заключения. По её свидетельству, учёный был арестован в октябре 1949 года. В сентябре 1950 года приговор вынесен Особым совещанием (ОСО) в Ленинграде, 10 лет строгого режима. Льва Николаевича отправили в Карагандинскую область². Весточки приходили из Чурубай-Нурунского почтового отделения в посёлке Карабас.

Вот одна из них, присланная матери А.А. Ахматовой:

Милая мамочка! Подтверждаю получение посылки, почтовый номер 277, и благодарю; только вперёд вместо печенья посылай больше жиров и табаку: дешевле и лучше. Целую тебя³.

Записка датирована 19 июля 1951 года. В Москву пришла в августе, когда Гумилёв всё ещё был в карагандинской степи.

Переписка Льва Николаевича с Анной Андреевной не однажды попадала в поле зрения исследователей. Ш.К. Ахметшин приводит перечень по датам писем Л.Н. Гумилёва: 29 октября 1950 года; 2, 4 февраля, 10, 25 марта, 19 мая, 6 июня, 10 и 23 июля 1951 года⁴. Таким образом, учтены 9 писем учёного из Особого Песчаного лагеря МВД. В письме от 6 июня 1951 года Л.Н. Гумилёв указал:

² Журнал «Горизонт», 1989, № 6.

³ Журнал «Знамя», 1995, № 9.

⁴ Ахметшин Ш.К. Лев Николаевич Гумилёв. Санкт-Петербург, 2011, с. 262-266.

С 1 августа мой адрес меняется на следующий: станция Карабас Карагандинской области, Чурубай-Нурунское почтовое отделение, почтовый ящик 16/5/1.

Бытовые условия своей жизни Лев Николаевич почти не комментирует. В письме от 2 февраля 1951 года сообщает матери:

... Жизнь моя почти такая же, как в Норильске, с тем исключением, что я здесь работаю лопатой. В январе у нас были сильные холода, и мы не работали. Я в это время занялся персидским языком и значительно успел, но сейчас ходим на работу, и занятия остановились... Климат здесь легче таймырского, но всё-таки холодно в голой степи. Из твоих знакомых со мною Абель Исаакович Старцев.

А.Ф. Савченко, который находился с Л.Н. Гумилёвым в Песчаном лагере в 40 км от Караганды, оставил воспоминания⁵:

Как-то один из моих соседей по нарам, предав своему лицу выражение значительности, прошептал в ухо сдавленным шёпотом:

– А вот глянь на мужика на том конце стола! Это сын Гумилёва и Анны Ахматовой.

А.Ф. Савченко описывает Л.Н. Гумилёва в этот период жизни:

Рост средний. Комплекция – отнюдь не атлетическая. Пальцы – длинные, тонкие. Нос с горбинкой. Ходит ссутулившись. Страдал дефектом речи, не произносил буквы «р».

Как следует далее из воспоминаний А. Савченко, Л.Н. Гумилёв пользовался среди лагерного населения заслуженным авторитетом. В бараках у него были хорошие знакомые. Беседы и рассказы знатока переселений, слияний и взаимодействий народов, о походах Чингисхана, китайских династиях, викинггах, индейцах вызывали неизменный интерес заключённых. Л.Н. Гумилёв размышлял о причинах возникновения, расцвета и исчезновения этносов. Беседы и раздумья впоследствии легли в основу его оригинальных книг «Этногенез и биосфера Земли», «Древняя Русь и Великая Степь» и др.

Писатель В.Н. Дёмин в монографии «Лев Гумилёв»⁶ по поводу встреч учёного с лагерными обитателями отмечает:

Общение с казахами, татарами, узбеками показало Гумилёву, что дружить с этими народами просто. Надо лишь быть с ними искренне доброжелательными и уважать своеобразие их обычаев: ведь они свой стиль поведения никому не навязывали. Однако любая попытка обмануть их доверие вела к разрыву...

Колоритная внешность Л.Н. Гумилёва была запечатлена в 1951 году художником К. Фридрихсоном. Лев Николаевич подарил его Э. Герштейн со словами «... мой психологический портрет работы очень талантливого и знаменитого художника. Дарю его Вам, дорогая».

⁵ Журнал «Новый мир», 1996, № 2, с. 140-150.

⁶ Дёмин В.Н. Лев Гумилёв. Серия «ЖЗЛ», Москва, 2007, с. 96.

Песчаный лагерь (Песчлаг), Карагандинский лагерь (Карлаг) и Степной лагерь (Степлаг) располагались вокруг Караганды. Заключённых при необходимости переводили из одного лагеря в другой. Десятки, сотни знаменитостей осваивали природные богатства казахской степи. Среди них учёный А.Л. Чижевский, литературовед Б.Л. Сучков, художник Ю.И. Соостер, писатели Н.А. Барыкин, М.М. Кораллов, Амирджоба Чабуа и другие.

В какой-то момент лагерного бытия пути их могли соприкоснуться с заключённым Л.Н. Гумилёвым, но утверждать этого не берусь. В сборнике «Вспоминая Л.Н. Гумилёва»⁷ следует обратить внимание на строки того же А.Ф. Савченко, А.И. Старцева, Л.А. Вознесенского. Они прошли вместе с Л.Н. Гумилёвым Песчаный лагерь, Камышлаг и Омск. Лев Александрович Вознесенский, ученый-экономист, пишет:

В конце 1950 года... представьте себе занесённый снегом, скованный лютым морозом плац, по краям которого стоят заиндевевшие бараки. В одном из них почти сразу после того, как накануне вечером меня водворили в спецлагерь, расположенный в казахстанской степи, я увидел согбенную фигуру заросшего бородой старика, поддерживающего огонь в печке. Это был Лев Николаевич Гумилёв. «Старику» в тот год исполнилось 38 лет... Он рассказал о том, как мой отец, ректор Ленинградского государственного университета, ... дал ему перед последним четвёртым арестом защитить кандидатскую диссертацию...

Да, он, как и все, носил на лбу, на спине, на груди у сердца и на левой ноге повыше колена вшитые в специально вырезанные для этого места арестантской робы белые тряпки со «своим» большим чёрным номером»⁸.

Л.А. Вознесенский повторяет лагерную тему и в книге «Истины ради»⁹.

Абель Исаакович Старцев, впоследствии специалист по американской литературе, вспоминает:

И Лев Николаевич, и я попали в Песчаный спецлагерь на угольные шахты к северу от Караганды. Мы были в разных бригадах и жили в разных бараках, но заходили друг к другу на свободный часок. Гумилёв был нередко угрюм и подавлен. Если меня ещё развлекали некоторые черты лагерной жизни, то Гумилёву всё это было знакомо до тошноты и полного омерзения...¹⁰

Мне, как краеведу, очень хотелось узнать детали пребывания учёного в лагере на берегу степной речки Чурубай-Нуры. Но обратиться к нему письменно решился только в начале 1992 года. До рокового 15 июня оставалось всего ничего. И всё же считаю, что мне относительно повезло.

Вдова учёного Наталия Викторовна Гумилёва, к которой я обратился в поисках следов Льва Николаевича в Казахстане, на мои вопросы ответила следующими строками:

⁷ Вспоминая Л.Н. Гумилёва. Воспоминания. Публицистика. Исследования. Санкт-Петербург, 2003.

⁸ Вспоминая Л.Н. Гумилёва. Воспоминания. Публицистика. Исследования. СПб, 2003, с. 41-61.

⁹ Вознесенский Л.А. Истины ради. Изд. «Республика», Москва, 2005.

¹⁰ Вспоминая Л.Н. Гумилёва. Воспоминания. Публицистика. Исследования. СПб, 2003, с. 195-196.

Для Вас списываю текст из дневника Льва Николаевича.

«Караганда. Холод, голод, бандеровцы, власовцы, тяжёлая работа. К счастью, устроился топографом, потом истопником, потом переписывал чего-то... Друг-перс Рахим, бежавший от шаха. Учю персидский язык. Читаю в бараке лекции по истории. Привезли сына нашего ректора – Лёву (Лев Александрович Вознесенский, Л.Н. продолжал дружить с ним после освобождения. – **Н.В. Гумилёва**). Очень хороший парень. Этап в Сибирь – междуречье Томи и Усы».

«Расчистка снега, таскание брёвен-тяжестей, – ну, это я пишу, выбирая из записей».

И ещё:

«Работаю на разных стройках кем попало. Подружился с Ханной – ирландским журналистом и востоковедом».

В заключение Наталия Викторовна отметила:

Лев Николаевич в свободные часы, минуты отработывал свою пассионарную теорию, которую в 1974 году защитил, как вторую докторскую. Первая докторская в 1961 году – «Древние тюрки». К сожалению, других подробностей я не знаю. Лев Николаевич старался не вспоминать плохое, рассказывал что-либо забавное, но из разных мест своего заключения... Очень напряжённо работал после освобождения. Мы с ним никуда не ездили, кроме как летом в Москву, где у меня квартира около Кулковского парка, где он любил гулять и плавать в озере. В Москве он писал книги, читал лекции. Писать письма ему было некогда. Отвечал на присланные, если только они касались науки... Посмертно Лев Николаевич награждён многими грамотами, но он этого не узнал.

5 декабря 1997 г.

С уважением Н.В. Гумилёва¹¹.

Занимаясь долгие годы краеведением в Казахстане, а потом и в России, я перестал удивляться появлению имени Л.Н. Гумилёва на многих моих жизненных маршрутах. В Казахстане я зачитывался книгой Василия Никифоровича Абросова (1919–1983) «Озеро Балхаш»¹². Проживая в деревне Блазново Тверской области, я нередко приезжал в районный центр Торопец. Без особого труда обнаружил в городе дом № 55 по улице Первомайской. Здесь жил и занимался обследованием псковских озёр сотрудник ГосВНИИОРХа В.Н. Абросов. И именно сюда Л.Н. Гумилёв прислал своему другу два письма за 6 мая и 12 июня 1949 года. Потом были ещё 27 писем в соседний город Великие Луки, куда перебрался В.Н. Абросов.

В 1997 году газета «Бежецкая жизнь» опубликовала мою заметку о Л.Н. Гумилёве¹³. На публикацию откликнулась жительница Бежецка Светлана Николаевна Лобанова. Позже она информировала меня о мероприятиях в честь Льва Николаевича, которые проходили и в Бежецке¹⁴, и в

¹¹ Личный архив автора.

¹² Абросов В.Н. Озеро Балхаш. Л., «Наука», 1973.

¹³ Попов Ю.Г. Великий объединитель народов. / Бежецкая жизнь, г. Бежецк, Тверская обл., 1997, 28 мая.

¹⁴ Гумилёвские чтения в Бежецке. Ноябрь 2000 г., октябрь 2002 г.

Санкт-Петербурге¹⁵. Из-за отдалённости ни на одно из них я так и не попал.

Ни в материалах конференций, ни в публикациях, в том числе в биографии Льва Гумилёва¹⁶, какого-либо яркого отражения 9-месячного пребывания в лагере под Карагандой нет. Наследие евразийца, которым Л.Н. Гумилёв всегда ощущал себя, должно быть раскрыто как можно полнее. Азиатская Россия не забывает об этом.

Наталия Викторовна ушла из жизни 4 сентября 2004 года на 85-м году жизни. Урну с прахом захоронили в Санкт-Петербурге на Никольском кладбище Александро-Невской лавры рядом с могилой Льва Николаевича. В феврале 2008 года после реставрационных работ состоялось открытие нового мемориального надгробия на могиле Л.Н. Гумилёва. Попечением правительства Республики Татарстан памятник установлен и на могиле Наталии Викторовны. На церемонии выступил постоянный представитель Республики Татарстан Шамиль Ахметшин. Он напомнил, что в канун юбилея Казани на центральной улице города был установлен памятник великому петербуржцу с надписью:

«Я – русский, всю жизнь защищал татар от клеветы».

В мае 2011 года реставрационные работы над могилой учёного и его супруги были продолжены. Над двумя монолитными крестами воздвигнута сень¹⁷. Работы проводились по инициативе и за счёт правительства Республики Татарстан. На церемонию по завершении работ прибыла делегация Татарстана, сотрудники полпредства республики в Петербурге, представители городского правительства, учёные и почитатели Льва Николаевича¹⁸.

В 1994 году фонд «Мир Л.Н. Гумилёва» и издательство «ДИ-ДИК» анонсировали издание произведений Л.Н. Гумилёва в 15 томах. В предисловии к первому тому указано, что «11 мая 1956 года Лев Николаевич вышел из своего последнего заключения в окрестностях Караганды». Здесь вкралась досадная неточность. В «объятиях» Карлага Л.Н. Гумилёв находился, согласно документам, до 3 сентября 1951 года.

В Казахстане память о Л.Н. Гумилёве сохраняет город Абай, в прошлом – посёлок Чурубай-Нура, строительство которого и вели заключённые Песчаного лагеря. Они же начали строительство пяти шахт, где добывали высококачественный коксующийся уголь. Так, Лев Николаевич стал одним из многих первостроителей мощного индустриального узла на казахстанской земле.

¹⁵ Юбилейная конференция «Учение Л.Н. Гумилёва и современность», 2002, 1-2 октября, СПбГУ.

¹⁶ Дёмин В.Н. Лев Гумилёв. Серия «ЖЗЛ», 2007, 308 с.

¹⁷ Сень – шатёр, навес на столбах или колоннах.

¹⁸ Татарстан отреставрировал могилу Льва Гумилёва. / Невское время. Санкт-Петербург, 2011, 21 мая.

Уважаемый Владимир Романович!

Сердечно, от всей души мы благодарны Вам и Моисею Михайловичу Гольдбергу за участие в Литературной гостиной, посвящённой Вашему творчеству. Нам дороги Вы как прозаик, публицист и переводчик, но больше всего мы любим и знаем Ваши стихи.

Клуб «Исток» работает при историко-краеведческом музее Астраханского Дома творчества четыре года, а руковожу им я – педагог дополнительного образования высшей категории Раиса Кирибаева. Клуб посещают учащиеся Астраханской средней школы № 2:

Азаров Сергей
Ахметов Адиль
Белянин Фёдор
Долгушина Анна
Керн Нелли
Сирая Алина
Недоцук Татьяна
Мухамеджанова Мадина
Тигумбаева Диана
Тунгушбаева Жазира
Халанская Лидия
Шмидт Кристина.

Именно они тепло, эмоционально читали Ваши стихи и отрывки из очерков М.М. Гольдберга. Мы давно изучаем Ваше творчество, с нетерпением ждём свежего номера журнала «Нива», читаем и обсуждаем его на своих занятиях, а в музее храним Ваши сборники и вырезанные из газет очерки М.М. Гольдберга.

Кроме детей клуб «Исток» посещают педагоги АСШ № 2: Мукашева Шолпан Бахытовна, Карлыгаш Дорбетхан, Василий Николаевич Азаров, который сделал слайд-фильм о вашем творчестве. Поддерживают все начинания клуба директор Дома творчества Светлана Николаевна Шаламова и весь наш небольшой коллектив.

Через ваш журнал мы хотели бы выразить огромную благодарность бывшему акиму нашего района Рашиту Каиржановичу Акимову за встречу с такими замечательными, талантливыми людьми, профессионалами своего дела.

Украшением этого мероприятия стал известный скрипач-виртуоз, солист эстрадно-симфонического оркестра «Астана» Мусахан Турунтаев, чудесную музыку в исполнении Мусахана все слушали затаив дыхание.

Два с лишним часа длилась встреча с литераторами, но время пролетело незаметно.

Спасибо Вам, Владимир Романович, что Вы в унисон проходившему мероприятию по просьбе присутствующих читали свои стихи – уже известные нам и совсем новые, было здорово, ведь юные кружковцы впервые слушали «живую» настоящего поэта.

Мы бережно храним в музее Ваши книги с автографами и надеемся на новую тёплую встречу с Вами.

Раиса КИРИБАЕВА,

руководитель краеведческого клуба «Исток» ДДТ.

село Астраханка

Акмолинской области.

Юрий ПОПОВ

Рассказ

Посвящаю моему старшему сыну Сергею

День клонился к вечеру, и мальчишки, игравшие со мной на улице, разошлись по домам. Пошёл домой и я. После того как спала изнуряющая дневная жара и подул свежий, хотя и тёплый ветерок, было приятно умыться и намочить ноги в прохладной воде арыка. Зайдя во двор дома, я увидел как на террасе за столом недавно построенного саманного дома, крыша которого была покрыта ещё свежим речным камышом, сидели родственники. Они пили чай, обсуждали житейские дела и виды на предстоящий урожай винограда. В гостях были Мартыненко – бабушка Дуня, родная тётя моей мамы, и её муж дед Степан. Бабушке Дуне было за шестьдесят, но выглядела она бодро. Походкой, взглядом и улыбкой она напоминала мне моего родного деда Филиппа. Такая же, как и он, невысокого роста, подвижная, всегда спокойная и молчаливая. Морщинки едва коснулись её лица. Сидела она на новой, пахнущей ещё смолой табуретке и больше молчала. Бабушка всё ещё работала поварихой в колхозном детском саду. А зимой из войлока и ваты на трофейной немецкой швейной машинке, подаренной моим дедом, шила пайпаки, которые носила вместо валенок вся округа. Дед Степан – живой и энергичный, среднего роста старик сидел рядом с ней. Он работал ночным сторожем, охранял единственный в селе магазин. Зимой, когда было холодно, он часто ходил домой погреться. Магазин находился рядом с их домом, и поэтому хождение домой не занимало много времени. На столе возвышался самовар с кипятком, а перед дедом Степаном стояла неполная пиала горячего душистого чая. Он громко говорил, продолжая убеждать моего отца. Я поздоровался, но дед, увлечённый разговором, меня не заметил, продолжая убеждать моего отца в том, что урожай винограда в этом году будет лучше прошлого года. Все молча слушали его. Размахивая руками, он продолжал с возмущением громко говорить, что заготовители с винного и консервного заводов опять будут жульничать, и за хорошие деньги им виноград не сдашь. Вон, дед Степан продолжал уже с гневом в голосе, Павло Шпота и Семён Дзюба рассказывали, что заготовители в прошлом году оставили им ящики под виноград и пообещали приехать на следующий день. А приехали через четыре дня, когда виноград на жаре начал течь. Они, конечно, приняли его, но не первым сортом, как обещали, а третьим. Разницу в деньгах положили себе в карман.

Мне хотелось быстрее поесть и опять бежать на улицу. Взрослые увлечены были беседой и не замечали меня. Я решил дожидаться, когда мама покормит меня. А пока я оставался невольным слушателем. Взрослые говорили о городских магазинах и городском базаре. Отец высказывал сомнения, а дед Степан продолжал убеждать его не сдавать виноград, а везти его на городской базар, где можно выгодно и быстро продать. Он даже

привёл пример, как его сосед Николай Луенко в прошлом году возил виноград на базар и в этом году повезёт. Про город и базар я уже раньше слышал. В прошлом году наш сосед дядя Нарудын привёз своим сыновьям Азомату и Розмату с городского базара по красивому мячу и десять сладких красных петушков на деревянных палочках. Потом мы по очереди сосали эти сладкие петушки и вместе играли во дворе с красивыми мячами. Вообще-то Азомата и Розмата на улице звали Васька и Ромка. У них мама была украинка, может быть, поэтому их так назвали вторыми именами. У дома под раскидистой вербой на лавочке, которая была у самого края арыка, мы мечтали поехать в город и увидеть базар. Говорили, что в городе есть многоэтажные дома, в которых живут обычные люди. В селе тогда сараи и дома строились просто и быстро из саманного кирпича. Никто из нас, мальчишек, никогда не видел двухэтажных домов. Нам было трудно представить, как там живут люди. И теперь, сидя в уголке и слушая взрослые разговоры, я хотел услышать новое о городе и базаре и, конечно, в тайне мечтал побывать там. Я продолжал слушать, мне тогда было лет шесть, наверно, это самый любознательный возраст. Слушать затаив дыхание взрослые разговоры в этом возрасте было очень интересно. Взрослые говорили ещё долго: об участках на покос сена, сколько дадут в конце года на трудодень зерна, когда отелится корова, но только не про город. Мне стало неинтересно, и я перестал прислушиваться к их разговору. Меня занимала совсем другая мысль. Я хотел поехать в город продавать виноград. Но как поехать? Как уговорить родителей, я не знал. Наконец, мама увидела меня, сидевшего в углу. Она позвала меня на кухню и усадила за стол. За ужином я стал расспрашивать маму о городском базаре. И даже спросил, правда ли, что отец собирается на базар и можно мне поехать с ним? Мама была женщина очень общительная. Среднего роста, брюнетка с густыми, как смоль, волосами, она была ещё красива. Не зная ни узбекского, ни казахского языков, ей не приходилось испытывать никаких затруднений в общении. За энергичную натуру, живой нрав и добрый характер соседки-казашки прозвали её «Карлыгаш», что в переводе с тюркского означает «ласточка». Она улыбнулась своей доброй улыбкой, погладила меня по голове и сказала, мол, ешь, не отвлекайся, когда решим ехать на базар, я поговорю с отцом. Это будет ещё не скоро, виноград созревает в середине августа, а сейчас только середина июня. А пока старайся, чтобы тебе меньше делали замечаний, помогай по дому и хозяйству.

С этого времени я потерял покой. Ночью я долго не мог заснуть, всё думал и мечтал о поездке. Где бы я ни был, я никогда не забывал про виноград. Ведь с ним была связана моя поездка на городской базар. Я стал почти каждый день бегать в виноградник и проверять, как спеет виноград. Я даже спрашивал у других мальчишек, как у них зреет виноград. Дни шли, я старался помогать по дому и не иметь замечаний. А работы на селе всегда хватало. Напоить в обед телёнка, вырвать в чесноке траву, смотреть за маленькими цыплятами – и ещё много разных поручений. Я в семье был самым старшим, помимо меня были брат Володя и сестрёнки Люба с Лидой. За ними нужно было тоже присматривать. В то время как другие сельские мальчишки играли в футбол, лянгу и чашки, у меня почти не было

времени на игры. Они не знали о моём желании поехать в город. Я им не говорил, это была моя маленькая тайна. По вечерам в селе было хорошо, спадал дневной зной, а рядом с арыком не так было душно. На высоких пирамидальных тополях, росших вдоль арыка, шумно устраивались на ночь птицы. С пастбищ уже пригнали корову, её привязали за деревянные ясли, из которых она беззаботно и мирно доставала приготовленную ей на ночь сочную траву. Село, в котором я родился, где прошли моё детство и юность, находится на самом юге Казахстана, но оно не было глухим и далёким. Располагалось оно в пятнадцати километрах от Чимкента. Через центральную часть села пролегал гравийный тракт, соединяющий крупные южные города Азии. Такие как Ташкент, Чимкент, Джамбул, Фрунзе и Алма-Ата. В селе была развита арычная система, с помощью которой поливались не только колхозные поля, сады и виноградники, но и огороды жителей. Вдоль краёв арыков, где с гор текла прохладная вода, всегда была зелёная трава, пахло душистыми травами. Росли кусты ежевики, а под кронами больших верб всегда можно было укрыться от жаркого южного солнца. Даже когда в конце июня от палящего солнца выгорала вся южная степь, село всегда утопало в зелени садов и виноградников. Разгоняя соседских уток и гусей, бегал я с соседскими мальчишками босиком по пыльным улицам села. А в самую жару, когда всё живое пряталось и замирало, мы бегали купаться, но я всегда помнил про виноград. Все вместе мы ходили воровать яблоки в колхозном саду, а у соседей ранний абрикос и персики, я и тогда не забывал проверить виноград. Даже когда с плоских земляных узбекских крыш сараев мы таскали почти высохший солёный курт! Наш молодой сад и огород граничили с колхозным виноградником. Я уже несколько раз бегал и сравнивал, где быстрее созревает виноград. Но он везде был ещё кислым, я даже не мог понять, где он кислее. Я готов был делать всё, чтобы быстрее созрел виноград. В огороде лежала куча перегнившего навоза, я стал вносить его под лозы. За этим занятием застал меня отец. Как сейчас помню – он смотрел на меня загорелым от солнца лицом и улыбался. Глаза его были чуть прищурены, и в них бегал какой-то добрый «зайчик». Улыбаясь своей приятной и добродушной улыбкой, он сказал, что навоз – это хорошо, только винограду нужно ещё и время, как и тебе, чтобы ты вырос. Отцу было около сорока, брюнет, среднего роста и поджарый. Мой отец, как и его отец, родились в этом селе, они хорошо знали людей и землю, оба в совершенстве владели казахским, узбекским, турецким языками. А время шло, и уже заканчивался июль. Колхозная строительная бригада начала строить в саду и на виноградниках балаганы для сторожей. Это был хороший признак. Балаганы строили до созревания винограда, чтобы мальчишки в поисках созревающих гроздей не вытоптали остальную виноград. В то время виноград размещался не на шпалерах, а стелился прямо по земле.

Балаган для сторожа строился просто. Друг от друга на расстоянии около двух метров врывались в землю деревянные столбы. От земли, примерно около двух с половиной метров, между столбами делали прочную площадку, с которой был хорошо виден весь виноградник. Над площадкой, на высоте около полутора метров, делался каркас из жердей вербы, а из

веток – крыша, которая больше укрывала от солнца, чем от дождя. Я продолжал проверять виноград. Ягоды стали крупными и почти чёрными, чуточку мягкими, и немного ещё кислили. Меня порою охватывало волнение, дома уже начинались приготовления к предстоящей поездке, а мама молчала и ничего мне не говорила. А вечером отец сказал, что дней через десять можно будет ехать, и опять мама ничего мне не сказала. Я все оставшиеся дни нервничал, переживал, не выспался и уже думал, что моя мечта не осуществится. Мама заметила необычное моё поведение и, наверно, поняла причину моей нервозности. Подозвав меня к себе и погладив по голове, сказала, что поговорила с отцом. Душа ушла у меня в пятки, я внутренне весь сжался, ожидая результата моей мечты. Она сказала, что отец долго не соглашался брать меня, поэтому она ничего мне не говорила, но надеялась уговорить его. Сегодня он согласился. Ночью вы выезжаете. Я прыгал от радости, обнял и расцеловал маму. Сердечко моё было переполнено волнением и радостью.

Родители вечером нарезали виноград и аккуратно уложили его в деревянные ящики. Выезжать планировали часа в два ночи, чтобы к утру быть в городе. Отец заранее договорился с соседом Неаскулом о «транспорте». Наш сосед – узбек Неаскул был хороший и добрый человек. Он жил с матерью и младшими сёстрами. Я точно помню, Неаскул был лет на десять моложе моего отца. Среднего роста, худощавый, он всегда носил пиджак и брюки, наверно потому, что работал дорожным мастером. И ещё – у него чуть косил левый глаз. К тому времени Неаскул только-только женился на молодой и красивой узбечке из села Манкент, детей у них ещё не было. Так вот, Неаскул дал нам двух своих ишаков и арбу, на которой и предстояло везти виноград. Я волновался и переживал, потому что папа молчал. Я ходил за ним по пятам и ждал, а сердце, помню, билось так, что в ушах было слышно. Почему я у него не спрашивал? Страшно было, я боялся, а вдруг не возьмёт. Всякие мысли лезли в голову. А может, он передумает и решит меня не брать. От таких мыслей хотелось плакать! Видя моё состояние, мама сказала мне, чтобы я не переживал и собирался в дорогу. Я ЕДУ В ГОРОД, с ума сойти! В это время отец въехал во двор на арбе. Распряг ишаков и привязал их рядом с арбой, кинув им по охапке сочной травы, а сам пошёл в дом. Накормив нас, мама отправила меня спать. Какой там! От переживаний и волнения я не мог заснуть. Мне не верилось, что я наконец поеду в город на базар. Я так и не смог заснуть. Когда подошло время отъезда, меня усадили на арбу между ящиков с виноградом. В два часа ночи, провожаемые мамой, мы выехали из дома. Волнение моё улеглось, успокоившись, я как-то незаметно задремал, а затем, наверно, и заснул. Спал я недолго и проснулся от тряски, когда проезжали село Каменная Балка. В то время ещё не было асфальта, и мы ехали по гравийной дороге. Колёса у арбы были деревянными со стальными втулками и ободьями. Наверно, в темноте арба колесом наскочила на камень. Проснувшись, я увидел, что всё вокруг для меня было незнакомым и новым. Южные ночи всегда были тёмными, но мне показалось, что

эта была особенно тёмная. На небе хорошо были видны яркие звёзды. Иногда подбегали и облаивали нас чужие деревенские собаки. С дороги едва можно было различить силуэты саманных домов.

Дорога была одна, и заблудиться на ней было трудно. Отец жалел ишаков. На подъёмах он спускался с арбы и даже иногда подталкивал её руками. Внимательно всматриваясь в дорогу и оглядываясь по сторонам, я ничего не мог разобрать, кроме размытых теней, но понимал – это и есть она, дорога в город! Наконец как-то незаметно начал пробуждаться рассвет. Вместо теней появились силуэты домов и построек. Дорога стала мягче и ровнее, мы въехали по асфальтированной дороге в город. После гравийной ухабистой асфальтовая дорога показалась нам бесшумной. Ровный ход арбы и еле слышный стук копыт ишаков был особенно приятен. На нашем пути встречались высокие дома с большим количеством окон. Отец объяснил мне, как они устроены, как поднимаются и спускаются по лестницам люди.

Многоэтажные дома располагались рядом друг с другом, и ещё меня сильно удивляло, что там нет сараев, где можно держать животных и птиц. Было очень рано, пешеходов ещё не было видно. Петляя по незнакомым улицам, мы вскоре добрались до городского базара. Там отец выбрал место стоянки. Оставил меня сторожить арбу с виноградом, а сам повёл ишаков устраивать на постой. Затем он ушёл в базарную контору взять весы и заплатить сборы за место торговли. Пока не было отца, я оглядывался по сторонам и боялся, чтобы не украли виноград. Но воровать было некому. Ни жуликов, ни покупателей ещё не было. Вокруг суетились и раскладывали свой товар такие же, как и мы, люди, приехавшие продавать. Кто-то только подъехал и разыскивал знакомых, громко выкрикивая имена. У кого-то вырвался и бегал по базару перепуганный ишак. Кто-то получил весы, но не хватило ему килограммовой гири. И он договаривался с соседом о том, чтобы при взвешивании тот поделился с ним гирею. Словом, на базаре наступала деловая суета. Вскоре с весами вернулся отец. Мы разложили на прилавке лучшие грозди и стали ждать покупателей. Базар оживал, слышались разноязычная речь и ранние голоса зазывал. Всё для меня было необычным и новым. Даже воздух базарный казался иным. Постепенно на базаре перемешивались все привезённые с полей и садов запахи, выливаясь в ароматный букет, свойственный только южным базарам. Это был аромат жаркого юга. Заунывно и успокаивающе полилась восточная мелодия. Был слышен негромкий, но какой-то особенно приятный перелив перепелов. Происходящее вокруг пленило и волновало. Всё вместе взятое придавало базару особый южный колорит. У нас всё было подготовлено к продаже, осталось ждать только покупателей. Мне казалось, что они будут какими-то особенными. Базар на меня действовал магически. Мне было ужасно интересно, я впитывал всё окружающее с большим волнением, интересом и любопытством. Людей становилось всё больше и больше, они проходили мимо, не обращая внимания на нас. Наконец к нам подошла молодая женщина с плетёной корзинкой. На ней был красивый лёгкий сарафан, на голове – шляпа с большими полями, а на руке – красивые маленькие часики на кожаном ремешке. На ногах её

были модные босоножки коричневого цвета. Улыбнувшись и поздоровавшись, она спросила, почём? Видимо, её устроила цена, которую назвал ей отец, и она купила у нас виноград. Почему-то несколько раз с удивлением посмотрела на меня, наверно, не всё в порядке было у меня с лицом.

Когда она ушла, отец сказал, что первая покупательница была удачная, она почти не торговалась, а значит, всё продать должны хорошо. Я был этому сильно удивлён и разочарован, покупателями оказались обычные городские тётки. Людей становилось всё больше и больше, они уже не просто ходили, а толкались, мешая друг другу. Все вокруг говорили на разных языках, продавали, покупали, спорили, торговались. От всего этого над базаром стоял какой-то необычный гул. Он то нарастал, то затихал.

В обеденное время, в самую жару, по базару с полными вёдрами воды бегали городские мальчишки. Они громко кричали: «Холодная вода, кому холодную воду». Продавали её по пять копеек кружка, стакан – три. Я смотрел на ребятню с удивлением. Впервые слышал и видел, чтобы продавали обычную воду. У нас в селе везде можно было бесплатно напиться. Но на базаре, где жарко и душно, людям хотелось пить, и они покупали её. В центре базара была колонка, но до неё было далеко, да и товар никто не хотел оставлять без присмотра. Рядом с нами в полосатом халате и с тубетейкой на голове продавал груши узбек. Отгоняя веточкой вербы назойливых мух и периодически закладывая за щёку насвай, он громко выкрикивал, зазывая к себе покупателей: «Эй! Подходи, народ! Видишь – свой огород! Половина – сахар, половина – мёд». Услышав его впервые, я подумал, что весь базар сбежится к нему. Но это было не так. Только несколько человек нехотя подошли к нему. Продавца это не смущало, он по-прежнему продолжал монотонно кричать. Подходили покупатели и к нам. Но брали понемногу. В основном это были женщины. Мы всё распродали только после обеда. Отец сдал весы и привёл отдохнувших ишаков. Обратная дорога была веселей. Мы ехали днём, всё вокруг хорошо можно было рассмотреть. Ишаки, очевидно, чувствовали дорогу домой, а потому не нуждались, чтобы их подгоняли. Я сидел на арбе и весело болтал ногами. Я устал, хотел спать, но был счастлив и радостен, моя мечта сбылась. Отец купил красивый резиновый мяч и красные сладкие петушки на деревянных палочках. Я увидел и узнал для себя много нового. Мне казалось, что за этот маленький промежуток времени я повзрослел. А пока отец дремал, я сидел и гордо управлял ишаками.

Рассказ

Хлопковая бригада располагалась в конце проулка, который начинался от середины центральной улицы села и уходил в поле. Суряднов дядя Ваня был уже в бригаде. Он что-то увлечённо обсуждал со звеньевым казахом Тастаном. Со стороны проулка их не было видно, территория была огорожена забором из саманного кирпича, побелённого известью. Крыша построек сделана из глины и веток, а сверху насыпана дорожная пыль. Для прочности и связки в глину добавляли солому. На крыше уже успела

прорасти и пожелтеть мелкая местная колючка. Территория бригады была чуть меньше половины футбольного поля. Слева от въезда находилась контора, а в дальнем правом углу размещалась крытая коновязь. С утра пораньше немой казах чистил и холил вороных коней. Было видно, что к лошадям он относился с любовью. Кони, на которых он работал, заметно отличались от других. Всё свободное время он уделял лошадям. Немой был маленьким и щупленьким человеком, но трудолюбивым и заботливым. Уже немолод, но возраст внешне трудно было определить. Его неглаженные рубашки и брюки всегда были чистыми. Редко можно было увидеть его улыбающимся. А если он улыбался, то улыбка его была искренней и какой-то по-детски доверчивой и наивной. Маленького роста, с кривыми, как у кавалериста, ногами, с собою он постоянно носил плетённый кожаный кнут. Иногда мальчишки дразнили его, показывая ему язык, а указательным и большим пальцами изображали ножницы, а затем закрученные усы. Немой не терпел такого и гонялся за обидчиками с кнутом. Старожилы говорили, что в период борьбы с басмачеством язык ему отрезал Будённый. Но кто знает, сам он этого не утверждал и не опровергал. Немой как-то по-особенному бережно относился к колхозному имуществу и особенно к конскому снаряжению. Телега, на которой он работал, стояла с хорошо смазанными деревянными колёсами, на ней всё было исправно. На телеге высились две большие деревянные бочки, в которых он возил воду работающим в поле людям. Чуть правее у забора расположились хлопковые сеялки, плуги и культиваторы, квадратные сетки для перевозки хлопка. За порядком на территории следили, везде было чисто и прибрано.

С внешней стороны забора в ряд росли вербы, пирамидальные тополя и тутовые деревья. На них по вечерам шумно устраивались на ночлег птицы. Под крышами строений гнездились горлинки с весело чирикающими вездесущими воробьями. В безоблачном синем небе высоко летали ласточки, чуть в стороне над полем звонко заливался жаворонок. Рыжий кот с разодранным ухом лениво шёл по забору. Рядом с конторой в новой деревянной будке гремел цепью старый и лохматый пёс Дружок. Казалось, что даже воздух был пропитан трудовыми заботами дня. Дядя Ваня, весёлый и добродушный человек, с утра как никогда был серьёзен, загадочен и строг. Был он невысокого роста, рыжий, с рябоватым худощавым лицом, усеянным веснушками. Одет в почти выгоревшую голубую рубашку и в серые неглаженные штаны. На голове он носил помятую серую фуражку, а слегка кривоватые ноги обуты в лёгкие брезентовые полуботинки. Работал дядя Ваня звеньевым хлопковой бригады.

Было ещё рано, около восьми утра, когда на территории бригады собрали мальчишек, окончивших четвёртые и пятые классы Красноводской неполной средней школы. Собрались не все, решили ещё немного подождать. Никто из мальчишек не знал, зачем и с какой целью нас собрали. Вскоре подошли ещё несколько человек, и среди них был и мой товарищ, Мишка Мазоха. Мы с ним целый год просидели за одной партой. Мишкина мама работала продавцом в сельском магазине. Иногда он приносил в школу просроченные или поеденные червями конфеты. И это была

такая вкуснятина. Мишка был хорошим товарищем, очень любившим футбол. Вскоре к нам подошёл Тастан, переписав всех в свой замусоленный блокнот, он вернулся в контору. Наши попытки узнать у него причину нашего сбора ничего не дали, он упорно молчал. Тастан недавно стал звеньевым, раньше работал поливальщиком. Работа эта тяжёлая и в то же время ответственная. В период полива поливальщики не знали ни сна ни отдыха, трудились днём и ночью. От правильного и своевременного полива зависело количество и качество урожая.

На юге Казахстана температура летом поднималась до пятидесяти градусов, поэтому для роста и вызревания растениям нужен обязательный полив. Если взять, к примеру, полив хлопка, то вода направлялась в каждый арык, на гребнях которого росла культура. Подавалось такое количество воды, чтобы почва медленно пропитывалась. А таких арыков бывало до сотни, а то и больше, и во всех нужно отрегулировать подачу воды. Для этого использовались заранее вырубленные кетменём и высушенные дерновые пласты земли, называемые «чмами». Особенно трудно приходилось поливальщикам, когда происходил резкий сброс или подъём воды. Вся регулировка рушилась, и всё нужно было начинать сначала, иначе растения не поливались, либо вода пробегала, не пропитав землю.

В ожидании когда нам объявят, по какому случаю нас собрали, мы слонялись по территории бригады, даже начали играть в принесённую кем-то лянгу. Возможно, это национальная игра казахов, либо других народов, населявших Казахстан. Мы как-то не задумывались об этом, игра нравилась, мы и играли в неё. Изготавливалась лянга из куска овчины диаметром до трёх сантиметров. Снизу подшивалась такого же размера свинцовая пластина. Лянга сначала подбрасывалась вверх на уровень головы и затем уже отбивалась согнутой в колене ногой. Каждый удар ногой всеми громко считался. И тот, кто больше всех мог продержать лянгу в воздухе, отбивая ногой, считался победителем. Игра проходила весело и шумно.

Наконец из конторы показалось начальство. Суряднов хоть и был в помятых штанах, но выглядел важно, он сейчас представлял колхозную власть. Собрав нас вместе, он сообщил, что обращается к нам по поручению председателя колхоза. Все затихли, перестали дурачиться. К нам ещё никогда и никто так не обращался. Дядя Ваня начал свою речь с того, что в колхозе сейчас наступила трудная пора, не хватает рабочих рук, и колхоз нуждается в нашей помощи. Не привыкшему к речам, ему было трудно говорить. Лицо его покраснело, дыхание стало неровным. От такого официального обращения у всех вытянулись лица. Речь его была корявой, от напряжения он потел, но продолжал говорить. Помощь нужна сегодня и тянуть с ней нельзя. От неё зависит выполнение плана и обязательств, взятых колхозом перед государством.

Окинув нас своим прищуренным взглядом и убедившись, что все внимательно слушают, он продолжил объяснять, в чём будет заключаться наша

помощь. Нам, тогда мальчишкам, колхозный план и помощь были непонятны, а потому безразличны, но мы продолжали слушать. Если сократить длинную и нескладную его речь, а затем ещё и утомительный инструктаж, то можно сказать, что нам предстояло на ближайшем от бригады поле заняться прорывкой хлопковых растений. В то далёкое время хлопок сажали старыми сеялками. Чтобы растения наверняка прорастали, хлопковые сеялки регулировали из расчёта посадки в одно место до пяти семян, затем промежутки, и операция повторялась. Когда растения прорастали до десяти сантиметров, их вырывали, оставляя одно или два. Операция была нетрудной и несложной, вполне посильной для нас. Работать предстояло до двенадцати дня, и так несколько дней, пока не поможем колхозу. Все были ещё под впечатлением сказанного, и поэтому молчали. А ведь у нас наступили долгожданные каникулы, пришло жаркое лето. Работы и дома хватало, а нам предлагают какую-то помощь. Когда хочется поиграть, пойти купаться, залезть в колхозный сад, да и вообще отдалиться играм и развлечениям. Но после таких слов все были в замешательстве. Видя наше состояние, дядя Ваня продолжил свой инструктаж, спокойно и внятно объяснил, что всем будет определена трудовая норма, она, конечно, меньше, чем у взрослых. Нормой было шесть рядков на человека, а длиной рядок был до ста метров. Для тех, кто выполнит норму, в обед будет белый хлеб с маслом, мёдом и чаем. Все весело и бурно отреагировали. Кто-то кричал «ура», кто-то хлопал в ладоши, а кто и свистел. Но вскоре после бурной радости возникли сомнения. Ещё такого не было, чтобы кого-то в колхозе кормили мёдом. А вдруг обманут? Нужно сказать, что в те далёкие годы моего детства и юности хлеб ещё не продавался в магазине, его можно было купить только в областном центре. Хлеб пекли жители на неделю по домам, кто булки в русских печках, а кто в тандырах лепёшки. Иногда хлеб хозяйкам не удавался, да и за неделю он, конечно, подсыхал и был чёрствым. Белого хлеба не было вообще. Масло было не у всех, даже у тех, кто держал коров. А у кого оно было, его старались продать. Мёд же был редко у кого, в сельском магазине он тоже не продавался. Колхозная пекарня была хороша, да и пекари были отличными мастерами своего дела. Выпеченные белые булки были большими и мягкими, вкусными и душистыми. А мёд колхозный славился на всю округу. Ранней весной пасеку вывозили в горы, где пчёлы собирали нектар с горных трав, цветов и растений. Он был густой и прозрачный, а запах стоял насыщенный, дурманящий своим ароматом. Такой мёд у нас любили.

Свою речь и инструктаж Суряднов закончил, прервавшись на полуслове. Без привычки говорить и от охватившего его волнения рубашка его была мокрой, а пересохшие губы дрожали. У него был вид человека, выполнившего очень важное государственное поручение. На лице сияла довольная улыбка. Жестом уставшего человека показал нам следовать за ним на ближайшее поле. Оно начиналось недалеко от бригады, сразу за арыком, по которому текла вода для полива. Здесь же почти напротив арыка был большой колхозный сеновал с огромными скирдами соломы и сена,

а между сеновалом и бригадой метрах в пятидесяти стояли крытые грузовые весы. По краям арыка зеленела сочная трава, белыми цветочками цвела ежевика, радостно трещали кузнечики, высились молодые и старые раскидистые вербы, под кронами которых можно было укрыться от жаркого солнца.

Отсчитав каждому по шесть рядков, дядя Ваня закреплял их за нами, а Тастан записывал в свой блокнот. К работе приступили дружно. Суряднов забыл сказать, что нам за работу будут платить деньги, и это сейчас сделал Тастан. Но деньги не особенно интересовали нас. Когда и сколько мы получим денег, ещё неизвестно, а мёд с хлебом, маслом и чаем попробовать можно в обед. И всё-таки сомнения по-прежнему не покидали нас. Тастан успокаивал, уверяя, что с мёдом нас не обманут. Мы приступили к работе. Трудились на совесть, знали, что проверки не миновать. Дядя Ваня с Тастаном не только проверяли нашу работу, но и подбадривали нас, а иногда и помогали. Работать начинали почти одновременно, но потом кто-то отставал, а кто-то оказывался впереди. Конечно, дурачились и шутили, кидали друг в друга комьями земли и даже боролись, но работу не бросали. Как-то незаметно солнышко поднималось всё выше и выше, напоминающая тем самым о приближении обеда. Уже выполнили половину заданной работы, а обещанного хлеба, масла с мёдом всё ещё не было видно. Как-то тихо, совсем незаметно и неизвестно куда пропал дядя Ваня. Мы начали волноваться и боялись, что это может произойти и с Тастаном. На наши вопросы он упорно отмалчивался и только хитро улыбался. Поведение его ещё сильнее вызывало у нас сомнения и это сказывалось на работе. Кто-то из ребят затеял с Тастаном спор, пытаясь выяснить, куда девался дядя Ваня. Мы с Мишкой, не обращая внимания на разговоры, продолжали трудиться. А солнце поднялось уже высоко и начинало по-настоящему неприятно припекать.

Ребята, закончившие работу, собирались у арыка под раскидистыми вербами. Стряхивали пыль со штанов, отмывали в арыке позеленевшие от хлопковых росточков руки. Шутили и смеялись, но уже не так весело, как это делали с утра. Чувствовались усталость и растущее напряжение. Утомлённые работой, расстроенные отсутствием мёда, мы собрались уже расходиться по домам. Мишка первым увидел приближавшуюся двухколёсную тачанку и сидевшего в ней дядю Ваню Суряднова. Лошадь шла крупной рысью, за тачанкой поднималось небольшое облако дорожной пыли. Сидя в тачанке, дядя Ваня размахивал руками и что-то кричал, но его не было слышно. Напряжение не спадало, а росло. Были и такие, которые по-прежнему колебались. И эти сомнения начали рассеиваться лишь когда подъехала тачанка. В ней стояли ящик для продуктов и большой металлический термос. Дядя Ваня объявил, что сейчас будем обедать, но ящика пока не открывал. Он вёл себя как человек, добившийся в упорной борьбе победы и справедливости. Молча вытащил из тачанки матерчатое полотно, которое мы быстро постелили в тени вместо стола. Наше настроение

сменилось на радостное, сразу все повеселели, да и усталость куда-то пропала. Дядя Ваня отрезал от булок крупные куски белого хлеба, ловко намазывал их маслом, а сверху поливал густым ароматным мёдом. Раздалось наше громкое «ура», испугавшее Тастана и лошадь. Чай пить будем с мёдом! Все просияли от радости. Нас не обманули. Мёд был прозрачным, пахучим и очень вкусным. Тастан, улыбаясь, подавал всем полные алюминиевые кружки горячего чая. Начался заработанный и обещанный обеденный пир. Забылись усталость и переживания. Здесь же прояснилась причина задержки обещанного чая с мёдом. Дядя Ваня под общий смех рассказал, как они вместе с заведующим складом долго искали утерянные им ключи от склада, где хранились продукты. В поисках ключей они обыскали всё. Когда пришли домой к заведующему складом, он вспомнил, что ключи остались в старых штанах, которые жена постирала. Жены не было дома. А ключи она взяла с собой, чтобы передать их мужу. Но в это время к ней неожиданно пришла родственница с другого конца села с просьбой помочь подготовить обед ко дню рождения. Жена ушла к родне и в спешке унесла ключи с собой. Дядя Ваня рассказывал интересно, не то что проводил инструктаж, смешно изображал чуть не плачущего заведующего складом. А затем изобразил, как возмущённый завскладом гонялся за своей женой, которую так и не смог догнать. Суряднов, очевидно, чувствовал свою вину с задержкой мёда. И поэтому был с нами особенно внимателен и чуток. Рассказал ещё два анекдота, от которых все катались от смеха по земле, испугав не только лошадь, но и проезжавшего мимо верхом на ишаке поливальщика. После вкусного мёда, который щедро давали нам даже на добавку, здорового хорошего смеха, жаркого солнца и журчания воды в арыке у всех так хорошо было на душе. Смех, труд и, конечно, вкусный колхозный мёд как-то незаметно всех нас объединили и ещё сильнее сдружили. А когда расходились по домам, то Тастан напомнил нам, что завтра нас ждёт не только работа, но и вкусный и ароматный мёд.

С того времени прошло уже немало лет, но и сейчас не исчезают из памяти те беззаботные и счастливые трудовые дни моего детства.

г. Рязань.

Николай ШМИГАЛЁВ

ПОЧТИ КАК ТРИ БОГАТЫРЯ

Волшебно-приключенческая сказка

(Окончание. Начало в №№ 2-8 за 2012 год)

Тут ещё вместо эпилога:

Где-то на крайнем полюсе:

«А вы, простите, кто? Спецкор «ЖБ»? Идиотское имечко, сочувствую. Да, вы по адресу. Это я тот самый королевич Полисей. Что значит «ишь ты, не перепутал»? На всю Аркфрику это единственный ледовый дворец. Сложно его с чем-нибудь ещё перепутать. Не таким себе представляли? Излишки веса – издержки профессии. А бороду отпустил для солидности. Ну и что, что на Деда Мороза похож. Мне я такой больше нравлюсь. Вы ещё Искалибура не видели. Он вообще как бегемот отъелся. Не знаю, как вы меня здесь, на краю света, отыскали: кроме троих моих, э-э... друзей, никто больше не знал, что я здесь, среди снегов обосновался. Королица их, Надежда, точно помню, была невменяема. И я не думаю, что кто-нибудь из них проболтался. Хотя, в принципе, я из этого государственного секрета и военной тайны не делал. Просто перед царём Владибором неудобно, не сдержал слово, не смог исполнить договорные обязательства – убить эту оригинальную троицу. Рука не поднялась своих спасителей порубить в капусту. Почему в капусту? По-другому рубиться не умею. Да, я такой! Если делать дело, то делать его умело, если гулять, то гулять смело. Хм, кстати, можно использовать как афоризм или даже как пословицу: умело сделал дело – гуляй после дела смело! Или как-нибудь попроще можно. На досуге отшлифую. Что у нас с Хельгой? Живём душа в душу. По хозяйству ей помогаю, за всей ледовой территорией присматриваю. Нет, в тёплые края не тянет. Если только одним глазком посмотреть. Вообще планируем смотаться под Новый год на недельку-другую за пределы Полярного круга, только не на кого царство оставить. Хельга предложила опять отправить своего белого и пушистого питомца, дабы управляющего подыскал. Я же думаю, это не самая лучшая идея. Опять на международный конфликт можно нарваться. А оно нам надо?! Я от ратных дел теперича стараюсь держаться подальше, тем паче, боюсь в политику вляпаться. Если вы слышали, я раньше был мастером по поиску неприятностей себе на одно место. Лучший следопыт, так сказать. Мой портрет даже в главном кухонном зале замка рыцарей круглого шведского стола среди передовиков нашей отрасли целых три сезона провисел. Теперь же я больше по философской части, перекладываю жизнь знакомых рыцарей в притчи. Зачем? Когда заканчивается одна история, должна начинаться другая. Например? Ты молод ещё, всё равно не поймёшь. Хорошо, вот одна из последних. Про Осю и Росю.

Ну, слушай!

Старая кляча каурой масти понуро плелась по узкой лесной тропинке. Её всадник дремал в седле, изредка поднимая голову, чтобы оглядеться вокруг. Он был одет в стальные рыцарские доспехи, а его лицо и голова надёжно сокрыты под тяжёлым шлемом с опущенным забралом. Некогда пунцовый плащ всадника, ниспадавший с его плеч на тощий лошадиный круп, весь был дыряв и грязен, копьё – символ силы, как и тяжёлый щит, были давно выброшены им как излишняя обуза, а доспехи изъедены ржой, которая, словно чёрная плесень, покрывала некогда блестящий металл. Только рукоять болтавшегося в ножах меча мерцала отполированным серебром. Было видно, что не единожды ложилась на неё ладонь хозяина.

Человек, дремавший в седле, начинал свой путь от отчего порога, как обычный «ланселот», то есть странствующий рыцарь, но в своих тщеславных юношеских мечтах он грезил себя «ролэндом», героем, прославившим свою землю. Правда, за долгие годы странствий он получил только жалкое прозвище бродячего рыцаря Освальда, то есть бесславного выходца из восточных лесов. За весь многолетний нелёгкий путь Освальду не посчастливилось совершить ни одного героического подвига или хотя бы какого-либо запоминающегося поступка: драконы к этому времени уже были полностью истреблены его более удачливыми странствующими коллегами, великаны существенно измельчали, растворившись в общей массе, принцесс больше никто не воровал, разбойники с больших дорог и лесных вертепов перебрались в каменные замки и города, а истребление иных тварей, будь то огромные вепри, вытаптывавшие поля и огороды герцогов и ландграфов, или бешеные единороги (так в эту пору называли северных носорогов, тоже находившихся на грани исчезновения), было воспрещено указами и конвенциями правителей тех или иных королевств, через которые лежал путь рыцаря. Да что говорить про подвиги, если и с обычным запоминающимся поступком были, мягко говоря, затруднения. Даже ветряные мельницы, с которыми в крайнем случае можно было сразиться для вполне экстравагантного поступка, и те давно обветшали и пришли в негодность, а им на смену появились изрыгающие смрад и огонь паровые мукомольни, которых Освальд, честно признаться, побаивался больше, чем огнедышащих драконов (от последних-то хоть ясно было чего ожидать).

Конечно же, в пути он частенько хватался за рукоять своего верного меча, слышав призывы о помощи, и мчался туда, где срочно требовались его сила и доблесть. Но каждый раз ему приходилось разочарованно отпускать рукоять, так и не оголив лезвия. Помогать чинить отвалившееся колесо крестьянской телеги, пусть и на безлюдной лесной дороге, пусть и в надвигавшихся сумерках, или разнимать дерущийся у придорожной корчмы пьяный сброд, пусть и все на одного, пусть и с ножами, было делом далеко не рыцарским и могло лишь, как ему казалось, навредить его будущему имиджу. В такие моменты Освальд опускал забрало и, презрительно глядя сквозь смотровые щели в нём, бряцая начищенными латами, гордо проезжал мимо, не реагируя на мольбы о помощи.

Годы шли, доспехи теряли первоначальный блеск, покрывались ржавчиной, рыцарь с лошастью старели, а подвиг всё никак не подворачивался.

С годами Освальд стал сентиментальнее и уже не раз ловил себя на мысли, что готов помочь даже черни, пусть то будет оступившаяся в канаву уличная девка или упавшая в овраг овца у какого-либо юного пастушка. Но о помощи его уже никто не просил. Когда он в очередной раз появлялся в деревне или кому-то встречался в пути, все замолкали, провожая настоженным взглядом «ржавого рыцаря» с закрытым забралом. Даже пьяные кабацкие дебоширы останавливали выяснение отношений, пока тощий круп его рыцарского коня не скрывался в другом конце селения.

За годы странствий Освальд так и не обзавёлся семьёй. Ни одну девушку, встреченную им на своём пути в приветливо (на первых порах, естественно) открытых дверях домов благородных маркизов или баронов, он не смог назвать своей дамой сердца: у одной слишком пухлые «неаристократические» губы, у другой – смуглая «неблагородная» кожа, у третьей – большой «крестьянский» бюст. Уязвлённые его спесивой дотошностью девушки, что поделать, ну никак не походили на тот образ, который он рисовал в своих вполне прагматичных фантазиях.

Освальд продолжал свой путь в одиночестве и по прошествии стольких лет тоже уже не раз подумывал плюнуть на свои рыцарские «идеалы» и назвать дамой сердца уже какую-нибудь даму из пусть нищего дворянского рода или, чего себе врать, даже и не дворянку, пусть прачку, но чтобы хоть кто-то рядом.

И здесь рыцаря ожидало красивое рыцарское слово «фиаско», то есть поражение. Никто из дам ему больше приветливо не улыбался, да и крестьянки брезгливо отворачивались, только заприметив его ржавое суровое забрало.

Дело в том, что забрало шлема заржавело в опущенном состоянии, поэтому даже при всём желании Освальд уже не мог открыть своё, пускай обильно покрытое паутиной морщин, но ещё довольно красивое, даже для рыцаря, лицо. А снимать шлем он не хотел, покамест ещё верный отдельным статьям рыцарского кодекса чести, запрещавшим появляться на публике «простоволосым», то есть с непокрытой головой.

Зато время скитаний щедро наделило его другими рыцарскими «знаками отличия», пусть не такими явственными, но тем не менее: из-за долгого сидения в седле у него развился радикулит и геморрой, из-за в основном сухой пищи его мучили боли в желудке, а извечная неласковая спутница погода наградила его хроническим насморком. И хоть кажется всё это довольно забавным приобретением для рыцаря, Освальду с такими спутниками, поверьте, было не до смеха.

Так он и продолжал свой путь: одинокий, больной, бесславный и «ржавый» во всех смыслах этого слова.

Даже его верный рыцарский конь, превратившийся со временем в старую лошадь, а затем в беззубую клячу, которой по всем лошадиным срокам полагалось отойти в мир иной и давно уже в тайне мечтавший издохнуть от такой жизни, но всё ещё, словно проклятый, продолжавший тащить на своём хребте бряцавшую ношу, в очередной раз заслышав голос хозяина, пытавшегося поговорить хоть с ним, недовольно всхрапывал и мотал головой, давая понять Освальду, что слушать его не намерен.

Поэтому рыцарь дремал, а старая кляча каурой масти, погружённая в свои далеко не радужные мысли, понуро плелась по узкой лесной тропинке...

– Помогите! Помогите, человеку плохо! – внезапные женские крики о помощи как рукой сняли послеобеденную дремоту Освальда. – Помогите хоть кто-нибудь!

Крики раздавались из чащи. Его конь, услышав тревожные голоса из глубины леса, запрядал ушами и оглянулся на хозяина с немым вопросом в глазах.

– Вперёд, мой верный Росэфал! – протяжно произнёс Освальд, ещё не веря своему счастью: кто-то позвал его на помощь.

Услышав воинственный голос хозяина, Росэфал развернулся и, продираясь через заросли, потрусил на крики.

Вскоре лес расступился, и перед взором рыцаря открылась залитая солнцем поляна. Освальд пересёк небольшой ручей и выехал на поляну. На другом её краю он увидел прекрасную юную деву в белом пышном платье с кружевами, державшую на преклонённых коленях голову измождённого старца. И девушка, и старец показались ему знакомыми. Возможно, какой-нибудь граф с дочерью из тех, у кого он искал свою даму сердца.

– Сюда! На помощь! – перебила его мысли девушка, махнув рукой, но только Освальд направил коня в их сторону, как за его спиной раздалось лошадиное ржанье, и испуганный возглас красавицы. – О-о боже, он вернулся! Бегите, благородный рыцарь!

Освальд, и не помышляя о позорной ретираде, развернул своего коня навстречу пока невидимому врагу и увидел в том месте, откуда он только что выехал, чёрного рыцаря на гнедом коне. В отличие от его собственных почерневших от времени лат доспехи врага были из чёрной стали, отливали вороновым крылом в бликах солнца, а лицо было сокрыто, как и лицо Освальда, за опущенным забралом чёрного шлема с чёрными же страусовыми перьями на макушке. В правой руке рыцарь держал длинное копьё, а на его щите, надетом на левую руку, красовался герб, на котором была изображена корона, водружённая на голый человеческий череп.

– Это он нас загубил! Он вернулся, чтобы добить нас! – крикнула девушка и, разрыдавшись, прильнула к груди старца.

О таком везении Освальд не мог и мечтать. Вот что значит дождался своего часа.

– Не быть сему! – произнёс он, впервые за все годы странствий оголив свой меч для благого дела. С лезвия лёгкой пылью слетела ржавая труха, но Освальда это нисколько не расстроило и не остановило. Разве заржавевший меч препятствие для настоящего подвига настоящего героя?

Увидев его недружелюбное движение, чёрный рыцарь опустил копьё и вонзил шпоры в своего скакуна. Конь взвился на дыбы и помчал всадника навстречу Освальду.

«Эх, где ты, моё верное копьё? – успел подумать Освальд, замахиваясь на приближавшегося противника мечом, – ну и щит..» – выбитый из седла, припомнил он, падая на землю, ещё об одном рыцарском атрибуте.

Его разум покрыла чёрная траурная пелена.

Сознание возвращалось медленно, но верно.

Сначала Освальд почувствовал рядом тихое сопение, а затем прикосновение влажного платка к его давно небритой щеке.

«Неужели та самая девушка!» – яркой вспышкой мелькнуло в его тяжёлой и без шлема голове.

Освальд открыл глаза и попытался сфокусировать взгляд на склонившейся над ним фигуре, и ему это удалось. Увы! Его неожиданная радость сменилась горьким разочарованием. Этим размытым образом оказался его верный старый Росэфал.

Лошадь, склонившись над выпавшим из седла хозяином, своим шершавым языком пыталась привести Освальда в чувство.

Рыцарь отогнал заботливую скотину и, оперевшись на локти, осмотрелся вокруг. Прекрасная дева, старец и чёрный рыцарь исчезли, словно их и не было здесь. Тогда он взглянул на свою грудь и, не обнаружив на кирасе даже вмятины, понял – всё происшедшее ему попросту пригрезилось.

– Ничего не пригрезилось! – услышал он за спиной и в изумлении оглянулся назад.

За ручьём на камне сидел юноша, одетый в опрятный, расшитый золотом камзол с накинутым на плечи, белым словно снег, развевающимся плащом.

Освальд мог поклясться, что минуту назад там никого не было.

– Ты видел то, что видит каждый человек, перед тем как встретится со своей смертью, – произнёс юноша и совсем обыденно пожал плечами, мол, всего-то ничего.

Освальд дотянулся до слетевшего во время падения шлема и, подтянув ближе, пересел с сырой земли на него.

– Я так понимаю, ты и есть моя смерть? – бесстрашно спросил Освальд и кивнул на белоснежный плащ. – А это уготованный мне саван?

– Нет, ты не угадал, – усмехнулся юноша. – Я, наверное, можно так сказать, предвестник смерти.

Освальд ничего не сказал.

Не дождавшись вопроса, юноша сам пролил свет на происходящее с рыцарем:

– Я всего-навсего твоя совесть, а дева, старец и рыцарь – это твои Любовь, Надежда, ну и Вера...

– Позвольте...

– Это я попросил их подыграть тебе перед смертью, чтобы ты особо не расстраивался за бестолково растраченные годы, – договорил юноша.

«Как это банально, – подумал Освальд, вспоминая глупый спектакль, разыгранный необычным трио, – банально, глупо и обидно».

Он хотел было возмутиться бессовестным поступком своей (извиняюсь за тавтологию) совести, но передумал и лишь спросил:

– И что всё это должно было означать?

Юноша задумался.

– Не знаю, – признался он после недолгого раздумья. – Они сами так решили.

– Кто?

– Как кто – Вера, Надежда и Любовь.

– Но я так ничего и не понял.

– Вот в чём твоя беда, – произнёс юноша. – Ты прожил долгую жизнь, а так ничего и не понял. А всё ведь ясно и просто.

– Что ясно? Что просто?

– А то, что «Любовь» – эта милая девушка, тот самый нарисованный идеал твоих фантазий, и этот идеал в глубокой скорби из-за твоей душевной слепоты, а немощный старик – это твоя «Надежда» стать «ролэндом», человеком, прославившим делами себя и свою землю. Твоя надежда уже одряхлела, она почти угасла. И если ты глянешь на своё отражение в воде, то поймёшь, почему этот старец, как и дева-идеал, показались тебе знакомыми.

Освальд молчал, пережевывая слова, сказанные, если этот юнец не врал, его же совестью.

– Только не говори, что этот чёрный рыцарь – моя «Вера», – наконец произнёс Освальд, надеясь, что здесь точно какая-то ошибка.

– Здесь ты прав. Это не твоя «Вера», это вера людей в тебя. С годами их «Вера» превратилась в чёрную ненависть. Этот рыцарь и есть то, что стало с их «Верой». Тебя побаиваются, тебя презирают и ненавидят.

Рыцарь вздрогнул от этих слов как от пощёчины. Он ведь мечтал совсем о другой «славе».

– Но почему, ведь я им ничего плохого не сделал? – спросил он, нервно подёргивая плечами.

– Но ты не сделал и ничего того, за что тебя можно было уважать и любить людям, – ответила его совесть в белом плаще. – Порой бездействие и безразличие порождают большую ненависть, чем самое гнусное преступление.

– Но почему?!!

– За преступление всегда приходит расплата. Если вора или убийцу не найдут и не повесят, то он будет всю жизнь скрываться от людей, бояться каждого шороха за спиной, вести такой образ жизни, которому не позавидуют и шакалы, и в конце концов его же совесть сожжёт его сердце и разум, – слова юноши, словно гвозди, вбивались в сердце Освальда. – А безразличие, как таковое, преступлением не считается. Всадника благородных кровей, оставившего в ночи на дороге усталого путника-простолодина, возможно, на растерзание зверю, хотя до ближайшего постоялого двора каких-то десять миль, – иронично ухмыльнулся юноша, – такого всадника не станет карать даже самый справедливый король. А что людская молва, так пусть себе шепчутся за спиной, от этого жизни не лишаются. Вот только совесть...

– Знаю, знаю, – поднял Освальд руку в стальной перчатке. – Только совесть сожжёт и его сердце и разум.

– Ну, не совсем... Здесь я могу только подсказать, но есть ещё Высший суд и судить тебя будут не продажные судьи из числа людей... Там уже решат: гореть тебе или нет.

– Но, похоже, что ты уже начал сжигать мой разум: эти видения, помутнение сознания.

– Да нет же, всё совсем не так! – юноша поспешил разъяснить, в чём, собственно, дело. – Ты действительно задремал, и твой конь тоже, вот вы и сбились с проторённой дороги, заехали в чащу, где ты и был выбит веткой из седла. Твои преклонные лета и подвигли меня на мысль о скорой кончине. Сверзнуться с лошади головой о камень – такой удар не каждый смог бы перенести, даже из молодых и здоровых рыцарей. Вот ты и увидел, что увидел.

– Этот глупый спектакль?

– Да, пусть будет глупый, – согласился юноша. – Но обычно в такие роковые моменты человеку показывают какие-нибудь запоминающиеся моменты из его жизни, чтобы сделать ему приятное. Оттого и говорят, что перед смертью вся жизнь перед глазами пролетает, хотя на самом деле всего несколько отрывков. У тебя же в жизни не было ничего запоминающегося, поэтому они и придумали этот сюжет. По нему ты должен был одолеть своего чёрного рыцаря и, найдя, наконец, даму сердца, со спокойной душой (извиняюсь за ещё одну тавтологию) отдать богу душу на рассмотрение.

– И почему этого не случилось? – спросил Освальд, вспоминая почти настоящий удар копьём в грудь. – Опять я что-то не так сделал?

Юноша усмехнулся, услышав лёгкую иронию в словах рыцаря. Возможно, он не ошибался в нём, и ещё не всё потеряно.

– Ты будешь смеяться, – тоже иронизируя, ответил юноша. – Но сегодня просто не твой день. Смерть, по-видимому, предоставила тебе ещё один шанс.

– Как мило с её стороны – продлить моё ничтожное существование, – криво усмехнулся старый Освальд.

– Отнюдь, – ответила его совесть. – Тебе просто даётся редкий шанс выполнить одиннадцатую заповедь, если не хочешь гореть в аду за свои былые «подвиги» безразличия.

Рыцарь с сомнением посмотрел на юношу. Возможно, его удар головой о камень (спасибо ржавому шлему, смягчившему удар) как-то отразился и на ожившей то ли на самом деле, то ли в его сознании совести.

– Если я не ошибаюсь, их всего десять! – сказал Освальд, насмешливо поглядывая на собеседника.

– Ты ошибаешься! – уверенно кивнул в ответ юноша. – Их одиннадцать, и если первые десять гласят о том, чего нельзя вытворять, то в одиннадцатой указано то, что надо совершить. Так называемый «минимум миниморум».

Освальд от нового знания немного растерялся, не зная верить в это или нет.

– Так что, быть или не быть? – спросил юноша.

– Испупления желаю, – вздохнул Освальд, в неуверенности опустив глаза.

– Так вот, у тебя есть ровно год, благородный рыцарь, – уже без тени иронии произнёс юноша. – Ровно год, чтобы выполнить эту заповедь.

– И тогда я смогу стать «ролэндом»? – с замиранием сердца спросил рыцарь.

– Не факт, хотя кто знает? – пожал плечами юноша. – Ты просто не думай об этом. Делай то, что тебе подскажет сердце, потому что разум, сам видишь, – показал он на себя, – немного дал сбой.

Его Совесть, согласитесь, имела превосходное чувство юмора.

– Хорошо, я согласен, – окончательно приняв решение, сказал Освальд. – Скажи мне эту заповедь, и я исполню её, чего бы мне это не стоило.

Юноша прищурился.

– Э-э нет, это не ко мне. Тебе придётся самому познать её. Ты почувствуешь, когда, вернее «если», если будешь готов к ней. Ты готов отправиться в путь?

– А чем я всю жизнь, по-твоему, занимаюсь? – проворчал Освальд, поднимаясь и беря коня под уздцы. – В этот раз всё будет по-другому.

– Согласен, всё по-другому, – хитро улыбнулся юноша. – Перво-наперво ты оставишь здесь свой меч и доспехи.

– Но как тогда я смогу вершить благие дела? – возмутился Освальд, выпятив нижнюю губу.

– Опять за старое? – притворно нахмурил брови юноша.

Спесь с лица Освальда мигом слетела.

– Ну ладно, ладно, – недовольно проворчал рыцарь, снял ножны с пояса и бросил меч на землю рядом со шлемом. – Доволен?

– Ещё нет, – ответил юноша. – Шлем и ножны утопи в ручье, а меч вонзи в камень.

– Издеваешься?

– Делай, как я сказал.

Освальд выбросил шлем и ножны в ручей и, повертев меч в руках, обратился к своему собеседнику:

– Он ведь ржавый, такой и в дерево...

– В камень, – перебил его юноша беспрекословным тоном.

– В камень так в камень. Жаль, ломаем только...

С этими словами Освальд, поднявший меч обеими руками над головой, с размаху ударил им в камень и... вонзил его в гранит, словно в перезревшую тыкву.

– Чудеса! – удивился он и перевёл взгляд на улыбавшегося юношу.

– Ведь можешь, когда захочешь! – подмигнул ему юноша.

– Что дальше? – настроился рыцарь на очередное чудо.

– Авсё! – огорошил его юноша. – Этот меч будет ждать здесь очередного героя, а ты сможешь налегке отправиться в путь.

– Куда?

– Неважно. Только от коня тебе тоже придётся избавиться.

– Избавиться от Росэфала?! – заиграл желваками рыцарь. – Как? Он же мой... он мой... мой единственный друг. Я не смогу его прирезать.

– Зачем же резать, – всполошился юноша. – Достаточно отпустить его на волю. Это, как ты догадался, непростая поляна. Пусть он здесь попасётся на закате дней, попьёт воду из этого животворящего ручья.

– Пусть будет так, – согласился с предложением Освальд и обнял коня за шею. – Ты был верным боевым товарищем, пришло время и для отдыха, – сняв с Росэфала седло и перемётную суму, он пустил коня пастись на луг. Ничего не подозревающий Росэфал начал мирно пощипывать сочную травку, удаляясь к другому краю поляны.

– Теперь можно идти? – обратился Освальд к юноше, бросая полные грусти взгляды на лошадь.

Тот показал глазами на его латы.

– Так и пойдёшь в ржавых доспехах?

– Доспехи я не сниму, – твёрдо сказал рыцарь. – Это не обсуждается.

– Бросай их в ручей, – в тон ему произнёс юноша. – Их не многие рады будут увидеть вновь. Но надо будет накинуть что-нибудь сверху.

Освальд не стал пререкаться, снял латы и забросил их в ручей, затем порылся в сумке и, выудив более-менее исправное дорожное платье, которое он практически и не надевал, облачился в него.

– И плащ надевать не надо, – посоветовал ему юноша.

Вняв совету, старый Освальд отпихнул плащ ногой в сторону и, взглянув в последний раз на Росэфала, пошёл через ручей вброд.

– И помни, – крикнул ему вслед юноша-совесть. – Больше ты меня не увидишь и не услышишь, но всё равно будь начеку, прислушивайся к своей совести. Исполни одиннадцатую заповедь!

– Уж постараюсь! – крикнул Освальд и развернулся, чтобы помахать юноше на прощание, но на том месте уже никого не было.

Рыцарь махнул рукой и пошёл дальше.

Вскоре он вышел на проторённую дорогу и пошёл новой стезёй старого пути.

Совсем немного прошёл Освальд, как ему повстречались нищенствующие бродяги: слепой старик с повязкой на глазах и тощий мальчишка, оба в грязных лохмотьях сидели в тени придорожного дерева.

Презрительно взглянув на жалких попрошаек, рыцарь попытался пройти мимо, но в этот раз у него не было шлема с опущенным забралом, за которым он мог спрятать своё лицо, и, встретившись взглядом с пронзительными мальчишечьими глазами, полными отчаяния и недетской тоски, остановился. Преодолев непонятное чувство, то ли отвращения, то ли смущения, он приблизился к отдохавшим путникам и, не зная что спросить, как начать разговор, просто смотрел на мальчика. И чем больше он смотрел, тем сильнее у него начинало свербить в груди. Эти люди ничего не просили, ни на что не жаловались, а внутри у Освальда сердце рвалось на куски.

Никогда прежде он не испытывал подобного чувства.

Не зная почему, рыцарь вдруг вынул из сумы кусок хлеба и молча протянул его мальчику. Тот также молча взял хлеб и, разделив его пополам, сунул половину в руки слепцу. Старик жадно припал к еде. Съев свой кусок, он поинтересовался у мальчика, откуда взялся хлеб. Тот посмотрел на Освальда, но рыцарь, подмигнув ему, только приложил палец к губам. Мальчишка ответил, что это остатки от старых запасов, и старец, удовлетворённый ответом, вновь задремал.

Вдруг за поворотом раздалось тревожное ржание и послышался резвый цокот конских копыт.

Освальд оглянулся посмотреть, кто к ним скачет, и увидел коня каурой масти, отдалённо похожего на его Росэфала, только молодого и полного сил. Когда конь поравнялся с рыцарем и остановился, призывно качая шелковистой гривой, Освальд, опешив от удивления, признал в нём своего верного друга. Росэфал стал таким же, как и много лет назад, резвым и сильным скакуном. Рыцарь подошёл и, потрепав вернувшегося к нему друга по холке, подумал грешным делом уже вернуться на заветную поляну, испить воды из родника...

Слепой старик, разбуженный весёлым конским ржаньем, поднялся и, поклонившись, как он полагал, знатной особе, заторопился, призывая мальчишку продолжить путь.

– Обожди, слепец, – властно произнёс Освальд, отчего старец, ухватившийся за плечо мальчишки, испуганно задрожал. Увидев это, рыцарь сконфуженно поморщился. – Извини, не хотел тебя напугать. Тут такое дело...

Освальд замолк, не решаясь озвучить то, что пришло ему на ум. Ему же советовали слушать не ум, а сердце, которое сейчас молчало, но он всё-таки решил иначе.

– Мой конь знает заветный родник, – сказал Освальд. – Садись на него, он отвезёт вас к нему. Попробуй омыть в его водах свои глаза. Ничего не обещаю, но чем чёрт не шутит.

Не веря услышанному, старец поблагодарил за милость и попытался ускользнуть от невидимого «благодетеля», но Освальд был настойчив. Он сгрёб слепца в охапку и с трудом водрузил его на ничего не понимающую лошадь. В глазах Росэфала читались непонимание и испуг.

– Так надо, Росэфал, – прошептал рыцарь коню на ухо. – Ему ты сейчас нужней.

Скакун всхрапнул и лизнул своего хозяина в щёку.

– Только скажи мне, слепец, слышал ли ты что-нибудь про одиннадцатую заповедь? – обратился Освальд к старцу.

– Нет, ничего не слышал, ничего не знаю, – испуганно пролепетал слепой.

– Что же, поезжайте! – сказал рыцарь и хлопнул коня по крупу.

Мальчишка взял коня под уздцы и пошёл рядом с ним по дороге. Только сейчас Освальд заметил, что малыш сильно припадает на левую ногу. И вновь при виде хромоногого мальчугана у Освальда сильно засвербило в груди.

– Пойдите! – крикнул он, догнал остановившихся путников и, подхватив мальчугана, усадил того перед слепцом. – Мой Росэфал выдержит и двоих, а ты, – шепнул он мальчугану, – не поленись, искупайся в том ручье.

– Спасибо вам, добрый господин! Я сделаю, как вы сказали, – учтиво поклонился мальчишка, великолепно сидевший на лошади. – Позвольте узнать ваше имя, сэр?

Его тон и слова удивили Освальда: они принадлежали не мальцу-бродяжке, но благородному мужу.

– Я бродячий рыцарь Освальд. А тебя как звать?

– Артур, – ответил мальчик и впервые за их встречу улыбнулся, обнажив белые здоровые зубы.

– Приятно познакомиться, сэр, – шутливо поклонился Освальд и хлопнул Росэфала по крупу. – Прощай, Артур.

– До свидания!

Рыцарь проводил взглядом своего коня с его новыми хозяевами и побрёл своей дорогой.

Он понял, что надо делать.

В надежде исполнить одиннадцатую заповедь Освальд обошёл все королевства и земли, в которых он уже до этого неоднократно бывал. Теперь он не стремился совершать подвиги и геройские поступки, а довольствовался малым. Несмотря на преклонные годы, рыцарь отныне не гнушался никакой работой, если была на то нужда. За кусок хлеба он помогал одним, за доброе слово – другим, но никогда не требовал определённой платы. Если достаток позволял, его кормили, если не позволял, его просто благодарили. Иной раз его сердце начинало стучать набатом, сигналивая о необходимости помочь тому или иному человеку или даже животному, как было однажды с упавшим в колодец щенком, которого Освальд удачно выловил длинной жердью. Иной раз его разум настоятельно требовал, хотя сердце и молчало, прийти кому-нибудь на подмогу. И эти «требования» не оставались безответными. После подобных передрыг Освальд прислушивался к своей совести, но она помалкивала, и он удовлетворённо понимал, что на правильном пути.

Молва о странном бродяге, интересующемся неслыханной никем одиннадцатой заповедью, летела впереди него, играя порой с ним неожиданные шутки. В одном селении Освальда встречали будто пророка-паломника, в другом жалели словно юродивого, а в третьем избегали как прокажённого.

Освальд не обращал на это особого внимания. Не били, ну и ладно. Отведённый ему срок подходил к концу, а он ещё и не знал, исполнил он заповедь или нет, и тем более не ведал, о чём она вообще гласит.

Поэтому он не задерживался на одном месте подолгу, предпочитая искать тайну одиннадцатой заповеди в пути.

До окончания срока оставалось всего несколько дней, и Освальд, остановившись на постой в одном большом селении, чувствовал себя скверно. Все его болячки, заслуженные в предыдущих скитаниях, в полную силу дали о себе знать. Тяжёлая простуда свалила его с ног, да ещё боли в желудке и пояснице не давали никакой возможности продолжить путь. Освальд чах на глазах.

Но в этот раз он был не одинок. Румяная пухлощёкая кухарка, у которой он уже однажды останавливался в своей новой ипостаси, забросив все дела, хлопотала над ним, не отходя ни на минуту.

Её искренняя забота радовала Освальда. Огорчало только то, что он так и не узнал тайну одиннадцатой заповеди, и уже почти смирился с этим.

А времени уже почти не осталось.

– Колдуна поймали! Колдуна поймали! – раздалось одним ранним утром с улицы.

Обессиленный Освальд с трудом приподнялся на кровати и выглянул в окно.

Мимо постоялого двора с шумом и проклятиями двигалась людская масса в сторону церкви. Кого они вели, видно не было, но было ясно, что попавшему в переделку бедняге грозила скорая и ужасная смерть. Святая инквизиция не тратила много времени как на суд, так и на приведение зачастую единственного приговора в исполнение.

Мысленно пожалев бедолагу, Освальд в изнеможении откинулся на подушку. Вошедшая со двора кухарка принесла более полные новости. Оказалось, что помимо старца-колдуна, торговавшего из-под полы магической водой, дарящей здоровье, с ним был схвачен и его совсем юный ученик, которому тоже грозила смерть.

Услышав эту весть, Освальд почувствовал, как забилося сердце в его немощной груди. Упоминание о мальчике придало ему сил. Собрав оставшиеся силы, старый рыцарь с трудом встал с ложа и надел латанное-перелатанное, почти превратившееся в лохмотья за год скитания платье. Причитавшая подле кухарка как ни старалась отговорить его от задуманного, как ни уговаривала вернуться в постель, ничего не добилась. Освальд даже запретил сопровождать его к площади, на которой в скором времени должна была состояться казнь.

Превозмогая боль во всём теле, он отправился туда, куда стекались охочие до страшных зрелищ жители селения.

Когда Освальд добрался до площади перед церковью, на паперти уже стоял недовольный ранним подъёмом аббат, а внизу, преклонив перед ним колени, стояли старик и мальчишка. Несколько воинов в чёрных плащах сдерживали напиравший народ, а один из них держал под уздцы коня пегой масти.

Освальд протиснулся почти к самой середине человеческого гудящего моря, откуда было слышно, что говорил пойманный «колдун».

– Клянусь святым распятием, это всё мальчишка! – испуганно оглядываясь по сторонам, пронзительно кричал старик. – После того как он искупался, этот источник стал магическим. Я обмыл в нём свои глаза и прозрел. А это исчадие ада, этот искуситель, – старик ткнул пальцем в своего юного спутника, – надумил меня продавать дьявольскую воду людям. Это всё он!

Аббат недовольно поморщился: противный старик и юнец с острым взглядом, судя по этому признанию, действительно являлись приспешниками сатаны.

– Виновны! – провозгласил аббат.

Толпа радостно загудела, а особо ретивые жители побежали за дровами и хворостом. Единственным наказанием для ведьм и колдунов было сожжение на костре.

Аббат развернулся, собираясь, пока идут приготовления к казни, отзавтракать, как раздался голос из толпы.

– Стойте! Стойте, преподобный отец! – из толпы в круг вышел Освальд.

Аббат с сопровождающими развернулся, дабы посмотреть, кто так бесцеремонно отвлекал его от важных приготовлений.

– Меня зовут Освальд! – представился рыцарь и поклонился, превозмогая боль в пояснице.

– Я слышал о тебе, – ответил аббат. – Что ты хотел сказать?

Толпа с интересом ждала новых фактов из уст блаженного странника Освальда, свидетельствующих о виновности колдуна и его ученика.

– Я хочу сказать, что они невиновны! – произнёс Освальд.

Толпа, окружавшая его, ахнула и отшатнулась прочь. Заступившись за «слуг дьявола», он практически подписал себе смертный приговор.

Аббат не торопился делать поспешные выводы.

– Чем ты докажешь, путник?

Освальд сделал несколько шагов вперёд, но его остановили воины.

– Это я показал им заветный родник. И он был чудодейственным ещё до того, как в нём искупался мальчишка. Старик просто солгал, выгорая себя этой грязной ложью.

Аббат с неподдельным интересом оглядел Освальда.

– Ты так смело ведёшь себя перед судом Святой инквизиции. Не боишься ли ты присоединиться к этим приспешникам сатаны?

Освальд еле заметно улыбнулся, что не укрылось от глаз аббата.

– Долгие годы я странствовал по свету в поисках подвигов. Начав свой путь от отчего порога, как обычный «ланселот», то есть странствующий рыцарь, в своих тщеславных юношеских мечтах я грезил себя «ролэндом», героем, прославившим свою землю. Правда, за долгие годы странствий справедливо заслужил лишь жалкое прозвище бродячего рыцаря Освальда, то есть бесславного выходца из восточных лесов. И однажды мне было видение, где моя совесть указала мне оставить все рыцарские атрибуты и простолюдином отправиться в путь, чтобы выполнить одиннадцатую заповедь.

– Одиннадцатую заповедь?! – впервые с начала разговора недобро нахмурился аббат. – Их всего десять!

– Мне сказали, что это не совсем так, – развёл руками Освальд и продолжил. – Так получилось, что, отправляясь в путь, я перешёл тот заветный родник по колено, и с тех пор мои ноги, несмотря на возраст, никогда не уставали. Только позже я понял это. А встретив в пути этих калек, я отдал им своего коня, который отвёз их к источнику, где, как я теперь вижу, излечились и они.

Аббат в задумчивости поднял глаза к небу.

– Мало того, что ты берёшь на себя их вину, – после недолгого раздумья произнёс святой отец. – В твоих речах звучит явная ересь, подрывающая церковные догмы.

– Еретик! Еретик! – зашептала испуганная толпа, отодвигаясь от Освальда ещё дальше.

– Но твоих слов недостаточно, – сказал аббат, сурово глядя на Освальда, который от боли в груди еле держался на ногах. – Есть ли кто-нибудь ещё, кто сможет доказать их невиновность!

– Он сказал правду! – бывший слепец со стенаниями пополз на коленях к паперти. – Святой отец, всё, что сказал этот человек, истинная правда, я солгал, оговорив своего поводыря.

Аббат дёрнул бровью, и воины отволокли старца назад, подальше от церкви.

– Ты лживый старик, – с неприязнью произнёс аббат «слепцу». – Твои уста грязны, и нет тебе веры, – аббат перенёс свой взор на молчавшего доселе мальчишку. – А ты что скажешь?

Мальчуган посмотрел на аббата и ничего не произнёс.

– Артур, скажи им правду, скажи, что это я поведал вам про тот родник! – крикнул Освальд.

– Я впервые вижу этого благородного человека, – наконец ответил Артур, отведя глаза от своего давнего благодетеля. – Он пытается оклеветать себя, чтобы спасти нас, очень жаль, что это всего лишь его выдумка. Вы сами слышали, этот старик потерял рассудок, коли бормочет ещё и о какой-то одиннадцатой заповеди. Отпустите блаженного восвояси, пусть ищет свою заповедь.

От его не по-детски мудрых речей всем вокруг стало не по себе.

Даже аббат по-новому посмотрел на создавшуюся ситуацию.

– Мне жаль, но твоё заступничество не имеет под собой истинной опоры, – произнёс аббат, поражённый таким самопожертвованием. – Твой поступок благороден, Освальд, но они должны понести наказание...

– Стойте! – перебил его рыцарь. – Я докажу вам, что не лгу. Мой конь должен помнить меня! – Освальд повернулся к пегому скакуну. – Росэфал! Росэфал! – протянул он руки к лошади. – Помнишь ли ты меня, старый друг?!

Скакун, спокойно стоявший рядом с державшим его воином, услышав своё позабытое имя, встал на дыбы и, вырвав уздечку из рук воина, подбежал к Освальду.

– Узнал, старый товарищ, – нежно обнял лошадиную морду Освальд. – Вспомнил, чертяка!

– Вот видите, это он ведьмак, он показал нам заколдованный родник! – завизжал старик, вновь подползая к паперти, но один из воинов огрел его плетью и, схватив за плечо, отбросил на место.

Старик заскулил и съёжился от страха.

Толпа, на глазах которой происходили эти события, взволнованно зашумела. В этот раз аббат, склонив голову, долго стоял в задумчивости, не зная какое принять решение.

Потеряв последние силы, Освальд медленно осел на землю, рядом с копытами Росэфала.

– Провозглашаю! – наконец поднял руку аббат, призывая к тишине, и, дождавшись, когда все смолкнут, произнёс. – Блаженного Освальда-заступника, сказавшего правду во спасение других, отпустить восвояси. Старца, оговорившего своего спутника, ослепить вновь, так как прозрел он впустую, его душа осталась слепа, и лишить грязного языка, чтобы не клеветал более. Юного же Артура, солгавшего Святой инквизиции на допросе... – аббат сделал паузу и все напряглись в ожидании вердикта, – но, солгавшего из благородных целей... С мальчишки взять слово, что он никому не откроет тайну нахождения заколдованного источника, его слова хватит, и отпустить на все четыре стороны.

Толпа радостно выдохнула. Таким вердиктом все остались довольны: слепец, потерявший остатки своего разума от уготованной ему участи, был не в счёт.

Освальд заплакал от счастья и упал навзничь.

Артур подполз к нему и положил его голову себе на колени.

Освальд открыл глаза.

– Я вновь рад видеть тебя, сэр Артур, – преодолевая боль в груди, улыбнулся Освальд.

– Я тоже рад видеть вас, сэр Освальд, – улыбнулся сквозь слёзы мальчишка. – Вы второй раз спасаете мою никчёмную жизнь.

– Кто знает, что за муж сокрыт в этом хрупком теле? – философски заметил Освальд, оглядев щуплого мальчугана, и закашлялся.

– Ты видел там, у ручья, камень, в который воткнул ржавый меч? – спросил Освальд, когда кашель отпустил его.

– Нет, – ответил Артур.

– Нет? Как? Он был...

– Я видел у ручья гранитный валун с мечом, чей клинок отливает белым серебром. Тот восхитительный меч воистину достоин короля.

– Хорошо... он твой... – прошептал Освальд, теряя силы. – На дне... ручья...

Освальд замолк, боль в груди становилась невыносимой.

– На дне ручья что-то блестело, – прошептал Артур на ухо Освальду. – Что-то очень похожее на золотые рыцарские латы.

– И они тоже... – промолвил Освальд и уронил голову.

Его немолодое сердце, долгое время бившееся невыносимо сильно, не выдержало и остановилось.

Юный Артур склонился над старым рыцарем и заплакал.

И никто не догадывался, что это были последние слёзы будущего короля.

Когда боль в груди утихла, и Освальд, почувствовав необычайную лёгкость, поднялся посреди быстро опустевшей площади, он увидел, как над его бранными останками плакал юный Артур, а рядом с ним стоял, понуро опустив голову, его верный Росэфал.

«Кажется, теперь я умер на самом деле, – почти без огорчения подумал рыцарь, разглядывая осунувшееся лицо покинутого им тела. – И в этот раз без спектаклей и без встречающих».

– Почему же «без»? – вышел из-за лошади улыбающийся юноша в белом плаще. Тот самый! – И насчёт спектакля ты тоже не прав: последний акт, разыгранный тобой, получился довольно ярким и запоминающимся.

Освальд тоже улыбнулся словам юноши.

– Рад тебя видеть! – поприветствовал он свою совесть или, по крайней мере, того, кто ею представился. – Ну что скажешь?

– Ты был на высоте.

– Я хотел услышать иное, исполнил ли я одиннадцатую заповедь?

– А сам как думаешь?

– Ты просто скажи, да или нет, – Освальд начинал сердиться на собеседника

– Допустим, «да», – лукаво улыбнулся юноша. Пройдя сквозь Артура, он остановился рядом с сердитым Освальдом. – Ладно тебе сердиться, я же сказал, что ты был на высоте.

– Значит одиннадцатая заповедь гласит «жертвуй жизнью ради защиты и спасения невинного»?

– Нет, с чего ты взял? Может, и не так. И вообще, если ты её и выполнил, то не сейчас.

– Как так? А когда тогда?

– Может, в самом начале?

Освальд задумался, припоминая, что он такого совершил в начале пути.

Первые лучи поднявшегося из-за леса солнца осветили стены церкви и легли на каменную мостовую площади.

– Что же, нам пора, – дружелюбно кивнул Освальду юноша. – Пошли, по дороге вспомнишь.

Юноша не спеша пошёл по лучу на рассвет.

– А-а, понял, я всё понял! – обрадовался Освальд и, догнав юношу, напомнил другой пример. – Это когда я отдал калекке своего коня для благого дела.

– Уже теплее, но ещё чуть пораньше, – продолжая подниматься по лучу, ответил юноша.

Рыцарь пошёл следом, роясь в своих воспоминаниях.

– Когда вогнал меч в камень? Нет. Отказался от успехов? Нет, глупости. Что же ещё? – размышлял вслух Освальд, семена за своим проводником. – Может, кусок хлеба? Не может быть!

– А почему бы и нет, – оглянулся через плечо юноша. – Вполне возможно, что заповедь так и звучит: «сверши, пускай малое, добро, не для благодарности и восторженных похвал публики, а для себя, успокоения своей совести, и не афишируй его». Ты, наверное, и сам не понял, зачем палец к губам тогда приложил. Это было от сердца.

– Странно звучит твоя «заповедь», – поравнявшись с юношей, недоверчиво посмотрел на него Освальд. – Слишком длинно и непонятно.

– А ещё она гласит: «Не прелюбопытствуй».

– Мне кажется, ты просто морочишь мне голову.

– Твоя голова осталась там, внизу. Теперь ты свободен от всей этой обузы, пари, душа.

– Если я ещё в начале пути исполнил заповедь, зачем ещё год мучился? – растерянно произнёс Освальд. – И зачем вообще всё это было затеяно? – и тут его осенило, – Или я избранный?!

– Скажешь тоже, – хмыкнул юноша. – Ты просто подвернулся удачно, а избранный, извини, кое-кто другой.

– Сдаётся мне, и не совесть ты никакой или никакая... Я уже запутался.

– Ты всё это время верил, что я твоя совесть?! Вот умора! – захохотал юноша.

– А кто же ты на самом деле? Как тебя звать?

Спутник Освальда продолжал безудержно смеяться.

– Может, такой заповеди и не существует? Ты всё выдумал? – не унимался Освальд. – И вообще, куда мы идём?

Его юный собеседник продолжал хохотать ещё громче.

Освальд, оглянувшись, заметил, что белый плащ, развевавшийся за спиной юноши, давно превратился в два больших белоснежных крыла, и тоже рассмеялся.

Теперь он точно знал, что одиннадцатая заповедь существовала, и пусть он не знал, о чём гласит заповедь, но её исполнил.

Такие как его спутник, не ввали. Ну если только самую малость...

Вот такая притча! Чувствуешь, какой глубокий смысл в ней сокрыт? Уловил идею? Мы, рыцари, хоть и не богатыри, а тоже кой-чего можем. И юмор у нас более суровый, готический. Эй, спецкор, не спи, замёрзнешь! Что значит, «задремал, не записал»? Твои проблемы! Я два раза не повторяю! Как говорится: притчам и сказкам конец, а кто слушал, тот молодец!».

P.S. Вы будете смеяться, но у меня всё.

г. Астана.

Бейбит АХМЕДИЕВ

øêîëà ñ óêëîííî

В кабинете сидели две женщины и оживлённо беседовали между собой. Дама в строгом тёмно-вишнёвом костюме, с пышной копной волос, выкрашенных в насыщенный баклажанный цвет, сидела в кресле, за столом, и вежливо слушала свою собеседницу. Полная дородная особа, одетая в изысканное итальянское платье и обутая в какие-то экстравагантные туфли, что-то эмоционально доказывала ей. Кольца на руках, усыпанные драгоценными камнями, и брильянтовые серьги, свисавшие с мочек её ушей, отливали всеми цветами радуги, притягивая, как магнитом, взгляд серьёзной женщины за столом. Вскоре особа закончила, и дама в строгом костюме уверенно заговорила:

– Нет, не могу. Поймите, класс набирается по фамилиям, которые обозначают названия блюд. Европейская кухня. А у вас – Супов.

– Но ведь суп – это тоже блюдо, еда, – не унималась настойчивая особа.

– Понимаете, суп – это абстрактное, обобщённое название еды, пищи, как правило, жидкой, которую обычно подают на первое. А у нас только конкретные блюда. Вот посмотрите: Блинов, Борщёва, Варенников, Галушко, Кулебякина, Ухин, Холодцов. А вот из западноевропейской: Гамильтон, Консоле-Лапшина, Марешаль, Маседуани, Пашотович, Ростбифов, Шнициленко, – поймите, отбор у нас строгий. А сколько у нас было проблем с этой, как её, даже вспоминать боюсь, просто ужас какой-то, Шашлычкиной-Бекон? Мол, не европейское это, а Турция где находится? В Европе. Кое-как доказали этим кретинам. Так что, извините, лучше отдайте своего ребёнка в школу с математическим уклоном или с углублённым изучением английского.

– Об этом не может быть и речи. Не для того мы шесть лет готовили нашего мальчика, чтобы просто так взять всё и бросить. Какие тут могут быть математические и английские школы, только ваша.

– Но я вам ещё раз говорю: у нас отбор строгий, в этот класс – только блюда. На прошлой неделе закончили набор в класс «Фауна Австралии», а сколько шума было, хлопот, нервотрёпки. Вот, посмотрите список фамилий.

Екатерина Викторовна открыла журнал и, ведя пальцем по списку, стала читать:

– Вомбатов, Динго-Сцинк, Кенгуренко, Коалов, кстати, вот вам пример: Утконосиков. Первый раз этот мальчик пришёл с фамилией Носиков, и мы, разумеется, отказали. Ведь это фауна Австралии. Так родители не спасовали, не растерялись, оперативно, за неделю переделали метрики – и вот, полюбуйтесь: Утконосиков. Правда, окончание тут не совсем правильное, но родители пообещали быстро всё исправить.

Через неделю первый раз в первый класс пришёл маленький мальчик с красивым ранцем за спиной. Счастливые мама и папа с умилением смотрели на своё чадо. Их сына посадили за первую парту. Дорогой французский костюмчик был несколько великоват ему, и он, как желторотый воробушек, с испугом выглядывал из него. Мальчик, сидя за партой, с любопытством разглядывал класс, поворачивая голову то влево, то вправо, и совсем забыл о том, что происходило вокруг. Вдруг чей-то приятный, поставленный голос отчётливо произнёс:

– Фрикаделькин, Фрикаделькин. Ребята, кто из вас Фрикаделькин?

Мальш с недоумением смотрел на эту красивую, элегантно одетую тётеньку и думал: «А моя мама больше её». Женщина подошла к нему и мягко спросила:

– Мальчик, как твоя фамилия?

– Супов, – негромко ответил он.

г. Талдыкорган.

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (7172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы 8-701-337-45-55.

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

www.niva.ucoz.kz

E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.

Web-редактор **Л. Б. Мананникова.**

Корректор **И. Н. Юзупанова.**

Набор и вёрстка **Ю. В. Богдановой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива»».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.

Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 02.07.2012 г.

Подписано к печати 02.08.2012 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.

Заказ № 3862.

Номер набран и сверстан в ТОО

«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива»».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.